

А. Н. ЗАМЯТИН

КУЛЬТУРА И ПРОСТРАНСТВО

История культуры

Дмитрий Николаевич Замятин

Культура и пространство. Моделирование географических образов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=489385

*Культура и пространство. Моделирование географических образов: Знак; Москва; 2006
ISBN 5-9551-0144-6*

Аннотация

Монография посвящена исследованию процессов взаимодействия культуры и пространства. Анализируются различные культурные традиции восприятия и воображения географического пространства. В качестве одного из эффективных механизмов описания и характеристики подобных взаимодействий предлагается концепция моделирования географических образов. В книге рассмотрены основные классификации географических образов в культуре, выявлены базовые стратегии репрезентации и интерпретации географических образов в различных сферах культуры и человеческой деятельности.

Книга может быть полезна ученым-гуманитариям, изучающим проблемы представления культурных пространств; преподавателям и студентам гуманитарных специальностей вузов.

Содержание

Введение	9
Благодарности	36
Используемые сокращения	40
Глава 1	41
1.1. Традиции изучения образов географического пространства в философии	43
1.1.1. Проблематика пространства в философии и география	43
1.1.2. Философские основания современной российской географии	61
1.2. Традиции изучения образов географического пространства в гуманитарных науках	68
1.2.1. Изучение образов географического пространства в истории	73
1.2.2. Изучение образов географического пространства в филологии и языкознании	78
1.2.3. Изучение образов географического пространства в архитектуре и градоведении	82

1.2.4. Изучение образов стран и границ в гуманитарных науках	86
1.2.5. Исследования образов пространства в геополитике, региональной политологии и социологии. Региональная идентичность	90
1.3. Традиционные направления изучения понятия образа в гуманитарной географии	98
1.3.1. Методологические традиции исследования понятия образа в географии	98
1.3.2. Методологическая адаптация понятия географического образа в сфере гуманитарной географии	102
1.3.3. Традиционное страноведение и формирование образа страны	115
1.3.4. Методологический поворот в теоретико-географических исследованиях в 1960—1980-х гг	120
1.4. Исследования образов географического пространства в естественных науках	127
1.5. Географические образы в культуре	149
1.5.1. Генезис образно-	149

географического видения мира	
1.5.2. Система методологических понятий образно-географического анализа	156
1.5.3. Геокультура: образ и его интерпретации	164
Выводы к главе 1	175
Глава 2	180
2.1. Основы методологии моделирования географических образов	182
2.1.1. Методологическая эффективность моделирования географических образов в культуре	182
2.1.2. Способы географизации образов мира	187
2.1.3. Определения географического образа в методологическом контексте	199
2.1.4. Географический образ и пространственное мышление	208
2.2. Базовая модель идеального географического образа	216
2.2.1. Типы географического пространства	216
2.2.2. Методологические и теоретические основания базовой модели идеального географического	220

образа	
2.2.3. Первичное образно-географическое «зондирование» крупного региона: пример Восточной Европы	229
2.3. Методология изучения процессов формирования и развития географических образов	238
2.3.1. Механизмы формирования и развития географических образов	238
2.3.2. Принципиальная схема формирования и развития географического образа	243
2.3.3. Формирование географических образов и проблема наблюдения	248
2.4. Картографирование географических образов	261
2.4.1. Методологические основания картографирования географических образов в контексте развития процессов Постмодерна	261
2.4.2. Метод образно-географического картографирования (ОГК)	273
2.4.3. Картосемиотика географических образов	312
Выводы к главе 2	318

Глава 3

324

Конец ознакомительного фрагмента.

325

Дмитрий Николаевич Замятин Культура и пространство. Моделирование географических образов

Введение

Пространство и время – наиболее естественные и органичные координаты культуры. Любая культура имеет собственные, уникальные пространственные измерения. Эти измерения выражаются не только в конкретных географических условиях, в которых развивается культура, но и в определенных образах пространства (географических образах), порождаемых изучаемой культурой. Определенные географические образы являются существенным компонентом рассматриваемой культуры, а также культуры вообще (взятой в ее абстрактном, высшем смысле). В то же время данные образы оказывают значительное влияние на формирование и развитие самой культуры,

определяя ряд ее уникальных признаков и феноменов.

Проблемы соотношения культуры и пространства, их взаимодействия оказываются чрезвычайно актуальными как в сфере научного поиска различных гуманитарных дисциплин (культурология, политология, история, филология, психология и др.), так и в сфере непосредственной практической деятельности человека – будь то охрана культурного и природного наследия, внешняя и внутренняя политика государств, международные отношения, социально-экономическое развитие различных регионов и стран. Значительная часть современных гуманитарно-научных исследований ориентирована на изучение различного рода пространственных концептов и образов, причем такие исследования оказывают серьезное влияние на развитие общей методологии гуманитарных дисциплин в целом (например, изучение образов пространства в языкознании и литературоведении). Наряду с этим, большинство подобного рода работ практически не соприкасается с аналогичными попытками и исследованиями в естественных науках – прежде всего в культурной, политической и социальной географии. Наличие такого, до сих пор не перейденного «Рубикона» снижает общий методологический и прикладной потенциал изучения проблем

взаимодействия культуры и пространства.

Кроме того, в сложившемся к настоящему времени гуманитарно-научном дискурсе существует серьезный «перекос» в сторону изучения проблем восприятия времени, исторических и культурных эпох – что с точки зрения истории развития гуманитарных наук понятно, однако недостаточно с позиций их перспективного развития. До сих пор исследования пространства и образов пространства в культуре относится заведомо к некоторой архаике, к аспектам исследования в основном первобытных, архаичных и/или древних культур. Процессы быстро развивающейся глобализации, казалось бы, снимают проблемы культурологического изучения географического пространства, сводя их, по существу, к различным аспектам мультикультурализма и одновременного сосуществования домодерных, современных и постмодерных культур и цивилизаций. Введенное недавно в научный дискурс понятие глокализации, означающее синтез наиболее важных процессов глобализации и регионализации, не меняет кардинально сложившейся неблагоприятной ситуации в культурологических студиях пространства.

Между тем, современные культурные, политические и социально-экономические практики во все большей степени становятся ориентированными на использование различных образов пространства, на-

чиная от образов небольших сельских местностей, городов, культурных ландшафтов и заканчивая образами административно-политических образований государства, региональных политических союзов и даже цивилизаций. Культурные политики, политические действия и экономические решения в современном мире не представимы без целенаправленных, хорошо «упакованных» прикладных пространственных образов, которые являются их неотъемлемой и значительной частью. Мы предпочитаем говорить далее уже о географических образах и различных аспектах их моделирования в культуре – с тем, чтобы, с одной стороны, отграничить наше исследование от изучения образов пространства в других гуманитарных и естественных науках, а, с другой – подчеркнуть целостность, некоторый «холизм» нашего методологического подхода к самой проблеме. По сути, проблематика моделирования географических образов относится, на наш взгляд, к феноменологии культуры, анализирующей теоретические и методические поиски в других науках, но при этом обеспечивающей единый, «сквозной» взгляд на поставленную проблему и, соответственно, обуславливающей спектр предлагаемых автором теоретических и методических приемов.

В данном исследовании мы в известной мере абстрагируемся от изучения психологических аспектов

восприятия географических образов, а также от изучения массовых географических образов (на уровнях социальных и профессиональных групп различного масштаба с использованием разного рода анкет и методов интервью) в социологическом плане. Нами реализуется феноменолого-культурологический подход к проблеме становления и развития географических образов и проблеме их моделирования в широком социокультурном контексте.

Культура, для того, чтобы осмыслить собственное пространство, а также пространства других культур, должна выработать механизмы образной интериоризации пространства. В ходе такого когнитивного процесса происходит своего рода «внеположение» пространства как бы за пределы самой культуры, глазами наблюдателя или исследователя, работающего и живущего в данной культуре. Получается, что само пространство как бы выталкивается из культуры, начавшей его осмыслять, однако в то же время в самой культуре формируются специфические географические образы, фиксирующие подобное «выталкивание» пространства. Именно с таким механизмом взаимодействия культуры и пространства связана сложность безусловного отнесения моделирования географических образов к той или иной научной области.

Понятие или образ механизма есть одна из базовых

метафор научного исследования и любой практической деятельности. Исходя из этого, механизм описания взаимодействия культуры и пространства может рассматриваться как феноменологический конструкт. Следовательно, отбор образов начинается с процедур образного описания, а доказательства их валидности в культуре нарабатываются в ходе развития самого образного описания. Иначе говоря, значимость отобранных образов и их культурная валидность проявляются как значимость и образность (в научном, публицистическом или художественном планах) самого феноменологического поиска.

В целом актуальность исследования имеет *теоретический и практический аспекты*. *Теоретический аспект*: изучение особенностей и закономерностей моделирования географических образов в культуре позволяет осмыслить и структурировать на более глубоком концептуальном уровне процессы пространственного взаимодействия различных культур, субкультур, этносов и цивилизаций. *Прикладной аспект*: данное исследование может быть полезным как для изучения практических последствий быстро развивающихся в современном мире процессов регионализации и глобализации в целях их социокультурной диагностики, так и для практических разработок и про-

ектов по моделированию геокультурных образов территорий различных физико-географических размеров и политико-экономических рангов.

Целью нашего исследования было, в первую очередь, определить абрис, основные контуры моделирования географических образов в культуре. Такой подход, естественно, не мог предполагать углубленного изучения механизмов онтологизации географических образов. Тем не менее, подобное направление образно-географических исследований может быть очень важным как с точки зрения концептуального развития направления, так и с практической точки зрения, учитывая высокую методологическую эффективность применения понятия ментальности в современной культурологии.

Соотнесение географических образов и метаобразов различных уровней вполне возможно при понимании их как культурных феноменов. Кроме того, подобные соотнесения возможны и на уровне различных репрезентаций и интерпретаций географических образов, а также при формулировке разных образно-географических стратегий. Так, любая составленная образно-географическая карта уже позволяет соотнести вошедшие в картографическое поле образы, определить их значимость и сделать первоначальные выводы об их связях. Воспроизводимость результа-

тов исследований географических образов в культуре опирается на уже выявленные правила составления образно-географических карт и обобщенные стратегии интерпретации географических образов. Трансляция технологии моделирования географических образов может осуществляться двумя наиболее очевидными способами: передачей личного опыта в коллективных образно-географических исследованиях и подготовкой методических разработок и рекомендаций.

В содержательном плане наша работа находится на стыке культурной географии, культурологии и социокультурной антропологии. Вместе с тем она может позиционироваться как гуманитарно-географическая. Поэтому следует определить концептуальные отношения со сложившимися представлениями о гуманитарной географии (иногда ее называют также общественной географией, географией человека в широком смысле).

В нашем понимании, гуманитарная география активно использует понятия, теории, знания, накопленные и сформулированные гуманитарной половиной уже существующей географической науки. В первом приближении эту половину и можно назвать собственно гуманитарной географией. Однако при более углубленном рассмотрении приходится признать,

что в основе гуманитарной географии должны лежать несколько иные принципы, нежели просто деление наук по непосредственному предмету их изучения (география городов, образования, населения, туризма и т. д.). На наш взгляд, один из возможных подходов к предмету изучения гуманитарной географии – это характер, специфика, степень интериоризации пространства в различных социокультурных сферах деятельности. При этом, конечно, невозможно базировать всю гуманитарную географию на географических образах. Наряду с географическими образами, в понятийную базу гуманитарной географии входят основополагающие понятия культурного ландшафта, региональной (пространственной, локальной) идентичности, пространственного мифа. Название «геоимагология» для развиваемого нами направления вполне приемлемо. Нами предлагается также название «образная (или имагинальная) география». Наконец, в гуманитарно-научной литературе встречаются также термины «философическая география», «география воображения», что близко по смыслу к вышеназванным геоимагологии и образной географии. Поскольку это только формирующаяся в концептуальном и институциональном планах сфера гуманитарно-научных исследований, то такая ситуация в науковедческом контексте понятна.

Состояние вопроса и степень разработанности проблемы. Рассмотрение проблемы взаимодействия культуры и пространства предполагает междисциплинарный характер исследования, охватывающего широкое поле гуманитарного знания. Понятие образа прямо или косвенно изучается и используется в географии примерно с середины XIX в. Наряду с этим географические представления и образы географических пространств достаточно давно (также не позднее, чем со второй половины XIX в.) исследуются в философии и гуманитарных науках. К настоящему времени в этой междисциплинарной области исследований сложились следующие направления: феноменологический и онтологический анализ образов географического пространства, геоисторический и историко-географический анализ образов пространства, мифологические, филологические и семиотические исследования географических представлений, изучение образов географического пространства в градостроении, социологии и психологии, анализ географических образов в культурной географии, географии искусства и искусствознании, исследования образов пространства в теоретической географии, исследования образов в геополитике и политической географии, изучение образов стран и регионов в географическом страноведении и межкультурной комму-

никации.

В зависимости от используемой методологии, эти направления исследований можно объединить в четыре большие группы: философские, гуманитарно-научные, гуманитарно-географические и естественнонаучные. В философии исследуются онтологические и феноменологические основания образов географического пространства. В гуманитарно-научных работах рассматриваются закономерности формирования и развития географических представлений различного происхождения. В гуманитарной географии в целом изучаются особенности и закономерности формирования и развития географических образов и образно-географического пространства. В естественнонаучных трудах исследуются основы восприятия и воображения пространства. В ряде работ содержатся одновременно элементы разных методологий.

Глубокие традиции исследований образов географического пространства заложены в **философии**. Для классических философских исследований пространственных категорий и их образов были характерны именно методологические подходы. Это относится как к древнегреческой и античной философии, например, трудам Аристотеля (исследования П. П. Гайденко, Ю. А. Асояна), так и к немецкой класси-

ческой философии (Кант, Шеллинг, Гегель). Однако следует отметить, что в этих работах изучение образов географического пространства не было предметом особого интереса.

К концу XIX в. методологическая ситуация в философии в значительной степени изменилась. Параллельно с развитием хорологической концепции в географии, в рамках которой земное пространство как таковое впервые стало предметом автономного научного интереса (труды К. Риттера и А. Геттнера), началось активное развитие феноменологических и онтологических исследований в философии, для которых характерен серьезный интерес к проблемам осмысления географического пространства. Изучение проблематики бытия и времени в трудах немецких философов Э. Гуссерля и М. Хайдеггера было прямо связано с попытками создания фундаментальных образов географического пространства. К середине XX в., уже в рамках французской феноменологии, образы географического пространства стали непосредственной основой достаточно мощного философствования и определенных методологических позиций (М. Мерло-Понти, Ж. – П. Сартр).

Эта тенденция была продолжена и развита в ином концептуальном измерении исследованиями французских структуралистов и постструктуралистов в

1950-х—1990-х гг., в которых рассматриваются не только образы географического пространства как таковые, но и предлагаются новые образы самой географии, базирующиеся на создании и использовании целенаправленных географических образов (Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. – Л. Нанси). Очень важно, что при этом первоначально исключительно философские исследования стали распространять свой интерес на смежные области гуманитарных наук, что привело к появлению интересных междисциплинарных работ, затрагивающих содержательные и методологические аспекты формирования образов географического пространства. Здесь следует, конечно, отметить исследования мифологий и различных религиозных традиций, космогонических представлений на стыке философии, культурологии, этнологии, религиоведения и литературоведения (Г. Башляр, М. Элиаде, Р. Барт, М. Фуко, В. А. Подорога).

В сфере **гуманитарных наук** образы географического пространства разрабатывались и продолжают разрабатываться прежде всего в филологии и языкознании (школа Н. А. Арутюновой, А. Вежбицкая), фольклористике (В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик, Б. Н. Путилов, Н. И. Толстой, Т. В. Цивьян), психологии и этнологии (К. Гирц, С. В. Лурье, Д. С. Раевский), когнитивных науках (Е. Ю.

Кубрякова, Е. В. Урысон), искусствознании (Г. З. Каганов, К. Кларк, А. Раппапорт, П. А. Флоренский), архитектуре (А. Г. Габричевский, Ш. Р. Шукуров), востоковедении (М. Гране, М. В. Исаева, А. А. Кроль), социологии (Г. Зиммель, А. Ф. Филиппов), истории, политологии и экономике (М. В. Ильин, А. И. Неклеса, Э. Г. Кочетов). Первоначальный методологический импульс для проведения подобных исследований в этих областях знаний был создан трудами структуралистов, однако впоследствии подобные работы стали более разнообразными и более глубокими, эффективно использующими собственный методологический потенциал.

В рамках исторических исследований важное значение имеют работы французской Школы Анналов. Один из лидеров этой Школы, Ф. Бродель положил начало геоисторическим исследованиям, в которых большое внимание уделяется образам географического пространства («Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II», «Что такое Франция»).

В *филологии и языкознании* изучение образов географического пространства связано прежде всего с соотношениями языка и пространства, текста и пространства (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров), языка и географической карты (К. Бюлер). Наряду с

этим большое внимание здесь уделяется исследованиям категорий и образов пути и путешествий, лексики, синтаксиса и грамматики, определяющих те или иные образы географического пространства. Очень часто это могут быть работы на стыке с другими гуманитарными дисциплинами, например, с искусствоведением и/или музыковедением (Е. Д. Андреева, Т. М. Николаева, Т. В. Цивьян).

Весьма близко к когнитивным трудам в широком смысле находится также ряд *архитектурных и графоведческих исследований*, посвященных проблемам осмысления пространства и культурных ландшафтов – как прошлого, так и настоящего (В. Л. Глазычев, Г. З. Каганов, К. Линч, Б. Рубл). Исследование метафизики Петербурга (Д. Л. Спивак) позволяет говорить о создании основ для развития образно-географического краеведения и графоведения.

Изучение образов стран и границ в гуманитарных науках. Большое значение для становления методологических подходов к изучению образа в географии имеют работы в смежных научных областях, посвященные образам различных стран и регионов. Здесь следует выделить прежде всего труды в области *межкультурной (кросс-культурной) коммуникации*, изучающие закономерности и структуры индивидуальных и коллективных представлений разных на-

родов друг о друге и о других странах (А. В. Павловская, Г. Г. Почепцов, С. В. Сопленков). Особенность этих работ – концентрация внимания на двух-трех образах, достаточно устойчиво характеризующих те или иные страну и/или народ в определенную эпоху и становящихся надежной меткой, их точными координатами в культурном и ментально-географическом пространстве. Важное значение имеют также исследования образов стран и ландшафтов в литературоведении, культурологии (Г. Д. Гачев, И. В. Кондаков, И. И. Свирида, Н. А. Хренов, С. Шама, М. Н. Эпштейн, М. Б. Ямпольский), искусствоведении (К. С. Егорова, А. В. Михайлов, Л. В. Мочалов, Г. Поспелов, В. А. Турчин), в которых на примерах литературных, живописных, графических произведений рассматриваются внутренние структуры и механизмы создания пространственных образов в культуре.

Достаточно мощные образы различных регионов, стран и континентов создаются в *геополитике, региональной политологии и социологии*. Особенность этих исследований – работа с так называемыми «большими пространствами», что позволяет расширить привычные контексты восприятия тех или иных регионов, включить их образы в более крупные образные системы. В этом плане, как с культурологической, так и с географической точек зрения наиболее

интересны труды по регионализму, культурно-исторической и цивилизационной геополитике (А. С. Макарычев, В. Страда, В. Л. Цымбурский, И. Г. Яковенко), территориальной и национальной идентичности (И. М. Бусыгина, И. П. Глушкова, А. В. Дахин, Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, М. П. Крылов, Д. Хусон).

Гуманитарно-географические исследования.

Первоначальный импульс исследований, связанных с проблематикой географических образов, возник в сфере *географического страноведения*. Во второй половине XIX в. начинается довольно мощное содержательное и концептуальное развитие географического страноведения, которое стало в этот период (вторая половина XIX – начало XX вв.), по сути, ядром географической науки в целом. В рамках географического страноведения использование географических образов стало более эффективным, при этом само понятие географического образа стало более определенным и более структурированным. Описание и характеристика пейзажа в работах французской школы географии человека (О. А. Александровская, И. А. Витвер) – это, фактически, прямое выделение и структурирование географических образов местностей, регионов и стран. В контексте страноведческих работ данного периода понятие пейзажа или ландшафта является инвариантом географического образа, а сам

географический образ становится непосредственным методологическим и теоретическим «инструментом» исследования в географической науке. Смысл пейзажного, так же как и образно-географического исследования заключается в выявлении и использовании наиболее ярких, запоминающихся черт, знаков, символов определенной местности, района и/или страны.

В середине и второй половине XX в. в географической науке происходит очень важный переход в осмыслении методологической значимости понятия географического образа.

Понятие географического образа в тех или иных вариантах стало использоваться различными отраслями и направлениями физической и социально-экономической географии. Быстрое содержательное расслоение и дисциплинарная дифференциация географической науки позволили провести параллельные процедуры методологической адаптации этого понятия сразу в нескольких ключевых предметных областях географии.

Методологическая адаптация понятия географического образа в сфере гуманитарной географии. В сфере гуманитарной географии это, безусловно, были география населения, особенно география городов (Г. М. Лаппо, Д. Покок, Р. Хадсон), социальная география в широком смысле (Р. Джонстон, Э. Со-

джа, Р. Сэк), поведенческая география (Дж. Голд, Р. Голлидж, К. Кокс), география культуры и культурная география (Ю. А. Веденин, С. Дэниэлс, Д. Косгроув, О. А. Лавренова, И-Фу Туан, Р. Ф. Туровский), политическая география и геополитика (В. А. Колосов, О'Ту-атайл), географическая глобалистика (Ю. Г. Липец), в последнее время также и когнитивная география (Н. Ю. Замятина, С. Косслин, М. Эгенхоффер). Интенсивное наращивание методического аппарата образно-географических исследований позволяет говорить о достаточно эффективном использовании понятия географического образа и в экономической географии.

Наиболее интенсивные модификации и собственно моделирование географических образов характерны для *культурной географии*, особенно для исследований *культурных ландшафтов*. Определенный уровень и своеобразие самой культуры выступают непременным условием качества создаваемого синтетического образа культурного ландшафта страны, района или местности, но и сами вновь созданные географические образы как бы пронизывают определенную культуру, придают ей неповторимость и уникальность.

Естественнонаучные исследования. Для более глубокого понимания закономерностей формирования образов географического пространства боль-

шую ценность представляют *исследования сенсорных систем* в рамках естественнонаучного знания. Изучение структур пространственного зрения (В. М. Бондарко, Л. И. Леушина, Ю. Е. Шелепин), закономерностей восприятия пространства в психофизиологии и физиологии движения (В. Л. Деглин, Ю. П. Леонов, Н. Е. Пинхасик) позволяет, с помощью аналогий, понять специфику процессов, способствующих формированию образов географического пространства. Главное в этом – обнаружение механизмов перехода от статичных к динамичным образам и механизмов сосуществования различных образов в панорамном зрении.

Физическая география и картография. В сфере физико-географических исследований, важных для понимания особенностей изучения географических образов, выделяется геоморфология, в рамках которой разработаны наиболее детальные и содержательные процедуры дистанцирования от предмета самого исследования; значительная часть концептуальных моделей в геоморфологии, как классических, так и современных, по сути, является образно-географической (В. Дэвис, В. Пенк, Ю. Г. Симонов, И. С. Щукин).

В картографии развитие образно-географических исследований прямо связано с изучением семиотики и семантики географических карт и картографических

моделей (А. Володченко, О'Кадла, Ю. Ф. Книжников, А. А. Лютый, М. Эдни). Сравнительно новой для традиционной картографии является тема виртуальных геоизображений (А. М. Берлянт), которая вполне очевидно связана с проблемой репрезентации географических образов.

В *психологии* осязаемый специальный интерес к изучению образов географического пространства возник первоначально в 1910—1920-х гг., в рамках быстро развивавшейся гештальт-психологии. Затем, начиная с 1930-х гг., эти образы стали также интенсивно исследоваться в работах, придерживавшихся концепции бихевиоризма (прежде всего ментальные карты), и довольно сильно повлиявших на становление поведенческой географии (Р. Кичин, С. Милграм). В 1960-х гг. психологические исследования образов географического пространства стали, по сути, междисциплинарными – на стыке с языкознанием и филологией, теорией искусственного интеллекта (Т. И. Вендина, Т. Я. Елизаренкова, Е. Ю. Кандрашина, М. Минский, Д. А. Поспелов). Благодаря этому процессу началось развитие новой научной области – когнитивной психологии (В. М. Величковский, Р. Солсо), а затем и когнитивной науки (науки о закономерностях познания, формирующейся на стыке языкознания, психологии, политологии и социологии) (В. З. Демьянков, Е. С.

Кубрякова, Е. А. Рахилина), в которой значительное место заняли исследования ментальных и ментально-географических пространств. Становление когнитивной науки, в свою очередь, способствовало (наряду с внутренними причинами развития) появлению в 1990-х гг. новой географической дисциплины – *когнитивной географии*.

Таким образом, существует научная база, необходимая для анализа поставленной проблемы. Представления, сложившиеся в рамках отдельных предметных областей, содержат достаточно материала для культурологического обобщения. Вместе с тем, недавно попавшая в поле научного внимания проблематика моделирования географических образов разработана фрагментарно. Дальнейшая разработка этого проблемного поля и является нашей задачей.

Гипотеза исследования. Любая культура самоопределяется, идентифицирует себя посредством рядов, или серий различных образов (или образов-архетипов). В числе таких основополагающих образов – географические. Посредством географических образов культура позволяет членам социокультурных общностей обживать, осваивать окружающий мир, занимаемые ими территории не только в плане физической адаптации (классическая оппозиция природа – культура), но и в экзистенциальном, феноменологи-

ческом плане. Моделируемые или реконструируемые географические образы являются частью феноменологии культуры, а сама география в целом есть феномен культуры. Исходя из этого, возможны и существуют, естественно, различные географии в разных культурах; такие географии могут эпистемологически пересекаться, что ведет к межкультурной интерференции различных по цивилизационному генезису географических образов.

Теоретико-методологические основы исследования. Настоящее исследование носит синтетический и междисциплинарный характер. Работа располагается на стыке различных традиций, задается спецификой рассматриваемого материала и конструируется вместе с эпистемологической тканью исследования. Среди основных методов – сравнительно-исторический, сравнительно-географический, историко-географической реконструкции, системно-структурный, аппарат культурологического, политологического и цивилизационного анализа, графический и картографический. Автором разработан и использован метод образно-географического картографирования.

Характеризуя основные методологические источники, прежде всего, следует указать на европейскую феноменологическую традицию, которая лежит в ос-

нове большинства разработанных автором образно-географических моделей.

В ряду методологических оснований работы существенное место занимают синергетическое видение и системные представления о пространстве культуры и географических образах в культуре как его естественной и органической составляющей. Географические образы рассматриваются, в связи с этим, как самоорганизующееся, достаточно автономное целое, развивающееся в различных по своей социокультурной ориентации контекстах.

Заслуживает пояснения обращение к произведениям литературы и искусства. Автор сознательно отстраняется от литературоведческих и искусствоведческих аспектов изучения образов пространства, концентрируя свое внимание на геокультурном анализе этих произведений. Именно такой анализ позволяет обнаружить специфику моделирования географических образов в культуре, прояснить механизмы взаимодействия и взаимовлияния культуры и пространства. С нашей точки зрения, произведения литературы и искусства являются одним из наиболее благоприятных «полигонов» для изучения феноменологии географических образов.

Геокультурологический ракурс требует формулировки отношения к современным парадигмам со-

циокультурного развития в контексте глобализации. Здесь, на наш взгляд, сложились три модели – модель социокультурной дифференциации в условиях глобального доминирования западной (евроамериканской) цивилизации; модель локальных центров социокультурного развития, не способных к эффективному взаимодействию на глобальном уровне; и, наконец, медиативная модель социокультурного дистанцирования, предполагающая формирование и развитие межкультурных и межцивилизационных пространств, являющихся продуктом и результатом взаимодействия различных культур и цивилизаций. Именно в рамках третьей модели можно говорить об эффективном моделировании географических образов, являющихся чаще всего результатом подобных межкультурных взаимодействий.

Среди других методологических особенностей настоящего исследования можно назвать междисциплинарную компаративистику, когда тезис общего характера иллюстрируется материалом, привлекаемым из различных сфер знания.

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно предлагает общетеоретическую модель, описывающую механизмы взаимодействия культуры и пространства, формирует теоретический аппарат для обсуждения различных моделей геогра-

фических образов в культуре и включает инструментарий, позволяющий оценивать концептуальные разработки и трактовки взаимоотношений и взаимовлияния процессов культурного и пространственного развития.

Основные положения, важные для понимания содержания книги:

1. Моделирование географических образов представляет собой междисциплинарную научную область на стыке культурологии, социокультурной антропологии и культурной географии – более сложную, чем механическая совокупность частных научных моделей, выражающих представления отдельных социальных групп и личностей.

2. Географические образы – это феноменологическая категория описания культуры.

3. Географические образы являются идеологическим срезом культуры и социальной практикой. Развитая сфера взаимодействия культуры и пространства включает в себя как представления о фундаментальных географических образах, так и социокультурные механизмы формулирования, согласования, культурной и политической реализации и постоянной коррекции этих представлений.

4. Моделирование географических образов в содержательном плане не совпадает с теорией и прак-

тикой моделирования, принятых в естественных науках. Оно представляет собой т. н. «мягкий тип» моделирования, ориентированный на образные представления об изучаемых объектах.

5. Мышление в категориях географических образов и их производных выступает фактором формирования и воспроизводства культуры. Фиксируемые на феноменологическом уровне представления о фундаментальных географических образах являются критерием уникальности культуры.

6. Сфера взаимодействия культуры и пространства формирует образно-географическую традицию, являющуюся существенным элементом культурных традиций любого общества.

7. Конкретные модели географических образов могут быть разработаны и качественно оценены в рамках концепции географических образов и определенной образно-географической традиции, сформировавшейся в данной культуре.

Благодарности

Я признателен, в первую очередь, моей жене, Надежде Юрьевне Замятиной, за профессиональную, моральную и техническую поддержку в процессе работы над книгой. Близкие научные интересы позволяли быстро находить в диалоге решения трудных и нетрадиционных вопросов, возникавших в ходе исследования.

Исследования и доклады географов-теоретиков Б. Б. Родомана и В. Л. Каганского в течение 1980-х гг. оказали большое влияние на формирование научных взглядов автора. Становление образно-географической научной концепции во многом связано с плодотворным общением автора с этими учеными. Исследования феномена пространственности и пространственных представлений в географии, выполненные в 1990-х гг. Г. Д. Костинским, а также личное общение с ним, помогли автору «нащупать» философские основы концепции географических образов. Серьезную поддержку на стадии формирования основных положений авторской концепции оказал В. Н. Стрелецкий, чей культурно-географический «багаж» позволил автору нарастить методологический «костяк» развиваемого научного направления. Крайне важной для раз-

вития авторской концепции была содержательная и чисто практическая поддержка Г. М. Лаппо в течение 1991–2003 гг. Большое и неоценимое моральное и организационное содействие, начиная с 1999 г., было оказано автору Ю. А. Ведениным и Н. С. Мироненко. Уточняющие вопросы Л. В. Смирнягина к автору помогли ему найти содержательные границы концепции. Науковедческие и философские споры и дискуссии с В. А. Шупером помогли автору оценить характер и глубину различий между сосуществующими научными парадигмами в географии. Ю. Г. Липец способствовал вхождению автора в новые научно-географические сообщества, открытость которых позволила обсуждать положения авторской концепции. Концептуальный контекст для оформления авторской концепции в гуманитарной географии был создан И. И. Митиным, развивающим «идеологически близкую» концепцию мифогеографии.

Особая благодарность – И. Г. Яковенко, внимательно прочитавшему рукопись и сделавшему ряд существенных замечаний, учтенных мной при доработке окончательного варианта работы.

В области междисциплинарных контактов автор многим обязан, прежде всего, М. В. Ильину, чьи эрудиция и жесткая научная критика наших работ создали возможность строгих научных формулировок в срав-

нительно зыбкой до недавних пор гуманитарно-научной области. Ряд интересных проблемных вопросов по содержанию книги был поставлен А. Ф. Филипповым, ответы на которые потребовали от меня дополнительной проработки методологических оснований предлагаемой концепции. Должен отметить также безусловную плодотворность и содержательность общения в рамках поставленных автором научных задач с Б. В. Дубиным, Н. В. Корниенко, С. А. Королевым, Э. Г. Кочетовым, В. В. Лапкиным, С. В. Лурье, Б. В. Межуевым, А. И. Неклесса, В. И. Пантиным, Е. А. Петровской, В. А. Подорогой, В. Страда, В. Л. Цымбурским, Е. А. Яблоковым.

Немалую пользу автор извлек из общения с А. Н. Балдиным и В. Я. Головановым, совместное путешествие с которыми в Воронежскую область в рамках образно-географического проекта «К развалинам Чевенгура» (2000 г.) привело к концептуальному осмыслению непосредственной связи между характером освоения пространства и географическими образами, репрезентирующими и интерпретирующими это пространство. Наше общение с Р. Рахматуллиным позволило автору глубже понять общие корни научных и художественных взглядов на земное пространство.

Автор приносит искреннюю благодарность коллегам по семинару по геополитике и политической гео-

графии при Российской Ассоциации политической науки (РАПН), общение с которыми, начиная с 1999 г., во многом помогло становлению его концепции. Хороший интеллектуальный контекст для развития авторской концепции был создан семинаром Э. В. Сайко при Научном Совете по истории мировой культуры Президиума РАН. Научное общение в рамках семинара по культурному ландшафту географического факультета МГУ (соруководители В. Н. Калуцков и Т. М. Красовская) способствовало нахождению концептуальных «мостиков» между естественнонаучными и гуманитарно-научными подходами к изучению пространства.

Используемые сокращения

ГГИТ – гуманитарно-географические информационные технологии;

ГО – географический образ;

ГОГ – географический образ города;

ГОКЛ – географический образ культурного ландшафта;

ГКО – геокультурный образ;

ГПО – геополитический образ;

ГЭО – геоэкономический образ;

ИГО – историко-географический образ;

КГО – культурно-географический образ;

ОГК – образно-географическое картографирование;

ПГО – политико-географический образ;

СЭГО – социально-экономико-географический образ;

ЭГО – экономико-географический образ.

Глава 1

Методологические и теоретические проблемы изучения взаимодействия культуры и пространства

Рассмотрение проблемы взаимодействия культуры и пространства предполагает междисциплинарный характер исследования, охватывающего широкое поле гуманитарного знания. Понятие образа прямо или косвенно изучается и используется в географии примерно с середины XIX в. Наряду с этим, географические представления и образы географических пространств достаточно давно (также не позднее, чем со второй половины XIX в.) исследуются в философии и гуманитарных науках. К настоящему времени в этой междисциплинарной области исследований сложились следующие направления: феноменологический и онтологический анализ образов географического пространства, геоисторический и историко-географический анализ образов пространства, мифологические, филологические и семиотические исследования географических представлений, изучение об-

разов географического пространства в градovedении, социологии и психологии, анализ географических образов в культурной географии, географии искусства и искусствознании, исследования образов пространства в теоретической географии, исследования образов в геополитике и политической географии, изучение образов стран и регионов в географическом страноведении и межкультурной коммуникации.

В зависимости от используемой методологии, эти направления исследований можно объединить в четыре большие группы: философские, гуманитарно-научные, гуманитарно-географические и естественнонаучные. В философии исследуются онтологические и феноменологические основания образов географического пространства. В гуманитарно-научных работах ищутся закономерности формирования и развития географических представлений различного происхождения. В гуманитарной географии в целом изучаются особенности и закономерности формирования и развития географических образов и образно-географического пространства. В естественнонаучных трудах исследуются основы восприятия и воображения пространства. В ряде работ содержатся одновременно элементы разных методологий.

1.1. Традиции изучения образов географического пространства в философии

1.1.1. Проблематика пространства в философии и географии

Глубокие традиции исследований образов географического пространства заложены в философии. Для классических философских исследований пространственных категорий и их образов были характерны именно методологические подходы. Это относится как к древнегреческой и античной философии, например, трудам Аристотеля¹, так и к немецкой классической философии (работы Канта и Гегеля). Однако следует отметить, что для этих работ изучение образов географического пространства не было предметом особого, специального интереса и находилось в ряду других, не менее важных исследовательских направлений.

¹ См., например: Асоян Ю. А. Древнегреческие представления о пространстве и понятие места у Аристотеля: учение о «естественных местах». Автореф. канд. дисс. М., 1992.

К концу XIX в. методологическая ситуация в философии в значительной степени изменилась. Параллельно с развитием хорологической концепции в географии началось активное развитие феноменологических и онтологических исследований в философии, для которых характерен серьезный интерес к проблемам осмысления географического пространства. Изучение проблематики бытия и времени в трудах немецких философов Гуссерля и Хайдеггера было прямо связано с попытками создания фундаментальных образов географического пространства². К середине XX в., уже в рамках французской феноменологии, образы географического пространства стали непосредственной основой достаточно мощного философствования и определенных методологических позиций³. Эта тенденция была продолжена и развита на новом концептуальном уровне исследованиями французских структуралистов и постструктуралистов в 1950-х—1990-х гг., в которых изучаются не только

² Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. I. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999; Хайдеггер М. Искусство и пространство // Он же. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 312–316; Он же. Бытие и время. М.: Ad marginem, 1997. С. 102–114; Он же. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. С. 234–248.

³ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. С. 312–384; Нанси Ж. – Л. Corpus. М.: Ad marginem, 1999.

образы географического пространства как таковые, но и предлагаются новые образы самой географии, базирующиеся на создании и использовании целенаправленных географических образов⁴. Очень важно, что при этом первоначально исключительно философские исследования стали распространять свой интерес на смежные области гуманитарных наук, что привело к появлению интересных междисциплинарных работ, затрагивающих содержательные и методологические аспекты формирования образов географического пространства. Здесь следует, конечно, отметить исследования мифологий и различных религиозных традиций, космогонических представлений на стыке философии, культурологии, этнологии, религиоведения и литературоведения⁵.

⁴ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.; СПб., 1998; Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad marginem, 2000.

⁵ Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977; Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987; Он же. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ 1994; Он же. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2000; Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998; Он же. Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999; Он же. Земля и грезы воли. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2000; Башляр Г. Поэтика пространства // Он же. Избранное: Поэтика пространства. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004; Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994; Он же. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.

Осмысление географического пространства в философии. В явном контрапункте со своим глубоким и продуктивным интересом к истории и историософии находилось достаточно прохладное в течение многих десятилетий отношение философии к методологическим проблемам географии. Речь, здесь, конечно, не о хорошо разработанной проблематике пространства в философии, но о непосредственном обращении интереса философии к проблематике пограничной, междисциплинарной, а до последнего времени и маргинальной. Обширной области философии истории соответствуют (а, скорее, никак не соответствуют) «точечные» пока исследования, которые обводят условным пунктиром область возможной философии (или философий) географии. Существование *геофилософии* напрямую связано здесь с конкретными инвективами заинтересованных исследователей и исследований.

На дальних подходах к философскому осмыслению географического пространства находятся исследования мифологических архетипов освоения земного пространства, в частности, известные работы Мирчи Элиаде⁶. Внимание этого исследователя было направлено на выявление *структурных механизмов преобразования небесных мифологических и рели-*

⁶ См.: Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. М., 1987.

гиозных архетипов в конкретные модели освоения земного пространства. Древние городские культуры, например, Вавилон, организовывали свою территорию в соответствии со своими религиозными представлениями⁷. «...всякая территория, занятая с целью проживания на ней или использования ее в качестве «жизненного пространства», предварительно превращается из «хаоса» в «космос», посредством ритуала ей придается некая «форма», благодаря которой она становится реальной»⁸. Формы организации мирского пространства опирались на соответствующие формы организации пространства сакрального, при этом существовали определенные пути трансформации мирского пространства в пространство трансцендентное («центр»)⁹. Здесь мы наблюдаем как бы подсобную роль географического пространства в собственно мифолого-религиоведческих студиях. Географическое пространство выступает в данном случае как «подопытный кролик», который меняет свои конфигурации в зависимости от сакральной и мифологической «окраски» автора этого пространственно-географического эксперимента (определенной системы религиозных или мифических представ-

⁷ Там же. С. 37.

⁸ Там же. С. 38.

⁹ Там же. С. 45.

лений). *Географическое пространство как определенный архетип* – это минимально необходимая визионерская позиция, которая благоприятствует дальнейшему вырисовыванию, оконтуриванию, «высвобождению» его как предмета возможного философского интереса.

Известное исследование Гастона Башляра «Поэтика пространства»¹⁰ затронуло окраину интересующего нас методологического поля. Мощный анализ явления *топофилии* в психоаналитическом и феноменологическом контексте позволил «освоить» очень специфическое и до сих пор неясное для методологии географии пространство дома, пространства «прирученных» и облюбованных мест. Они, как правило, выпадали из собственно географического анализа и рассматривались по-преимуществу как исходная точка или субстрат для дальнейших теоретических и методологических построений. Но заранее заданное Башляром ограничение, ориентированность именно на «поэтику» как определенный жанр и способ философского видения сузило значимость его работы. «Веер» его психоаналитических работ, направленных на исследование классических натурфи-

¹⁰ Башляр Г. Поэтика пространства // Он же. Избранное: Поэтика пространства. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

лософских стихий (воды, огня), затушевывал хронологический элемент, который, несомненно, присутствует в «Поэтике пространства». Топофилия, по существу, оказалась тем первым «межевым камнем», возле которого *географическое пространство само оказалось предметом непосредственно пространственно-географического интереса*. Географическое пространство как бы заинтересовалось само собой.

Дальнейший поиск в этой области связан, несомненно, с именами Мишеля Фуко, Жюльена Делеза и Феликса Гваттари. Фуко вошел в соприкосновение с географической мыслью, дав в 1976 г. известное интервью французскому географическому журналу «Геродот»¹¹, а после этого он сформулировал собственные вопросы этому журналу¹². Следует отметить, что это была, по-видимому, одна из первых попыток философствования, которая являлась ответом на прямой *географический «заказ»*. Результаты интервью хорошо иллюстрирует заключительная сентенция философа («La géographie doit bien être au cœur de ce dont je m'occupe») ¹³. Вполне очевидно, что такая позиция диктовала строго ориентирован-

¹¹ Questions á Michel Foucault sur la géographie // *Foucault M. Dits et écrits*. 1954–1988. III. 1976–1979. Paris, 1994.

¹² Des questions de Michel Foucault á «Hérodote» // *Ibid.*

¹³ Questions á Michel Foucault sur la géographie... P. 40.

ную точку зрения – географическое пространство в этом случае не что иное как следствие целенаправленных мысленных или философских усилий, которые как бы непосредственно и «воочию» буквально сооружают, формируют его вокруг себя. Все географическое пространство становится как бы центральным, при этом центр может постоянно перемещаться. Географическое пространство представляется как *тотально-ментальное*, конкретные географические координаты есть лишь продукт географически ориентированной мысли. *Представление о географическом пространстве переросло, превратилось в само географическое пространство* – в той мере, в какой оно необходимо для своего собственного осознания и функционирования.

Впоследствии эта позиция Фуко трансформировалась. В позднейшем интервью «Пространство, знание и власть» (1982) он апеллировал к опыту написания им книги «Слова и вещи» и утверждал, что частое использование «пространственногенных» концептов (то есть утверждений и посылок, связанных с употреблением слова «пространство») связано с самим содержанием книги. Философ отрицал, что это не что иное как пространственные метафоры¹⁴. Пространство философского опыта было приравне-

¹⁴ Espace, savoir et pouvoir // Ibid. IV. 1980–1988. P. 286.

но им, таким образом, к пространству собственно географическому, а само географическое пространство могло выступать лишь как строго функциональное, специализированное, специфическое пространство человеческой деятельности. Политическую организацию, пространство политической власти невозможно оторвать от собственно географического пространства, в котором они сформированы; это одно и то же. Территориальная организация Франции XVII–XVIII вв., по мнению Фуко, подтверждает его мысль. Однако он утверждал, что города организуют государственное пространство, а само государство уподоблял огромному городу¹⁵. В случае Фуко экспансия пространственных метафор на самом деле привела к тому, что *само географическое пространство превратилось в свою собственную метафору*, стало тождественным ей. Образ единого прежде географического пространства раздробился, фрагментировался на множество жестких, «служебных» пространственных образов, которые и формируют мозаику пространственного опыта конкретного человека. Произошла своеобразная имплантация географиче-

¹⁵ Ibid. P. 271–272. См. также: *Driver F. Bodies in space: Foucault's account of disciplinary power // Reading human geography: the poetics and politics of in-inquiry / Ed. by T. Barnes and D. Gregory. London: Edward Arnold, 1997. P. 279–289.*

ского пространства как предмета философствования в сферу гораздо более широкого ментального поиска, в котором оно стало непосредственным орудием мысли. *Сама мысль стала пространственно-географической, пространственно-географическим явлением* или, по крайней мере, осознала себя таковой.

Более осторожным и как бы более пространственно «рассеянным», рассредоточенным было исследование Делеза и Гваттари «Ризома»¹⁶. Ризоматическая структура, подробно описанная и интерпретированная авторами на ряде примеров, как нельзя лучше отвечала потребностям «ненапряженного» философского осмысления географического пространства. По всей видимости, *образ ризомы* сам по себе идеально воспроизводит как бы ненапряженное и «отдыхающее» пространство, пространство, которое не стремится центрироваться, дифференцироваться или автоматически иерархизироваться. Это принципиально важный пример пространства ацентричного и неиерархизированного, чья самоорганизация заключается в отсутствии организации; ризома – система без памяти¹⁷. По существу, уподобление географического пространства ризоме позволяет автоматически избежать возможных философских натяжек, кото-

¹⁶ Deleuze G., Guattari F. Rhizome. Introduction. Paris: Minuit, 1976.

¹⁷ Ibid. P. 62.

рые связаны с целенаправленными интерпретациями явлений, обладающих явными или четко выраженными территориальными структурами. Философствование обретает здесь свое *пространственно-географическое «алиби»*, которое позволяет как бы безнаказанно играть географическими образами реальности, а сама реальность в философском дискурсе становится географической *ad hoc*.

Последняя совместная работа Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» (1991)¹⁸ показала, что философия активно осмысляет понятие географического пространства и, более того, пытается наращивать свой «объем» как бы за счет географии. Выдвинутое этими мыслителями понятие *геофилософии* развивается на основе наиболее общих географических образов – земли и территории: «Мысль – это не нить, натянутая между субъектом и объектом, и не вращение первого вокруг второго. Мысль осуществляется скорее через соотношение территории и земли»¹⁹. Два процесса определяют их соотношение – процесс *детерриториализации* (открытие территории вовне, от территории к земле) и процесс *ретерриториализации* (от земли к территории, восстановление территории через землю). Именно эти как

¹⁸ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.; СПб., 1998.

¹⁹ Там же. С. 110.

бы переходные зоны между философией и географией позволяют говорить об игре с географическим пространством и – географическим пространством. Мысль формируется, «формуется» географическим пространством и становится, по сути, формой этого пространства; иначе: происходит «географическое положение» мысли. «География не просто дает материю переменных местностей для истории как формы. Подобно пейзажу, она оказывается не только географией природы и человека, но и географией ума»²⁰.

Современное российское философствование «в сторону» географического пространства связано, в первую очередь, с исследованиями В. А. Подороги. В книге «Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии» (1995) ему удалось на примере творчества Киркегора, Ницше, Хайдеггера показать роль и значимость конкретных географических образов в становлении философских произведений. Особенно важно осмысление исследователем пограничных, *лиминальных пространств*, или пространства-на-границе – тех пока еще крайне слабо описанных географических образов, которые фактически очень сильно стимулируют и само философствование, даже в какой-то степени определяют саму его структуру. Так, в случае Киркегора особая роль предоставле-

²⁰ Там же. С. 124.

на интерьере, но это именно пространство-на-границе, между Внешним и Внутренним; сами границы «... как бы распыляются, диффузируют, открывая внешнее внутреннему, и наоборот», а интерьер «...является устойчивым образом этой диффузии Внешнего во Внутреннем»²¹. Мышление Киркегора приобретает черты *экзистенциальной картографии*, а порожденные им географические пространства практически не совместимы. Лишь сам масштаб экзистенции мыслителя, который задает и возможности подобного картографирования мысли, позволяет проводить операции дублирования или совмещения этих пространств²². Геобиография и творчество Ницше в этом смысле еще более показательны. Они по-существу сосредоточены полностью в пределах лиминальных пространств, которые определяются автором не как маргинальные, но как промежуточные, нейтральные, не занимающие определенной позиции к центру²³. Философствование же Хайдеггера попросту невозможно вне географического пространства, ключевое понятие его философствования – *Dasein* – изначально пространственно: «...человек неотделим от «своего»

²¹ Подорога В. А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. М., 1995. С. 77–78.

²² Там же. С. 81–83.

²³ Там же. С. 143.

пространства, существование его в качестве Dasein «пространственно»²⁴. Мысль Хайдеггера не предстает, не противостоит ландшафту, но сопричастна ему; она по сути *ландшафтна*. Таким образом, все усилия мысли означают не что иное как прокладывание пути в определенном ландшафте; *образ ландшафта порождается скоростью самой мысли*²⁵.

Работы В. А. Подороги означали принципиальный поворот, ранее почти не заметный, в интересующей нас проблематике. Географическое пространство оказалось важным и органичным условием самого философствования, а зачастую и как бы его «геороем». Географические образы как бы пронизывают структуры философствования и определяют фактически их эффективность. Пространство географических образов, в данном случае тождественное самому географическому пространству, выступило естественным полем или *контекстом* любой возможной и потенциально продуктивной, ориентированной на себя, мысли. Пространственно-географическая форма философствования сделала возможным как бы тотальное «промысливание», «*опространствление*» самого географического пространства. Географическое пространство мыслилось пространствен-

²⁴ Там же. С. 263.

²⁵ Там же. С. 275.

но-географически, адекватность обратного движения обеспечивалось как раз противонаправленностью предыдущего.

Наиболее продуктивной стала линия философствования, которая была связана с географическими образами движения, с *динамикой географического пространства*. Путешествие как вершина географического самопознания и одновременно как крайне сильная позиция «географически» ориентированного философствования привлекло серьезное внимание исследователей²⁶. В первом случае (исследование поэтики странствий в творчестве О. Э. Мандельштама) географическое пространство и его конкретные ипостаси (динамичные ландшафтные образы) стали выражением откровенной экспансии «внутреннего», «душевного» пространства²⁷. «Особый характер сопряжения реального и внутреннего пространства, искусство выведения внутреннего во сне, со-

²⁶ *Завадская Е. В.* «В необузданной жажде пространства» (поэтика странствий в творчестве О. Э. Мандельштама) // Вопросы философии. 1991. № 11; *Касавин И. Т.* «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности // Там же. 1997. № 7. См. также: *Tuan Y.* Realism and fantasy in art, history and geography // Annals of Association of American Geographers. 1990. № 80. P. 435–446; *Stewart R. S., Nicholls R.* Virtual worlds, travel, and the picturesque garden // Philosophy & Geography. 2002. Vol. 5. No. 1. P. 83–99.

²⁷ *Завадская Е. В.* Указ. соч. С. 27.

здание своего «языка пространства» составляют суть ландшафтной поэтики Мандельштама»²⁸. Формируются своеобразные пространственные системы, которые задают ритм изменения самого географического пространства в согласии с внутренними установками реального или поэтического путешествия. Фактическая множественность подобных пространств выступает условием путешествия и вообще возможности пути: «Путь осмыслен при допущении о существовании иных пространств, сближение и коммуникация которых и является его конечной целью»²⁹. Пространства как бы сами меняют свои образы, под «давлением» прокладываемых повсюду путей: «...по мере прокладывания дорог из одного пространства в другое изменяется роль и значение этих пространств в человеческой жизни, претерпевает изменение реальный ландшафт человеческого мира: дороги выпрямляются, горы становятся ниже, моря – спокойнее, пустыни – меньше, поля – обширнее и т. п. Происходит «регионализация» местности»³⁰. Возникает как бы единое, постоянно расширяющееся поле географических образов, причем и сами эти образы находятся в различных стадиях становления. *Модальности путеше-*

²⁸ Там же.

²⁹ Касавин И. Т. Указ. соч. С. 77.

³⁰ Там же.

ствий устанавливают специфические системы приоритетов, ценностей географических образов разных генезисов и структурных типов, как-то: поэтических, художественных, натуралистских и т. д. Возможна уже и позиция, как бы «зависающая» над самой траекторией конкретного, реального или воображенного, путешествия; *метафизика путешествия* выступает вполне притягательной темой, которая может «провоцировать» создание целых «гроздьев» или кластеров географических образов.

Автохтонное географическое философствование, которое было направлено на понимание роли и значения различных географических образов, географического пространства, развивалось в 1980—1990-х гг. и собственно в среде профессиональных географов³¹. Выходя за пределы своей традиционной компетенции, географы задавались вопросами, которые при всей их традиционной постановке несли в се-

³¹ *Tuan Yi-Fu*. Space and place: The perspective of experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977; *Tuan Yi-Fu*. Topophilia: A study of environmental perception, attitudes, a. values / With a new pref. by the author. New York: Columbia University Press, 1990; *Harvey D.* The condition of postmodernity. L.: Basil Blackwell, 1989; *Soja E. W.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London: Verso, 1990; *Sui D. Z.* Visuality, Aural-ity and Shifting Metaphors of Geographical Thought in the Late Twentieth Century // Annals of the Association of American Geographers. 2000. Vol. 90. № 2. P. 322–343.

бе «зерна» нетрадиционного, как бы расплывчатого и одновременно строго хорологического подхода. Так, изучение *образа места* оказалось очень важным с позиций классических прикладных географических исследований по электоральной географии, географии малого бизнеса и местного самоуправления³². Развитие целой индустрии культурного наследия повело к осознанию важности формирования и культивирования образов тех или иных географических мест³³. Место, по сути, не стало фиксироваться в традиционных географических координатах, но выступало уже скорее как *собственный образ или их совокупность*. Подобная методологическая ориентированность базировалась на признании важности *географического воображения*, которое опиралось на реальное, физическое место, но затем разрабатывало на этой основе необходимые ему образы³⁴. Географическое пространство стало как бы автоматически «разбухать», а его структура приобрела *очевидно неравновесный и неоднородный характер*.

³² Daniels St. Place and Geographical Imagination // Geography. 1992. № 4 (77). P. 311. См. там же основную библиографию по теме.

³³ Ibid. P. 312.

³⁴ См.: Ibid. P. 320. См. также: Tuan Y. Between space and time: reflections on the geographical imagination // Annals of Association of American Geographers. 1990. № 80. P. 418–434.

1.1.2. Философские основания современной российской географии

Современная российская география «тянется» к философии. Это показали известные публикации в журнале «Вопросы философии» на рубеже 1990-х гг.³⁵. Все они были основаны именно на хорологическом подходе и рассмотрении основных методологических и философских проблем географии. Так, использование хорологического подхода мотивировалось тем, что «...любая деятельность людей сама дифференцирует пространство, даже совершенно однородное»³⁶. Наиболее сильный удар по обветшавшим догмам советской географии, которая активно критиковала хорологическую концепцию, был нанесен статьей Б. Б. Родомана³⁷. Воззрения А. Геттнера были органично встроены автором этой статьи в фундамент современных географических представлений. «Модель Канта-Геттнера проста, изящна и продуктив-

³⁵ См.: *Зимин Б. Н., Шупер В. А.* Забытая наука? // Вопросы философии. 1989. № 6; *Родоман Б. Б.* Уроки географии // Там же. 1990. № 4; *Реймерс Н. Ф., Шупер В. А.* Кризис науки или беда цивилизации? // Там же. 1991. № 6.

³⁶ *Зимин Б. Н., Шупер В. А.* Указ. соч. С. 167.

³⁷ *Родоман Б. Б.* Указ. соч.

на. Вопреки распространенному мнению, она не отрывает «материю» от пространства и времени, а, наоборот, позволяет ее с ними логично соединять, сознательно двигаясь вдоль разных профилей одного и того же бытия, вырезая из мира четко ограниченные блоки; не запрещает географу заниматься историей своих объектов, а ботанику – их географией; допускает науки с двойным и даже с тройным гражданством, как, например, историческую экономическую географию или палеогеоморфологию»³⁸. Особенно важным следствием плодотворного использования хорологического подхода стало изобретение *научных картоидов*, благодаря которым «...география сделала эпохальный шаг: нашла способ наглядного картографического отображения не единичных, а общих высказываний, составляющих суть науки; изобрела наглядные структурные формулы географических явлений и законов»³⁹. Внедрение картоидов в научную практику и их теоретико-методологическое осмысление означали качественное развитие хорологической концепции. География «повернулась лицом» к пространственно-образным представлениям окружающего мира и вернулась на новом витке своего развития к проблеме географического образа (образов) мира.

³⁸ Там же. С. 37.

³⁹ Там же. С. 43.

Следует отметить, что этот фундаментально важный методологический поворот не был замечен всем географическим сообществом. Классическая географическая теория диффузии нововведений, которая была разработана шведским географом Т. Хегерстрандом, оправдалась и в этот раз. На периферии (не обязательно географической, но, скорее, методологической) научного географического сообщества в России продолжают сохраняться и до сих пор анти- или вне-хорологические представления о цели и задачах географии⁴⁰. Характерно, что эта методологическая («антихорологическая») линия может существовать, по-видимому, лишь в контексте отталкивания или отторжения хорологического подхода в географии. «В сущности А. Геттнер вслед за немецким философом В. Вундтом проводил кантианскую идею: различие между науками обусловлено не своеобразием их объектов, а лишь различием наших точек зрения на объект. Субъективно-идеалистическая и метафизическая классификация А. Геттнера в действительности упраздняла географию как науку»⁴¹. Спор в данном случае идет в совершенно различных методологических плоскостях, и ситуацию взаимного непо-

⁴⁰ См.: Кузнецов П. С. О связях географии с философией // География и природные ресурсы. 1996. № 4.

⁴¹ Там же. С. 185.

нимания определяет разница в размерах, ширине, масштабности самого методологического поля, которое задает соответствующие координаты методологического поиска.

Реальное и эффективное применение хронологического подхода в географических исследованиях подразумевает естественный и достаточно рациональный *синтез пространственной и временной координат*. Так, изучение взаимодействия технологического прогресса и территориальной структуры хозяйства основано именно на прослеживании пространственной диффузии основных технологических нововведений, но сама эта пространственная диффузия «...растягивалась на столетия»⁴². Это привело к закономерному выделению стадий эволюции территориальной структуры хозяйства, при этом главные их характеристики связаны с качеством и структурными особенностями экономико– и социально-географического пространства⁴³. Таким образом, временные этапы пространственного развития какого-либо явления заполняются как бы своим пространственно-геогра-

⁴² Стрелецкий В. Н. Технологический прогресс и территориальная структура хозяйства: историческая траектория взаимодействия (на примере Германии) // Известия РАН. Серия географическая. 1995. № 1. С. 75.

⁴³ Там же. С. 76–77.

фическим эквивалентом и становятся уже синтетическим, хорологическим по существу научным продуктом.

Хорологический подход в современных географических исследованиях ведет и к собственно методическим изменениям. Сам объект исследования – географическое пространство – становится как бы расплывчатым, нечетким, и стимулирует применение адекватных этой методологической ситуации средств⁴⁴. Классическая для современной социально-экономической географии *проблема центра и периферии* нуждается уже в неклассическом для этой научной области исследовательском аппарате. «Недостаточно высокая определенность, расплывчатость содержания многих интересов в территориальных системах дают основания считать, что при отыскании компромиссов значение и возможности строгих методов сравнительно ограничены и на первый план выступает неформальный и полужформальный исследовательский аппарат, основу которого можно видеть прежде всего в методах экспертных оценок и теории размытых мно-

⁴⁴ См.: Стрелецкий В. Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Серия географическая. 2002. № 4. С. 18–29.

жеств»⁴⁵. Рассмотрение проблемы центра и периферии во все новых содержательно-методологических срезах и контекстах, как в данном случае (территориальная справедливость) почти автоматически может привести к быстрому умножению и расширению всего спектра возможных географических методик и приемов исследования.

Подобные изменения проходят пока более на интуитивном уровне, чем на уровне осмысленной и целенаправленной рефлексии. Объект исследования постоянно изменяется, находится в динамике и ставит все новые и новые задачи. Этот процесс требует, по видимому, отчетливого осознания структурных основ взаимодействия самого объекта географических исследований и исследователя, который находится, по сути, *внутри объекта*. Географическое пространство окружает географа-исследователя и меняет свою конфигурацию в зависимости от тех или иных его действий. Задается, таким образом, ситуация, которая ориентирована на выработку *динамической исследовательской позиции*. Эта позиция должна постоянно как бы опережать оперативно свой «ускользающий»

⁴⁵ Котляков В. М., Трофимов А. М., Селиверстов Ю. П., Хузеев Р. Г., Комарова В. Н. Центр и периферия: проблема территориальной справедливости (вопросы методологии) // Известия РАН. Серия географическая. 1998. № 1. С. 41.

объект и строить его превентивные конфигурации.

1.2. Традиции изучения образов географического пространства в гуманитарных науках

В сфере гуманитарных наук образы географического пространства разрабатывались и продолжают разрабатываться прежде всего в филологии и языкознании⁴⁶, психологии⁴⁷, культурологии, антрополо-

⁴⁶ *Всеволодова М. В., Паршукова З. Г.* Способы выражения пространственных отношений. М.: Изд-во МГУ, 1968; *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. Репринт. М.: Книга, 1991; *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе // *Он же.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–408; *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000; *Лотман Ю. М.* От редакции: К проблеме пространственной семиотики // Труды по знаковым системам. 19. Семиотика пространства и пространство семиотики. Тарту: Изд-во ТГУ 1986. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 720). С. 3–6; *Лотман Ю. М.* Заметки о художественном пространстве: 1. Путешествие Улисса в «Божественной комедии» Данте; 2. Дом в «Мастере и Маргарите» // Труды по знаковым системам. 19. Семиотика пространства и пространство семиотики. Тарту: Изд-во ТГУ, 1986. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 720). С. 25–43; *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–285; *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995; *Эпштейн М. Н.* «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990; *Цивьян Т. В.* Движение и путь в балканской картине мира. Исследования по структуре текста. М.: Индрик, 1999; Москва и «Москва» Андрея

Белого: Сб. статей / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999; Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000; *Бондаренко Г. В.* Мифология пространства Древней Ирландии. М.: Языки славянской культуры, 2003; *Talmy L.* How Language Structures Space // Spatial Orientation: Theory, Research, and Application / Pick H. and Acredolo L. (Eds.). New York: Plenum Press, 1983. P. 225–282 и др.

⁴⁷ *Александрова М. Д.* О качественной характеристике пространственных порогов зрительного восприятия // Учен. зап. ЛГУ. 1953. № 147. С. 28–35; *Ананьев Б. Г.* Психология чувственного познания. М.: АПН РСФСР, 1960; *Кликс Ф.* Элементы психофизики восприятия пространства. М.: Прогресс, 1965; *Веккер Л. М.* Психические процессы. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. Т. 1; *Арнхейм Р.* Визуальное мышление // Хрестоматия по общей психологии / Под ред. Ю. Б. Гипперрейнтер, В. В. Петухова. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 97—108; *Арнхейм Р.* Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994; *Логвиненко А. Д.* Зрительное восприятие пространства. М.: Изд-во МГУ, 1981; *Он же.* Чувственные основы восприятия пространства. М.: Изд-во МГУ, 1985; *Петренко В. Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: Исследование форм презентации в обыденном сознании. М.: Изд-во МГУ, 1983; *Величковский Б. М., Блинникова И. В., Лапин Е. А.* Представление реального и воображаемого пространства // Вопросы психологии. 1986. № 3. С. 103–112; *Барабанщиков В. А.* Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002; *Резник С.* Ментальное пространство. Киев: УАП-МИГП, 2004 и др.

⁴⁸ *Тэрнер В.* Символ и ритуал / Сост. и автор предисл. В. А. Бейлис. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983; *Левин-Стросс К.* Структурная антропология / Пер. с франц. под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова; Отв. ред. Н. А. Бутинов и Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука; Гл. ред. восточной литературы, 1985; *Гачев Г.* Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988; *Гачев Г.* Национальные образы мира. Космо-Пси-хо-Логос. М.: Издат. группа «Прогресс» – «Культура», 1995; *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц. М.: Изд. фирма «Восточная литература»

нии⁵⁰, архитектуре⁵¹, востоковедении⁵², истории⁵³, по-

РАН, 1996; *Лурье С. В.* Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997; *Щукин В.* Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе. Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 1997; *Аппадурои А.* Ставя иерархию на место // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 8—14; *Лич Э.* Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: Восточная литература РАН, 2001; *Соколовский С. В.* Образы других в российских науке, политике и праве. М.: Путь, 2001; Антропология культуры. Вып. 1. М.: ОГИ, 2002; *Гириц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004; Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / Отв. ред. Л. О. Зайонц; Сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М.: Языки славянской культуры, 2004; *Mapping American Culture* / Ed. by W. Franklin and M. Steiner. Iowa City: University of Iowa Press, 1992; *Appadurai A.* *Modernity at Large*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996 и др.

⁴⁹ *Минский М.* Фреймы для представления знаний / Пер. с англ. М.: Энергия, 1979; *Лакофф Дж.* Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. С. 143—184; *Он же.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004; *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филолог. факультет МГУ, 1996; *Кубрякова Е. С.* Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 3. С. 22—32; *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000 и др.

⁵⁰ *Муратов П. П.* Образы Италии. Т. I. М.: Галарт, 1993; *Он же.* Образы Италии. Т. II—III. М.: Галарт, 1994; *Панофский Э.* Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. СПб.: Азбука-классика, 2004; *Богатырев П. Г.* Декорация, художественное место и время в народном театре // III Летняя школа по вторичным моделирующим системам: Тезисы Кязерику, 10—20 мая 1968 г. Тарту: Изд-во ТГУ 1968. С. 157—165; *Виппер Б. Р.* Введение в историческое изучение ис-

куства. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изобразительное искусство, 1985; *Бергер Л. С.* Пространственный образ мира в структуре художественного стиля // Эстетический логос: Сб. статей. М.: Ин-т философии РАН, 1990. С. 72–94; *Грибков В. С., Петров В. М.* Локус развития мировой живописи: география перемещений // Искусство в контексте информационной культуры / Под ред. Ю. Н. Рагса, В. М. Петрова. М.: Смысл, 1997. С. 141–158; *Данилова И. Е.* Итальянский город XV века: реальность, миф, образ. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000 и др.

⁵¹ *Араухо И.* Архитектурная композиция. М., 1982; *Глазычев В. Л.* Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984; *Забельшанский Г. Б., Минервин Г. Б., Раппапорт А. Г., Сомов Г. Ю.* Архитектура и эмоциональный мир человека. М.: Стройиздат, 1985; *Архитектура мира.* Материалы конференции «Запад – Восток: взаимодействие традиций в архитектуре. М.: ВНИИТАГ, 1993; *Семиотика пространства:* Сб. науч. тр. Межд. ассоц. семиотики пространства / Под ред. А. А. Барабанова. Екатеринбург: Архитектон, 1999; *Бусева-Давыдова И.* Москва – новый Вавилон: к вопросу о сакральных топосах // Желаемое и действительное. Архитектура в истории русской культуры. Вып. 3. М.: УРСС, 2001. С. 49–56.

⁵² *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль, 1983; *Аннабхата. Тарка-санграха (Свод умозрений). Тарка-дипика (Разъяснение к Своду умозрений) / Пер. с санскрита, введ., коммент. и ист. – филос. иссл. Е. П. Островской. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1989; Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайской мысли (формирование основ мировоззрения и менталитета. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1989; *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв). Результаты взаимодействия культур. М.: Наука; Изд. фирма «Восточная литература», 1994; *Исаева М. В.* Представления о мире и государстве в Китае в III–VI веках н. э. (по данным «нормативных описаний». М.: Ин-т востоковедения РАН, 2000; *Васильева Е. Б.* Проблемы культурной идентификации японцев в эпоху Мэйдзи (1868–1912) глазами европейцев // Известия Восточного ин-та ДВГУ. Япония. Специальный выпуск. 2000.

ЛОГИЧЕСКИЙ ИМПУЛЬС ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПОДОБНЫХ ИССЛЕ-

С. 49–64; *Александрова Н. В.* Географическое пространство в картине мира буддиста-паломника // *Человек и природа в духовной культуре Востока*. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. С. 48–79.

⁵³ *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Мысль, 1972; *Вернан Ж. – П.* Происхождение древнегреческой мысли. М.: Мысль, 1988; *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991; *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001; *Аттиас Ж. – К., Бенбасса Э.* Вымышленный Израиль. М.: Изд-во «ЛОРИ», 2002; *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003; *Ayers E. L., Limerick P. N., Nissenbaum S., Onuf P. S.* All Over the Map: Rethinking American Regions. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996.

⁵⁴ *Цымбурский В. Л.* Остров Россия (перспективы российской геополитики) // *Политические исследования*. 1993. № 5. С. 6—24; *Он же.* Геополитика как мировидение и род занятий // *Политические исследования*. 1999. № 4. С. 7—29; *Он же.* Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000; *Ильин М. В.* Геохронополитика – соединение времен и пространств // *Вестник МГУ*. Серия 12. Политические науки. 1997. № 2. С. 28–44; *Он же.* Геохронополитические членения (cleavages) культурно-политического пространства Европы и Евразии: сходства и различия // *Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России (материалы семинара)*. М.: МОНФ, 1999. С. 46–79; *Мелешкина Е. Ю.* Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // *Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России (материалы семинара)*. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. С. 126–138; *Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России (материалы семинара)* / Кол. авторов; Под ред. М. В. Ильина, И. М. Бусыгиной. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999; *Ашкерев А. Ю.*

дований в этих областях знаний был создан трудами структуралистов, однако впоследствии подобные работы стали более разнообразными и более глубокими, эффективно использующими собственный методологический потенциал.

1.2.1. Изучение образов географического пространства в истории

В рамках исторических исследований важное значение имеют работы французской Школы Анналов. Один из лидеров этой Школы, французский ученый Ф. Бродель положил начало геоисторическим исследованиям, в которых большое внимание уделяется об-

Политическое пространство и политическое время Античности // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2001. № 2. С. 27–42 и др.

⁵⁵ Неклесса А. И. Конец эпохи Большого Модерна. М.: Институт экономических стратегий, 1999; *Он же*. Проект «Глобализация»: глобальные стратегии в преддверии новой эры // Навигут (Научный Альманах Высших Гуманитарных Технологий). Приложение к журналу «Безопасность Евразии». 1999. № 1. С. 100–146; Кочетов Э. Г. Геоэкономика (Освоение мирового экономического пространства). М.: Изд-во БЕК, 1999; *Он же*. Осознание глобального мира // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4. С. 212–221; Цымбурский В. Л. Борьба за «евразийскую Атлантиду»: геоэкономика и геостратегия / Интеллектуальная хроника России. Год 2000. Приложение к журналу «Экономические стратегии». М.: Институт экономических стратегий, 2000 и др.

разам географического пространства.

Еще в трудах основателей Школы Анналов Люсьена Февра и Марка Блока большое место уделено проблеме географического детерминизма. Эти ученые предпочитали говорить скорее о географическом посибилизме, когда географическая среда представляет человеческим сообществам некий спектр возможностей для действия и развития, а сами общественные представления о возможностях этой среды также могут сильно варьировать⁵⁶. По сути, различные сообщества формируют специфические образы географической среды, которая и реагирует на человеческую деятельность в очевидном согласии с этими образами. Жестко фиксированный географический детерминизм предполагал малоподвижные, статичные географические образы, тогда как географический посибилизм, с одной стороны, «отодвинул» несколько природу в сторону, а с другой, – дал этой природе шанс стать более разнообразной и интересной для человека. В классическом труде Броделя «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1949)⁵⁷ данная точка зрения получила максималь-

⁵⁶ Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.

⁵⁷ См.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть 1. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002.

но полное выражение.

Географические образы ученого незаметны, однако доходчивы: «Прежде всего горы», «Могущество равнин: Андалусия»⁵⁸, «Сахара, второе лицо Средиземноморья»⁵⁹. Весьма важно образно-географическое деление Средиземноморья на Западное и Восточное, в котором Сицилии отведена роль некоего Рубикона⁶⁰. Главное достижение Броделя – это осознание непрременной важности историко-географического контекста, в котором находится и развивается тот или иной регион, страна, континент. Средиземноморье Броделя – упругий, пульсирующий, дышащий образ, захватывающий и отдающий обратно Атлантику, Центральную Азию, Восточную Европу, Русь⁶¹. Средиземное море постоянно мигрирует как историко-географический образ, восприятию чего способствует и картографическая игра с наложением средиземноморских контуров на другие географические регионы⁶².

Историко-географический образ обладает, как правило, одной очень важной особенностью: он четко

⁵⁸ Там же. С. 92–96.

⁵⁹ Там же. С. 239–260.

⁶⁰ Там же. С. 178–179.

⁶¹ Там же. С. 264–265.

⁶² Там же. С. 236.

структурирует близлежащие, «родственные» образы, пытаясь приспособить к собственным границам их очертания. У Броделя мы наблюдаем интересную игру – Средиземноморье формирует свои отношения с Европой, будучи, частично, самой Европой⁶³. Хотя, несомненно, Средиземное море протягивало свои культурные и экономические «щупальца» вглубь континента на протяжении тысячелетий, но влияние его образов на становление базовых, опорных образов Европы увеличивалось очень медленно и постепенно – Средиземное море античности и раннего средневековья было, скорее, морем восточным, афро-азиатским, языческим и исламским⁶⁴. Европа по-настоящему «узнала» Средиземноморье, как это ни странно, по-видимому, в эпоху Великих географических открытий. Расширявшиеся в эту эпоху образы Атлантики, которые первоначально были совершенно различными, например, у испанцев и португальцев (в XVI веке уже сформировался единый образ «Севильской Атлантики» – великого океанического коридора иберийцев)⁶⁵, способствовали сосредоточению, уплотнению историко-географического образа Средиземноморья, явно уменьшавшегося в физическом отношении, од-

⁶³ Там же. С. 298–300.

⁶⁴ Ср. там же. С. 258.

⁶⁵ Там же. С. 300–304.

нако обретавшем все больший историко-культурный и экономический контекст.

Географический POSSИБИЛИЗМ означает развитие оригинальных структур наращивания, увеличения, умножения историко-географических образов. Такие образы растут как деревья, они наращивают содержательные периферийные слои, как годовичные кольца. Аналогия здесь «двухэтажна», поскольку физико-географическое и/или климатическое единство региона может порождать переходящие друг в друга, слегка варьирующие образы одних и тех же ландшафтов, из коих могут складываться разные части, районы этого пространства. Бродель глубоко исследует и физико-географическое единство Средиземноморья, поскольку «перекличка», сходство каменистых пейзажей внутреннего Лангедока и Палестины, образов Прованса, Греции и Сицилии, Йерских островов и Киклад, Тунисского озера и лагуны Кьоджи, Марокко и Италии⁶⁶ дают образную матрицу, упорядочивающую и мобилизующую явное взаимодействие природы и истории.

⁶⁶ Там же. С. 329.

1.2.2. Изучение образов географического пространства в филологии и языкознании

В филологии и языкознании изучение образов географического пространства связано прежде всего с соотношениями языка и пространства⁶⁷, текста и пространства⁶⁸, языка и географической карты⁶⁹. Наряду с этим большое внимание здесь уделяется исследо-

⁶⁷ Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 3. С. 22–32; Урысон Е. В. Языковая картина мира и лексические заимствования (лексемы округа и район) // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 79–83; Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 737–791; Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999; Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000 и др.

⁶⁸ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Он же. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–408; Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–285; Шиловский Д. П. Исчисление пространства в архаическом космогоническом тексте: к интерпретации стихов 736–738 «Теогонии» Гесиода // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1998. № 6. С. 99; Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 163–175, 239–301 и др.

⁶⁹ Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Издат. группа «Прогресс», 2000.

ваниям категорий и образов пути и путешествий, лексики, синтаксиса и грамматики, определяющих те или иные образы географического пространства. Очень часто это могут быть работы на стыке с другими гуманитарными дисциплинами, например, с искусствоведением и музыковедением⁷⁰.

Так, например, современные исследования *античной мифографии* показывают, насколько древнее мышление коренилось в географическом пространстве, придавая всем своим произведениям поистине «географическую» форму⁷¹. Географические образы – в том виде, в котором они предстают в описаниях и систематизациях античных мифов – фактически сама реальность. Окружающая местность, пространство осознаются античным человеком постольку, поскольку они населены мифическими героями и богами, дающими названия родникам, горам, скалам, рекам, водопадам, городам и т. д. От того, насколько данная местность представлена в хорографических сочинениях (а именно они были одним из главных ис-

⁷⁰ Цивьян Т. В. Звуковой пейзаж и его словесное изображение // Музыка и незвучащее. М.: Наука, 2000. С. 74–91; Николаева Т. Н. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000.

⁷¹ Торшилов Д. О. Античная мифография: мифы и единство действия. С приложением аргументов Аристофана Византийского и «О реках» Лжеплутарха. СПб.: Алетейя, 1999.

точников классической античной мифографии)⁷², зависел своего рода ее метагеографический «имидж» среди других местностей, областей и стран античной ойкумены. «Хорографическим» лидером древней Греции была, естественно, Аттика, немногим уступали ей Беотия, Аркадия и Фессалия. На периферии хорографического интереса – Мессения, Фокида и дикая Этолия⁷³.

Характерно, что эпонимы (собственные имена богов и героев), раскрываемые в своем генеалогическом и хорографическом значениях через местные, локальные, мифы⁷⁴, очень хорошо систематизировались, каталогизировались – образуя последовательные и подробные генеалогические таблицы и описания мифо-географических карт⁷⁵. Хорографические сочинения образовывали ту пространственно-географическую плазму, посредством которой античное сознание как бы «опространствляло» себя – используя мифы и их содержание как первичную систему географической ориентации в окружающем мире. Но сами мифы еще не расчленяли отчетливо пространство от времени, в результате чего их структуры представ-

⁷² Там же. С. 70–90.

⁷³ С. 79–82.

⁷⁴ Там же. С. 49–50, 57–58.

⁷⁵ Там же. С. 75–82, 224–225.

ляли собой синкретическое слияние генеалогических и географических элементов⁷⁶. В их основе лежали простейшие «атомы», или формулы, например: «такой-то, сын такого-то и такой-то, дочери такого-то, основал такой-то город (или: «дал свое имя такому-то городу»).

Благодатная почва систематизированной мифографии, сами хорографические сочинения никоим образом не могли систематизировать мир. Системы мифов, организованных географически, никогда не существовало, ибо они естественно «ложились» на карту, сосуществовали друг с другом, не требуя иной организации, кроме хронологической. Это-то и создавало известные «зазоры» геомифографического пространства: оно всегда не полно, всегда можно найти место, «не покрытое» мифом, или «слабо» промысленное мифологически. Чем дальше от центра античной ойкумены, тем более вариативным становилось это пространство, тем более оно отходило от мифографических канонов, «обслуживших», например, большинство известных областей материковой Греции. И здесь, параллельно с мифологами, добросовестно работавшими на базе уже канонизированной хорографии, появлялись авторы, измышлявшие как бы из себя целые лжехорографические сочинения,

⁷⁶ Там же. С. 292–293.

покрывавшие недостаточно «мифологизированные» области Ойкумены. В подобных сочинениях сталкивались и накладывались порой далекие географические образы, соединявшиеся в причудливые мозаичные образно-географические системы. Так, река Фасис (современная Риони на Кавказе) в лжемифографическом сочинении «О реках» сдвигается с Кавказа в холодную Скифию, и ее описание пронизано северным колоритом⁷⁷. Античные хорографические сочинения и, шире, античная мифография – это прекрасный пример синкретической образно-географической организации мира.

1.2.3. Изучение образов географического пространства в архитектуре и градостроении

Весьма близко к когнитивным трудам в широком смысле находится также ряд *архитектурных и градостроительских исследований*, посвященных проблемам осмысления пространства и культурных ландшафтов – как прошлого, так и настоящего⁷⁸. Так, исследование

⁷⁷ Там же. С. 324, ср. также: С. 380 (пример описания реки Тигр).

⁷⁸ Линч К. Образ города. – М.: Стройиздат, 1982; Глазычев В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984; Габричевский А. Г. Пространство и время. Фрагмент из опытов по онто-

метафизики Петербурга⁷⁹ позволяет говорить о создании основ для развития образно-географического краеведения и градоведения.

Образы географического пространства и метафизика Петербурга. Метафизика Петербурга – тема, которая разрабатывается около 200 лет; тема, которая дала шедевры русской литературы – Пушкина, Достоевского, Блока и других. Известные книги Н. П. Анциферова⁸⁰, казалось бы, подвели временную черту под последующими попытками осмыслить этот феномен в историософском или культурософском плане. В 1990-х гг. был составлен новый сборник «Метафизика Петербурга» (1993)⁸¹. Петербург, осмысляемый прежде всего в геософском и образно-географическом планах, по-прежнему выступает катализа-

логии искусства // Вопросы философии. 1994. № 3; *Каганов Г. З.* Санкт-Петербург как образ Всемирной истории (к проблеме псевдонимов города) // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 303–315; *Каганов Г. З.* Город в картине и «на самом деле» // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога / Сост. Т. В. Степугина. М.: Наука, 1996. С. 197–210; *Он же.* Город как личное переживание // Искусствознание. 1999. № 2. С. 209–242; *Он же.* Городская среда: преемство и наследование // Человек. 2000. № 4. С. 49–63.

⁷⁹ *Спивак Д. Л.* Северная столица: Метафизика Петербурга. СПб.: Тема, 1998.

⁸⁰ *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. Репринт. М.: Книга, 1991.

⁸¹ Метафизика Петербурга (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1). СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1993.

тором новых географических (геокультурных) образов. Так, геокультурные и геоисторические образы Петербурга увязаны Д. Л. Сливаком в три метафизических «узла» – «Финская почва», «Шведские корни» и «Греческая вера»⁸². Автор движется по исторической и историософской спирали, анализируя, как множатся, расширяются, обогащаются все новыми и новыми мифологиями образы Петербурга. Языческая финская почва первоначальной территории Петербурга пропитывается шведской топонимикой, а уже на нее накладываются и локализуются православные и российско-имперские образы. В этой связи и сама смена названий великого города выглядит обоснованной и вполне логичной.

Метафизическое краеведение не может быть «приземленным». Оно требует активного создания и мелких, drobных, фрагментарных географических образов, опирающихся на физико– и культурно-географические реалии⁸³. Уместнее говорить даже о топографических образах. Петербургские реалии, их мифологическая аура формируют плотное образно-геогра-

⁸² Сливак Д. Л. Указ. соч.

⁸³ См., например: Марков Б. В. «Сайгон» и «Слоны» – институты эмансипации // Метафизика Петербурга (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1). СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1993. С. 130–146.

фическое поле северной столицы, но и оно, в свою очередь, воздействует на восприятие этих реалий, а иногда и их изменения. Образно-географическое положение Петербурга втягивает в себя и Стокгольм, и Новгород, и Москву. Характерные для «призрачного города» символы: его туманы и белые ночи, освященные литературными реминисценциями, – отнюдь не только и не столько свидетельство его физико-географического положения. Образ изменяет географию. Географический образ Петербурга является, вполне очевидно, ядерным для понимания образно-географического поля России.

Северная столица – крайне удачный и емкий географический образ. Ведь Петербург на самом деле есть средоточие, созвездие, пересечение многих и многих образов – Венеции, Константинополя, Рима, Киева, Лондона – не говоря уж о «навязшем в зубах» метафизическом противостоянии с Москвой⁸⁴. Как «северная столица», образ Петербурга стягивает более «южные», но также плотно метафизически насыщенные образы, но и сам он, по сути, становится более южным, более «теплым». Метафизика Пе-

⁸⁴ Каганов Г. З. Санкт-Петербург как образ Всемирной истории (к проблеме псевдонимов города) // Город как социокультурное явление исторического процесса...; Каганов Г. З. Санкт-Петербург: образы пространства...

тербурга коренится в «физике» Черного моря и Средиземноморья (недаром ведь Петр I двинулся сначала к Черному морю, и не добившись серьезного успеха, повернул к Балтике). Это теплый и уютный мир Средиземноморья (по Фернану Броделю) в конкретной точке Балтики.

1.2.4. Изучение образов стран и границ в гуманитарных науках

Большое значение для становления методологических подходов к изучению образа в географии имеют работы в смежных научных областях, посвященные образам различных стран и регионов. Здесь следует выделить прежде всего труды в области *межкультурной (кросс-культурной) коммуникации*, изучающие закономерности и структуры индивидуальных и коллективных представлений разных народов о друг друге и о других странах⁸⁵. Особенность этих

⁸⁵ Россия и Запад: метаморфозы восприятия. М.: Наука, 1993; Россия и Запад: диалог культур. М., 1994; Образ России (Россия и русские в восприятии Запада и Востока). СПб., 1998 (Приложение к альманаху «Канун»); Павловская А. В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. Россия глазами американцев, 1850—1880-е годы. М.: Изд-во МГУ, 1998; Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2000; Почепцов Г. Г. Имиджология. М.: Рефл-бук, К.: Ва-

работ – концентрация внимания на двух-трех образах, достаточно устойчиво характеризующих те или иные страну и народ в определенную эпоху и становящихся надежной меткой, их точными координатами в культурном и ментально-географическом пространстве. Важное значение имеют также исследования образов стран и ландшафтов в *литературоведении, культурологии*⁸⁶, *искусствоведении*⁸⁷ (Раушен-

клер, 2000; Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания. СПб., 2001 (Приложение к альманahu «Канун») и др.

⁸⁶ *Эпштейн М. Н.* «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990; *Гачев Г. Д.* Образы Индии (Опыт экзистенциальной культурологии). М.: Наука; Издат. фирма «Восточная литература», 1993; *Он же.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Издат. группа «Прогресс» – «Культура», 1995; *Он же.* Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999; Русская провинция: миф – текст – реальность / Сост. А. Ф. Белоусов и Т. В. Цивьян. М.; СПб.: Лань, 2000; *Ямпольский М. Б.* Наблюдатель. Очерки истории видения. М.: Ad marginem, 2000; *Он же.* О близком (Очерки немиметического зрения). М.: Новое литературное обозрение, 2001.

⁸⁷ *Мочалов Л. В.* Пространство мира и пространство картины. Очерки о языке живописи. М.: Советский художник, 1983; *Михайлов А. В.* Пространство и ландшафт Каспара Давида Фридриха // Культурология. XX век. Духовная встреча. Проблемно-тематический сборник. М.: ИНИОН РАН, 1997. С. 135–186; *Поспелов Г.* Полночный и полуденный края в мироощущении пушкинской эпохи // Искусствознание. 1999. № 2. С. 290–298; *Турчин В.* Судьба пейзажа моралистического, дидактического и символического в эпоху пленэра // Искусствознание. 1999. № 2. С. 242–275; *Егорова К. С.* Пейзаж в нидерландской живописи XV века. М.: «Искусство», 1999; *Органика. Беспредметный мир природы в русском*

бах, 2001), в которых на примерах литературных, живописных, графических произведений рассматриваются внутренние структуры и механизмы создания пространственных образов в культуре.

В более широком контексте именно *образ географической границы* представляется как наиболее универсальный и емкий. Но подобное представление возможно лишь в ситуации, когда структуры самого географического пространства мыслятся не в традиционных *бинарных оппозициях* (центр / периферия), пусть даже с выделением полупериферии (И. Валлерстайн), а как *ризоматические*, которые делают само пространство (а, следовательно, и его образы) потенциально безграничным⁸⁸. Идея «*scarto*» («*сдвига*») итальянских исследователей К. Гинзбурга и Э. Кастельнуово позволяет рассматривать приграничные территории как своего рода «*двойные периферии*» и места зарождения уникального опыта⁸⁹. Алешандро Мело утверждает, что «...граница – это и есть единый критерий для всех идентичностей современного мира, пребывающего в состоянии постоянного ста-

авангарде XX века. М.: РА, 2000.

⁸⁸ См. также соображения Умберто Эко о метафизике детектива: Эко У. Имя Розы: Заметки на полях «Имени розы». СПб., 1997. С. 629.

⁸⁹ Мело Алешандро. Трансокеанский экспресс // Художественный журнал. 1997. № 16. С. 12.

новления...»⁹⁰. Всякое пространство, по сути, погранично, и находится между различными пространствами, временами и представлениями. Мело дал и образ подобного пространства – *трансокеанский перекресток* (там же).

Характерно, что граница (в том числе и географическая – между ландшафтом и не-ландшафтом) стала одной из ключевых проблем в теории скульптуры и архитектуры⁹¹. Эти пространственные искусства столкнулись фактически с *проблемой географического пространства, которое окружает само скульптурное или архитектурное произведение*. Постмодернизм в скульптурно-архитектурной трактовке проявился в феномене *утраты места*: скульптура становилась не-ландшафтной, скульптурный минимализм был ориентирован на маркировку собственно ландшафта и не-ландшафта, архитектура осмыслила себя как часть пост-пространственной эпохи⁹². «Исчезновение» традиционного географического пространства как фона или декорации, его активное вторжение как равноправного «соавтора» в

⁹⁰ Там же. С. 13.

⁹¹ *Краусс Розалинд*. Скульптура в расширенном поле // Художественный журнал. 1997. № 16; *Асс Евгений*. После пространства. Фрагменты протоколов архитектурных испытаний // Там же.

⁹² Там же.

произведение заставили осознать его как прежде всего и важнее всего *движущуюся, динамичную границу*, которая постоянно меняет условия соприкосновения и взаимодействия различных сред. Скульптурное или архитектурное произведение *«пост-пространственной» культуры* необходимо должно восприниматься как путешествующее, передвигающееся, пограничное – как своего рода *воплощенный и материализованный географический образ*.

1.2.5. Исследования образов пространства в геополитике, региональной политологии и социологии. Региональная идентичность

Достаточно мощные образы различных регионов, стран и континентов создаются в *геополитике, региональной политологии и социологии*. Особенность этих исследований – работа с так называемыми «большими пространствами», что позволяет расширить привычные контексты восприятия тех или иных регионов, включить их образы в более крупные образные системы. В этом плане с географической точки зрения наиболее интересны труды по регионализму,

культурно-исторической и цивилизационной геополитике⁹³, территориальной и национальной идентичности⁹⁴.

Региональная идентичность. Географический образ и региональная идентичность – очень близкие понятия. Если в понятии географического образа акцент делается на создание некоей синтетической конструкции, которая должна максимально ярко и экономно представить регион или страну, то во втором понятии главное – это обнаружить прочные и тесные связи, укореняющие местные сообщества и отдельных людей, показать процедуры самоидентификации, в которых образ региона может представать как образы людей, населяющих и осваивающих эту территорию. *Общее в обоих случаях – внимание к географическому пространству, выступающему в роли желанного, полностью недостижимого и все же вполне реально-го эквивалента различных социальных и культурных грез.* Региональная идентичность сказывается в существовании выпуклых и устойчивых образно-географических композиций, а хорошо освоенное простран-

⁹³ Страда В. Хронотоп России // Новая Юность. 1997. № 5–6 (26–27); Цымбурский В. Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

⁹⁴ Geography and National Identity / Hooson D. (Ed.). Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994.

ство идентифицируется как система региональных и оригинальных образов.

Англо-американская гуманитарная география сравнительно давно начала осваивать тему региональной идентичности: еще в 1930-х гг. развитие регионализма в США привело к многочисленным исследованиям, анализирующим образы отдельных регионов. Еще более плотно осмыслено культурно-географическое пространство Великобритании, в исследовании которого упор делается на образы территорий в литературном контексте. Остановимся здесь, в качестве примера, на образах Новой Англии и Запада США.

Новая Англия – родина всех американских грез и мечтаний⁹⁵. Первоначально ее образ был чопорен и мало отличался от утопического христианского «Града на холме». Суровый и аскетичный протестантизм осмыслял wilderness нового континента как Богом данную землю, которую добросовестный христианин должен заселить и освоить во славу Божью. Это был кусочек старой доброй Англии, который быстро таял по мере вrastания колонистов в новую и совсем не похожую на прежнюю жизнь вооруженного поселен-

⁹⁵ *Conforti J. A. Imagining New England: Explorations of Regional Identity from the Pilgrims to the Mid-Twentieth Century. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 2001.*

ца, сражающегося с индейцами на бесконечно удаляющемся фронтире. **Новая Англия дала мощный образный импульс всей Северной Америке, стала тем образцом, который использовался как культурный ресурс при освоении новых территорий на западе США.** Белый, протестант, по происхождению из Англии – вот идеал, господствовавший по всей Америке три века, и вышедший по преимуществу из Новой Англии. «Настоящими США» были именно штаты Новой Англии: Коннектикут, Массачусетс и т. д.

Несомненна роль Новой Англии в становлении США: национальная идентичность в период Ранней Республики «ковалась» именно на Северо-Востоке, и в первой половине XIX в. этот регион осмыслялся как именно Великая Новая Англия – корни подобного величия находились, конечно, в колониальной эпохе. Быстрое и энергичное освоение Запада и Юго-Запада США во второй половине XIX столетия привело к социально-экономическому упадку Новой Англии; параллельно изменился и ее образ – она стала Старой Новой Англией, сельской страной, ностальгирующей по былым временам. Здесь, как никогда вовремя, пригодился величественный образ великого поэта Роберта Фроста – истинного жителя новоанглийской глубинки, творящего поэтические шедевры «к северу от Бо-

стона»⁹⁶. Первая половина XX в. дала Новой Англии образ *Северной страны* – весьма необычного образа для стремительно «поюжневших» в целом США. Символом такого «северного» культа стало издание блестящего регионального журнала – *Yankee Magazine* (расцвет пришелся на 1914–1940 гг.), – благодаря которому Новая Англия обрела, наконец, свои новые устойчивые визуальные символы. Сельский труженик с изборожденным трудовыми морщинами лицом, лесные заснеженные ландшафты с катающимися на санках детьми, заповедные дали и уютное колониальное прошлое старых усадеб и городков – эти образы определили место Новой Англии в образном пространстве Америки.

Не в пример Новой Англии, гораздо более «раскрученной» оказывается мифология *Запада США*⁹⁷. Она основана именно на мифмейкерах – порой кричащих и четко запоминающихся персонах, величие которых иногда сомнительно, но их роль в образе Запада очевидна. Джон Форд, Джон Уэйн, Клинт Иствуд, Роберт Редфорд, Кевин Костнер – актеры, прославившиеся в классических вестернах; политика и литература обеспечила Западу имена Вашингтона Ирвин-

⁹⁶ Так называется одна из известных поэтических книг Фроста.

⁹⁷ *Murrey J. A. Mythmakers of the West: Shaping America's Imagination.* Northland Publishing, 2001.

га, Марка Твена, Теодора Рузвельта и Джона Стейнбека. Не меньше имен представлено по разделу музыки (sweet music), включая Бадди Холли и Джона Денвера. Обратим внимание и на сетевую мифологию Запада, сформированную народными легендами, мормонами, *Arizona Highways (The Transcendent Landscape)* и знаменитой *Route 66*. Образ Запада целиком принадлежит именно XX веку, хотя живопись, фотография, литература, кино явно эксплуатируют образ дикого индейско-ковбойского, порой лунного в своих нечеловеческих масштабах ландшафта, уходящего корнями в век XIX, где рядом Сидящий Бык и Баффало Билл (*Sitting Bull and Buffalo Bill*). *В сравнении с образом Новой Англии образ Запада более структурен, более явен и вызывающ, но и более примитивен: у него нет еще той длительной содержательной динамики, которая позволяет образу приобрести своего рода надежность, устойчивость к каким-либо образным «интервенциям».*

Итак, как формируются механизмы региональной идентичности, иначе: где взять, найти специфические географические образы, которые будут репрезентировать конкретные место, ландшафт, пространство? По всей видимости, каждый раз, когда место желанно и недостижимо, или оно достигнуто, но пока не осмысленно, ментальные пространства как бы рас-

тягиваются, трансформируются, давая место образам-эмбрионам (протообразам). А далее личный контекст: образный, географический, биографический – дает образам необходимый потенциал роста и развития. ***В соотношении с понятием региональной идентичности географический образ – это пространство, ставшее максимально внутренним.*** Использование понятия региональной идентичности позволяет более эффективно изучать вопросы взаимодействия географических образов регионов и политической культуры общества; это, своего рода, концептуальный (когнитивный) «мостик» между указанными научно-прикладными областями.

Обобщая результаты исследований образов географического пространства в гуманитарных науках с точки зрения образно-географического подхода, отметим: 1) данные исследования представляют большой интерес для географов в силу нестандартных и непривычных пока для большинства географических наук методов и подходов к изучению этой проблемы, 2) гуманитарная география может создать общее концептуальное методологическое поле для обобщения и дальнейшего эффективного научного использования достижений и результатов гуманитарных наук в исследованиях образов географического пространства. Это возможно в силу центральности

идеи и принципа пространственности для гуманитарной географии. Органичность такой идеи для гуманитарной географии позволяет эффективно концентрировать междисциплинарные образно-пространственные исследования и переходить к дальнейшему синтезу на уровнях методологии, теории и практики изучения географических образов.

1.3. Традиционные направления изучения понятия образа в гуманитарной географии

1.3.1. Методологические традиции исследования понятия образа в географии

Методологические предпосылки для изучения образа в географии начали складываться в середине – второй половине XIX в. Их возникновение связано со становлением хронологической концепции в географии – прежде всего в трудах выдающегося немецкого географа Карла Риттера. В рамках хронологической концепции исследование пространственных закономерностей развития природы и общества стало главной задачей географии. Такая постановка задачи опиралась на введение в методологический и теоретический арсенал географической науки новых категорий и понятий, с помощью которых можно было эффективно исследовать географическое пространство – таких, например, как рельеф и ландшафт. Основная методологическая инновация заключалась в том, что

география в результате хронологического переворота как бы дистанцировалась от собственного предмета и объекта исследования; Земля стала прежде всего земным пространством, а новые понятия и категории, по своей сути, также стали пространственными, т. е. непосредственно учитывающими особенности предмета исследования, к которому они применялись. Эти понятия обеспечивали дистанцирование, процедуры отдаления от предмета исследования, что позволяло непосредственно изучать именно пространственные закономерности⁹⁸.

Культура географических и путевых описаний. Развитию географии в рамках хронологической концепции способствовала также хорошо сложившаяся и развившаяся к середине XIX в. в Европе, Америке и в России культура географических и путевых описаний. Ее развитие связано как с традициями академических естественнонаучных описаний различных стран и регионов мира, так и с традициями художественных описаний, зарисовок, путевых очерков и дневников. Характерно, что эти две ведущие традиции в XVIII–XIX вв. в значительной степени переплетались, и мы часто находим блестящие по своей ху-

⁹⁸ См.: *Замятин Д. Н.* Методологический анализ хронологической концепции в географии // Известия РАН. Серия географическая. 1999. № 5. С. 7—16.

дожественной силе фрагменты у академических ученых (Паллас, Миддендорф, Пржевальский, Грум-Гржимайло)⁹⁹, а интересные научные наблюдения – у писателей и очеркистов (Боткин, Аксаков, Гончаров, Чехов и др.)¹⁰⁰.

Географическое страноведение. Во второй половине XIX в. начинается мощное содержательное и концептуальное развитие географического страноведения, которое стало ядром географической науки в целом¹⁰¹. В географическом страноведении использование географических образов оказалось более эффективным, а само понятие географического образа – более определенным и более структурированным. Описание и характеристика пейзажа в работах французской школы географии человека¹⁰² – это прямое

⁹⁹ См., например: *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем.; Отв. ред. Б. В. Левшин; Сост. Н. К. Ткачева. М.: Наука, 1999.

¹⁰⁰ См., например, классические очерки А. П. Чехова: *Чехов А. П.* Из Сибири // *Чехов А. П.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 18 т. Т. 14–15. М.: Наука, 1987. С. 5–39; *Он же.* Остров Сахалин (Из путевых записок) // *Чехов А. П.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 18 т. Т. 14–15. М.: Наука, 1987. С. 39–373.

¹⁰¹ *Абрамов Л. С.* Описания природы нашей страны. М.: Мысль, 1972.

¹⁰² См.: *Витвер И. А.* Французская школа географии человека // *Витвер И. А.* Избранные сочинения / Под ред. В. В. Вольского и А. Е. Слуки. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 513–546.

выделение и структурирование географических образов местностей, регионов и стран. В контексте страноведческих работ данного периода понятие пейзажа или ландшафта является инвариантом географического образа, а сам географический образ становится непосредственным методологическим и теоретическим «инструментом» исследования в географической науке. Смысл пейзажного, равно образно-географического исследования заключается в выявлении и использовании наиболее ярких, запоминающихся черт, знаков, символов определенной местности, района, страны.

В первой трети XX в. в отечественной и зарубежной географии сформировались новые научные области, в которых образный подход к изучению географического пространства воспринимался как один из основных. В этот период возникают антропогеография, культурная география и культурное ландшафтоведение; начинает интенсивно развиваться география искусства. Характерно, что все эти новые научные области имели тесные концептуальные связи с традиционным географическим страноведением и зачастую развивались первоначально внутри отдельных страноведческих характеристик¹⁰³. В России наиболее яр-

¹⁰³ См.: Туровский Р. Ф. Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география / Науч. ред. Ю. А. Веденин,

ким представителем антропогеографии был В. П. Семенов-Тянь-Шанский.

В середине и второй половине XX в. в географической науке происходит очень важный переход в осмыслении методологической значимости понятия географического образа. В тех или иных вариантах, оно стало также использоваться различными отраслями и направлениями физической и социально-экономической географии. Быстрое содержательное расслоение и дисциплинарная дифференциация географической науки позволили провести параллельные процедуры методологической адаптации этого понятия сразу в нескольких областях географии.

1.3.2. Методологическая адаптация понятия географического образа в сфере гуманитарной географии

В сфере гуманитарной географии это, безусловно, были география населения, особенно география городов¹⁰⁴, социальная география в широком смысле¹⁰⁵,

Р. Ф. Туровский. М.: Ин-т наследия, 2001. С. 10–94.

¹⁰⁴ Лалло Г. М. География городов: Учебное пособие для геогр. фтов вузов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997; Hudson R., Pocock D. Images of the urban environment. L., 1978; Imperial Cities: Landscape, Display and Identity / Driver F., Gilbert D. (Eds.). Manchester: Manchester

поведенческая география¹⁰⁶, география культуры и культурная география¹⁰⁷, политическая география и

University Press, 1999.

¹⁰⁵ *Джонстон Р. Дж.* География и географы. Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 года. М.: Прогресс, 1987; *Верлен Б.* Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 25–46; *Soja E. W.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London: Verso, 1990; *Lefebvre H.* The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991 и др.

¹⁰⁶ *Голд Дж.* Психология и география: основы поведенческой географии. Пер. с англ. / Авт. предисл. С. В. Федулов. М.: Прогресс, 1990; *Driver F.* Visualizing geography: A journey to the heart of the discipline // Progress in Human Geography. 1995. № 19. P. 123–134; *Castree N.* Commodity fetishism, geographical imaginations & imaginative geographies // Environment and Planning A. 2001. Vol. 33. P. 1519–1525; *Crouch D.* Spatialities & the Feeling of Doing // Social & Cultural Geography. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 61–73; *Hetherington K.* Spatial textures: place, touch and praesentia // Environment and Planning A. 2003. Vol. 35. P. 1933–1944.

¹⁰⁷ *Веденин Ю. А.* Очерки по географии искусства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997; *Перцик Е. Н.* География и искусство // Экономическая и социальная география на пороге XXI в. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. С. 109–125; *Лавренова О. А.* Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX вв. (геокультурный аспект) / Науч. ред. Ю. А. Веденин. М.: Ин-т наследия, 1998; *Tuan Yi-Fu.* Humanistic geography // Annals of the Association of American Geographers. – 1976. Vol. 66. № 2. P. 266–276; *Idem.* Literature and geography: implications for geographical research // Humanistic geography: prospects and problems. Chicago, 1978. P. 194–206; *Cosgrove D. E.* Social formation and symbolic landscape. London and Sydney, 1984; *Idem.* Models, descriptions and imagination in geography // Remodelling geography / Ed. MacMillan B. Oxford: Blackwell, 1989. P. 230–244.

геополитика¹⁰⁸, географическая глобалистика¹⁰⁹, в последнее время также и когнитивная география¹¹⁰. Ин-

¹⁰⁸ *Замятин Д. Н.* Моделирование геополитических ситуаций (на примере Центральной Азии во второй половине XIX в.) // Политические исследования. 1998. № 2. С. 64–77. № 3. С. 133–147; *Он же.* Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Политические исследования. 1998. № 6. С. 80–92; *Он же.* Географические образы регионов и политическая культура общества // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: МОНФ, 1999. С. 116–125; *Он же.* Национальные интересы как система «упакованных» политико-географических образов // Политические исследования. 2000. № 1. С. 78–81; Геополитическое положение России: Представления и реальность / Под ред. В. А. Колосова. М.: Арт-Курьер, 2000.

¹⁰⁹ *Липец Ю. Г.* География мирового развития – синтез проблемного страноведения, геоглобалистики и географии мирового хозяйства // Известия РАН. Серия географическая. 1998. № 5. С. 110–121; *Замятин Д. Н.* Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 125–138.

¹¹⁰ Понятие когнитивной географии введено в российский научно-исследовательский дискурс Н. Ю. Замятиной, ею же развивается концепция когнитивной географии (см.: *Замятина Н. Ю.* Когнитивно-географическое положение региона как фактор регионального развития: методологические аспекты // Новые факторы регионального развития. М.: ИГ РАН, 1999. С. 86–97; *Она же.* Когнитивная география // География. 1999. № 44. С. 16; *Она же.* Когнитивно-географическое изучение региональных политических процессов // Образы власти в политической культуре России / Под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 74–95.) За рубежом концепция когнитивной географии развивается преимущественно в США, при этом понятие когнитивной географии трактуется уже. Как отдельное направление в рамках когнитивной географии рассматривается т. н. «наив-

тенсивное наращивание методического аппарата образно-географических исследований позволяет говорить о достаточно эффективном использовании понятия географического образа в экономической географии.

Культурная география. Наиболее интенсивные модификации и собственно моделирование географических образов характерны для *культурной географии*, особенно для исследований *культурных ландшафтов*¹¹¹. Определенный уровень и своеобра-

ная география», связанная с репрезентацией геоизображений, в основном в рамках ГИС (геоинформационных систем). См.: *Kosslyn S., Ball T., Reiser B.* Visual Images Preserve Metric Spatial Information: Evidence from Studies of Image Scanning // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1978. № 4. P. 47–60; *Kuipers B.* Modeling Spatial Knowledge // *Cognitive Science*. 1978. № 2. P. 129–153. *Talmy L.* How Language Structures Space // *Pick H. and Acredolo L. (Eds.). Spatial Orientation: Theory, Research, and Application*. New York: Plenum Press, 1983. P. 225–282; *Language in geographical context / Williams C. H. (Eds.). Clevedon, UK, 1988; Egenhofer M., Franzosa R.* Point-Set Spatial Topological Relations // *International Journal of Geographical Information Systems*. 1991. № 5 (2). P. 161–174; *Waddington M.* Naive Geography // *Queen's Quarterly*. 1993. № 100(1). P. 149 и др.

¹¹¹ См.: *Новиков А. В.* Культурная география как интерпретация территории // *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран*. Вып. 13. Проблемы общественной географии. М., 1993; *Родоман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999; *Каганский В.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001; *Jordan T. G., Domosh M., Rowntree L.* The Human Mosaic: A Thematic Introduction to Cultural Geography. Sixth Edition. New York:

зие самой культуры выступают непременно условием качества создаваемого синтетического образа культурного ландшафта страны, района или местности, но и сами вновь созданные географические образы как бы пронизывают определенную культуру, придают ей неповторимость и уникальность¹¹². Сами культуры и их пространственные отношения как бы разыгрывают на поверхности Земли человеческую историю (или истории), а осмысленность географического пространства предполагает и осмысленное будущее¹¹³. В контексте понимания культурной географии как *метафизики территории* (пространства)¹¹⁴ осмысленность конкретного географического пространства, его «окультуренность» непосредственно проявляется в количестве и качестве географических образов, которые как бы представляют и выражают это *пространство в культуре*.

Коллективная монография ученых из Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лиха-

Harper Collins College Publishers, 1994; Jackson J. B. Landscape in Sight: Looking at America / Ed. by H. L. Horowitz. New Haven and London: Yale University Press, 1997; Cultural Turns/Geographical Turns. Perspectives of Cultural Geography / Ed. by S. Naylor, J. Ryan, I. Cook and D. Crouch. New York: Prentice Hall, 2000 и др.

¹¹² Новиков А. В. Указ. соч. С. 84–85.

¹¹³ Там же. С. 89.

¹¹⁴ См.: там же. С. 90.

чева «Культурная география»¹¹⁵ отражает отечественные представления об особенностях и закономерностях развития культурной географии, а также ее основных направлениях. В статье Р. Ф. Туровского «Культурная география: теоретические основания и пути развития»¹¹⁶ разработана строгая классификация культурно-географических направлений и дана их подробная характеристика. Это исследование отличается логической стройностью, обоснованностью взглядов автора. В работе О. А. Лавреновой «Новые направления в культурной географии: семантика географического пространства, сакральная и эстетическая география»¹¹⁷ детально исследованы пограничные области этой дисциплины, активно взаимодействующие с семиотикой, филологией и религиоведением. Статья М. П. Крылова «Структурный анализ российского пространства: культурные регионы и местное самосознание»¹¹⁸ показывает специфику развития российского регионализма и процессов формирования региональной идентичности.

Интересное исследование с точки зрения пони-

¹¹⁵ Культурная география / Науч. ред. Ю. А. Веденин, Р. Ф. Туровский. М.: Ин-т наследия, 2001.

¹¹⁶ Там же. С. 10–95.

¹¹⁷ Там же. С. 95–127.

¹¹⁸ Там же. С. 143–172.

мания основных образно-географических трендов в культурной географии опубликовано в рамках серии «Создание североамериканского ландшафта» в сотрудничестве с Центром американских мест¹¹⁹. Среди уже выпущенных в этой серии – книги «Горный Запад: интерпретация народного ландшафта», «Новоанглийская деревня», «Принадлежащее Западу», «Юг хлопковых плантаций во время Гражданской войны» и другие. Выделяемый нами монографический сборник посвящен территориям США, на которых сформировались ключевые североамериканские этнокультурные общности: янки, амиши, креолы, мормоны, навахо и т. д. Привлекает подход авторов к выделению границ этих территорий: ряд выделяемых ими этнокультурных границ базируется на региональных мифологиях, слабоуловимых культурных традициях, косвенном анализе результатов политических выборов. Сам процесс выделения таких коренных территорий состоит в поиске «решающего» географического образа, позволяющего, так или иначе, провести требуемые границы.

«Формовка» и как бы затвердевание новых, продуктивных и ярких географических образов ускоренны-

¹¹⁹ Homelands: A Geography of Culture and Place across America / Ed. by R. L. Nostrand and L. E. Estaville. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 2001.

ми темпами протекает на границах различных культур, в тех пограничных, *фронтирных зонах*, в которых происходит наложение, эклектическое смешение и в то же время обострение традиционного *взаимокультурного интереса*¹²⁰. Как результат подобного пограничного образно-географического «приключения» выглядит, например, *«Московский дневник» Вальтера Беньямина*. Образ Москвы Беньямина, классического западноевропейского левого интеллектуала 1920-х годов, естественно, стремится, от противного, предстать в глазах заинтересованного читателя вполне азиатским, *«оазиатиться»* – оттолкнувшись от западноевропейских реалий того времени. Но это удастся не полностью: чисто европейский генезис тех культурных реалий, которые обостренно переживаются и переосмысляются Беньямином в советской столице, делает образ Москвы в его трактовке неоднородным, неустойчивым и все же очень терпким, запоминающимся. Узкие тротуары, которые придают Москве облик импровизированной метрополии; пространство московской зимы, которое изменяется от того, теплое оно или холодное; Москва как «архитектурная прерия» и собственное предместье; постоян-

¹²⁰ Ср.: Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания) / Сост. В. Е. Багно. СПб., 2001. (Приложение к альманаху «Канун»).

ное ощущение открытости русской равнины внутри города; деревенская бесформенность огромных московских площадей – все эти локальные географические образы формируют на удивление связную и подробную *образно-географическую картину* – на стыке различных пространств, культур и времен¹²¹. Создание столь ярких образов возможно как часть механизма культурной самоидентификации, но сама культура при этом должна быть динамичной и даже агрессивной, в том числе и географически.

Классический американский фронтир – пример культурно-географической экспансии, которая породила живучий и крайне динамичный географический образ. Уникальное соединение географических, культурных, социальных, исторических координат создало «горючую смесь» – своеобразный образно-географический «чернозем». «...фронтир – воображаемый географический рубеж и генетический виток возобновляемого социального развития. Линия и виток. Запад – общее направление, равнодействующая движущихся сил, их вектор и при этом место. Направление и место. Линия, закручивающаяся в спираль, путь, становящийся участком. И наоборот. Но что это за переливы геометрии и географии, переходы од-

¹²¹ *Беньямин В.* Московский дневник. М., 1997. С. 45, 51, 71, 100, 147, 159.

ной в другую и обратно, что за странное мерцание их оживших элементов, утративших статичность и покой?»¹²². Фронтир, по сути, некое ментальное пространство, усвоившее и вобравшее в себя черты пространства географического, реального и ставшее динамичным местом мысли, географией самой мысли. Ему присуща особая топология, которая требует и своего собственного, ментально-географического картографирования¹²³. Неслучайно, географические пространства, которые стали предметом интенсивной историко– или политико-культурной рефлексии (саморефлексии), становятся одновременно и местами своеобразного *картографического культа*. «На улице, в снегу, пачками лежат карты СССР, которые торговцы предлагают прохожим. Мейерхольд использует карту в спектакле «Даешь Европу» – Запад изображен на ней как сложная система маленьких полуостровов, относящихся к России. Географическая карта так же близка к тому, чтобы стать центром нового русского визуального культа, как и портрет Ленина...»¹²⁴ Американский президент Франклин Рузвельт в 1942 году, в решающий момент второй мировой войны, произнес «Речь о географической карте», кар-

¹²² Петровская Е. В. Часть света. М., 1995. С. 53.

¹²³ См.: Там же. С. 54.

¹²⁴ Беньямин В. Указ. соч. С. 75.

тографические отделы книжных магазинов опустели и крупномасштабные карты стали предметом неподдельного интереса миллионов американцев. Реальная географическая карта, таким образом, может выступать как самый эффективный культурно-географический или политико-географический образ, который представит «квинтэссенцию» континента, страны или района, даже если сама она запечатлела со всем другие территории. Великий географический образ (каким можно, например, считать образ фронта) спонтанно разворачивает свои географические карты и способствует порождению множества интерпретаций, которые и сами, по существу, являются пространственно-географическими¹²⁵.

Теоретическая география. Методологическое осмысление понятия географического образа происходило в середине и второй половине XX в. также в рамках развития теории самой географии. Следует сразу отметить, что теоретическая география активно соприкасалась здесь со страноведением, сравнительной географией и краеведением. Классические исследования образа места¹²⁶ и страны¹²⁷, форму-

¹²⁵ См.: Петровская Е. В. Указ. соч. С. 60–64.

¹²⁶ Михайлов Н. Н. Образ места // Вопросы географии. Вып. 10. М.: Географгиз, 1948. С. 193–199.

¹²⁷ Покшишевский В. В. Образ страны и образ жизни // Вопросы гео-

лирование содержательной значимости географических сравнений для формирования образа района¹²⁸ способствовали выявлению основных черт рационализации научной мысли с помощью географических образов. Вполне очевидным было также повышение эффективности географической мысли благодаря использованию образов.

В концептуальном отношении процессы районирования и районизации, как правило, четко разводятся между собой, при этом утверждается, что «районированием порождаются субъекты высказываний и объекты деятельности»¹²⁹. По сути дела, районирование – это уникальная субъект-объектная деятельность, не разрывающая, а как раз прочно соединяющая субъек-

графии. Вып. 116. М.: Мысль, 1981. С. 50–60; *Мироненко Н. С.* Страноведение: традиции и проблемы развития // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 11. Советская экономическая география зарубежных стран: становление, современный уровень и перспективы (к 100-летию со дня рождения Ивана Александровича Витвера). М., 1990. С. 102–113; *Машбиц Я. Г.* Комплексное страноведение. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998; *Geography and National Identity / Hooson D. (Ed.).* Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994; *Hage G.* The spatial imaginary of national practices: dwelling – domesticating/being – exterminating // *Environment and Planning D: Society and Space*. 1996. Vol. 14. P. 463–485.

¹²⁸ *Баранский Н. Н.* Избранные труды: Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980.

¹²⁹ *Родоман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999. С. 14.

ективные и объективные особенности функционирования территориальных структур общества. Следовательно, можно говорить о потенциальном существовании районов, а само пространство человека может трактоваться как «...плотное иерархическое полицентричное кружево»¹³⁰. Подобный, хорошо обоснованный и содержательный подход позволяет проводить интересные интерпретации многих современных политических, экономических и культурных процессов в мире – так, известная концепция «многополярного» мира, по мнению Б. Б. Родомана, есть не что иное, как «тривиальная узловая районизация»¹³¹. Районирование – не только центральное понятие теоретической географии, но и широкий географический образ, позволяющий «осваивать» пространство и время общества.

Закономерности и основные процедуры районирования могут обнаруживаться как путем обычных визуальных наблюдений, так и с помощью хорошо известных моделей и образов географических наук. Например, по состоянию растительности у дороги можно судить о расстоянии до поселения и его месте в территориальной иерархии; очень эффективны также аналогии, связанные с территориальностью животно-

¹³⁰ Там же. С. 173.

¹³¹ Там же. С. 175.

го мира¹³². Наиболее яркие и продуктивные образы – это геоморфологические образы, представляющие ряд процедур районирования как квазигеоморфологические процессы. Понятие и образ рельефа прекрасно «работает» при описании узловых и однородных районов, при этом возможно даже «овеществление» статистического рельефа узловых районов»¹³³. В результате подобного концептуального «насыщения» районирование становится во многом целенаправленной деятельностью по описанию, параметризации и размещению географических образов.

Рассмотрим более подробно современную методологическую ситуацию соотношения традиционного и образного страноведения в силу несомненной важности понимания особенностей развития научно-географического страноведения для изучения понятия образа в социально-экономической географии.

1.3.3. Традиционное страноведение и формирование образа страны

Современное научно-географическое страноведение в России испытало в 1990-х гг. своеобразный

¹³² Там же. С. 58, 109.

¹³³ Там же. С. 75, 125.

«ренессанс»¹³⁴. Обилие публикаций было связано с оживлением научного интереса к наиболее фундаментальной и в то же время наиболее «географичной» проблеме, довольно сильно «притушенной» и потускневшей в советское время. Признание кризиса в современном страноведении (Л. Р. Серебрянный) соседствовало с практически полным единодушием в оценке роли и значимости страноведения для развития современной географии. Современные исследователи страноведения сделали попытку опереться на наследие классической географии и одновременно актуализировать значимость сравнительно-географического и образного метода в страноведении. Так,

¹³⁴ См. наиболее важные публикации по этой тематике в отечественной географической литературе: *Дмитревский Ю. Д.* Роль проблемного страноведения в изучении и организации современного туризма // Проблемное страноведение и мировое развитие. Смоленск: Изд-во СГУ 1998. С. 42–57; *Каринский С. С.* География и искусство // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 1990. № 2. С. 27–33; *МашбицЯ. Г.* Комплексное страноведение. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998; *Он же.* Новые рубежи страноведения // Проблемное страноведение и мировое развитие. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 13–23; *Пуляркин В. А.* Научное страноведение: быть или не быть – нет вопроса! // Географическое пространство: соотношение знания и незнания / Первые сократические чтения по географии / Отв. ред. Г. А. Приваловская. М.: Изд-во РОУ, 1993. С. 28–33; *Он же.* Дискуссионные вопросы современного научного страноведения // Проблемное страноведение и мировое развитие. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 23–35; *Серебрянный Л. Р.* Кризис современного страноведения и необходимость его преодоления // Там же. С. 35–42 и др.

Я. Г. Машбиц указал на значимость классических работ В. П. Семенова-Тян-Шанского, рассматривавшего страноведение как один из высших этажей географии, и на необходимость использования в страноведческих характеристиках ярких компаративистских образов – например, Ливан как «Швейцария Ближнего Востока» или Чехия как «Сингапур Восточной Европы»¹³⁵. Проблематика образа страны оказалась явно на «передовых рубежах» современного страноведения. Это связано в первую очередь с тем, что понятие страны с трудом укладывается в точные географические границы; оно по своему генезису уже является образным. Так, В. А. Пуляркин считает, что страноведение явно нуждается в герменевтическом обосновании и ни в коей мере не сводимо к территории¹³⁶. Определение страноведения как синтетического этапа географического познания¹³⁷ переводит образное страноведение в центр географического интереса. Следует сразу же отметить, что этот интерес

¹³⁵ Машбиц Я. Г. Комплексное страноведение. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 34, 216.

¹³⁶ Пуляркин В. А. Дискуссионные вопросы современного научного страноведения // Проблемное страноведение и мировое развитие. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 28–29.

¹³⁷ См.: Каринский С. С. Указ. соч.; Мироненко Н. С. Концепция синтеза в современном страноведении...; Пуляркин В. А. Дискуссионные вопросы современного научного страноведения... С. 31 и др.

не является только географическим¹³⁸, так как внешние потребители страноведческой продукции могут быть заинтересованы в моделировании прикладных, специфически ориентированных образов каких-либо стран.

Классическая хорологическая концепция в географии, представленная прежде всего трудами немецкого географа Альфреда Геттнера¹³⁹, по своей сути является страноведческой, причем понимание страноведения в ней достаточно жестко связано с проблемой чувственного и теоретического познания географического пространства. Выделяемые А. Геттнером ограничения для чувственно-образного восприятия пространства в значительной степени важны для формирования образа страны. Так, временные границы, весьма раздвинутые при восприятии и изучении страны, определяют известную абстрактность, обобщенность и в то же время синтетический характер образа страны: «Кто внимательно наблюдает природу какой-нибудь страны, тот носит у себя в голове большое количество образов, составляющих в своей

¹³⁸ См.: Пуляркин В. А. Указ. соч. С. 33.

¹³⁹ Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы. М.; Л.: Госиздат, 1930. См. также: Замятин Д. Н. Методологический анализ хорологической концепции в географии // Известия РАН. Серия геогр. 1999. № 5. С. 7—15.

совокупности некоторое единство; только это единство и может интересовать географию»¹⁴⁰. Страноведение фактически решает, в интерпретации А. Геттнера, хронологические задачи в рамках всей географии¹⁴¹ и, следовательно, работа по формированию образов различных стран оказывается ядром содержательных географических исследований.

С точки зрения современной теоретической географии исследования образа страны вполне могут рассматриваться и как исследования виртуальных объектов¹⁴², существующих, очевидно, в некоем специфическом пространстве, в данном случае – анаморфированном географическом пространстве. Идея виртуального мира, определяемая как своего рода методологическая метафора¹⁴³, позволяет осознать автономность существования и развития образов стран, конструирование которых предстает как целенаправленная методологическая и теоретическая деятельность. Другими словами, детально разработанный и хорошо структурированный образ страны, в конечном

¹⁴⁰ Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы / Под ред. Н. Баранского. М.; Л.: Госиздат., 1930. С. 198.

¹⁴¹ Там же. С. 363.

¹⁴² См.: Шупер В. А. Мир виртуальных объектов в географии // Географическое пространство: соотношение знания и незнания / Первые сократические чтения по географии. М.: Изд-во РОУ, 1993. С. 18.

¹⁴³ Там же. С. 20.

счете, фактически есть упорядоченное представление страны – он как бы являет страну; изначальная «виртуальность» образа становится самой реальностью.

В рамках традиционного научно-географического страноведения изучение и формирование образа страны имеет четко обозначенную «ячейку», однако сам этот образ представляет собой лишь дополнительную «упаковку» для обстоятельной физико-, экономико– и социально-географической характеристики страны. В этой методологической ситуации актуализация и, в определенном смысле, централизация образа страны возможна прежде всего посредством наработки геокультурных образов страны, естественно аккумулирующих большинство ярких черт, особенностей, «изюминок» конкретной страны.

1.3.4. Методологический поворот в теоретико-географических исследованиях в 1960—1980-х гг

Очень важным в этой связи был своего рода методологический поворот в теоретико-географических исследованиях в 1960—1980-х гг. Суть его заключалась в переносе основного методологического научно-исследовательского интереса с собственно про-

странственных закономерностей развития какого-либо явления на закономерности развития самого географического пространства и, как следствие, на особенности трансформации представлений о географическом пространстве¹⁴⁴. Здесь, пожалуй, впервые в истории географической науки, пространство географической мысли стало интенсивно взаимодействовать с мыслью о географическом пространстве. Понятие географического образа оказалось на пересече-

¹⁴⁴ См.: *Каганский В. Л.* Методологические проблемы районирования и его отношение к концепциям геопространства // Исследование методологических проблем географии в Эстонской ССР. Таллин, 1987. С. 89–95; *Каганский В. Л.* Мир географических открытий и мир современной географии // Исследовательские программы в современной науке. Новосибирск: Наука, 1987. С. 186–203; *Костинский Г. Д.* Установки сознания и представления о различных традициях в географии // Известия АН СССР. Серия географическая. 1990. № 5. С. 123–129; *Он же.* Идея пространственности в географии // Там же. 1992. № 6. С. 31–40; *Он же.* Географическая матрица пространственности // Известия РАН. Серия географическая. 1997. № 5. С. 16–31; *Родоман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999; *Верлен Б.* Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 25–46; *Tuan Yi-Fu.* Space and place: The perspective of experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977; *Raitz Karl B.* Place, Space and Environment in America's Leisure Landscapes // Journal of Cultural Geography. 8 (Fall – Winter 1987). P. 49–62; *Sack R. D.* The Consumer's World: Place as Context // Annals of the Association of American Geographers. 1988. 78. P. 642–664; *Cosgrove D. E.* Models, descriptions and imagination in geography // Remodelling geography / Ed. by B. MacMillan. Oxford: Blackwell, 1989. P. 230–244.

нии этих двух ментальных пространств¹⁴⁵ и, фактически, стало средством значительной экономии самой географической мысли.

Один из наиболее мощных географических образов, обеспечивающих экономию теоретико-географической мысли – это образ границы. Значительная часть анализируемых теоретико-географических явлений рассматривается сквозь пограничную «призму»: например, особо выделяемая лимогенная районизация, образование квазиграниц, а типологически важное понятие узлового района рассматривается как частный случай транзитной системы¹⁴⁶. Образ границы фактически разрастается и становится эффективным средством характеристики пространственного саморазвития – например, при описании эксцентричной районизации¹⁴⁷. Географическое пространство самоопределяется пограничными процессами, границы и их образы структурируют фундаментальные общественные представления.

Фактором, облегчившим отмеченный нами методологический поворот, был перенос традиционных хоро-

¹⁴⁵ См.: *Fauconnier G. Espaces mentaux: Aspects de la construction du sens dans les langues naturelles*. Paris: Minuit, 1984. Ср. трактовки ментального пространства в рамках постюнгианской глубинной психологии: *Резник С. Ментальное пространство*. Киев: УАП-МИГП, 2004.

¹⁴⁶ *Родоман Б. Б.* Указ. соч. С. 27, 34, 112.

¹⁴⁷ Там же. С. 154–155.

шо разработанных географических методик на новое исследовательское поле и их сравнительно эффективная последующая адаптация при изучении структур и динамики различных модификаций географических образов. Так, методики, разработанные в рамках модели «центр – периферия»¹⁴⁸, оказались вполне применимыми при анализе образно-географических систем и анализе функциональной структуры географического образа (соотношение ядра и различных оболочек образа).

Наряду с этим, теоретическая география базируется на плодотворном переносе и новом осмыслении категорий и понятий естественных наук – прежде всего геометрии и физики. Обособившись постепенно от этих наук, география на новом витке развития, уже в «своих» интересах, использует их последние достижения. Закономерности развития территории детально исследуются ученым посредством геометрических и физических представлений – это пульсация территориальных структур, анизотропия транспортной среды, процессы поляризации и концепция по-

¹⁴⁸ *Wallerstain J.* The politic of world-economy. Paris: Maison de Sci. de l'Homme, 1984; *Валлерстайн И.* Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2000 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–43; *Он же.* После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003; *Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И.* Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991.

ляризованной биосферы¹⁴⁹. В результате географические образы, формируемые на стыке наук, отличаются как формализованной мощью, так и очевидной содержательной глубиной (проектирование зонно-волнового процесса и осебежная зонно-волновая экспансия, проксимальные и дистальные ограничения при расчленении и деформации узловых районов, картина эксцентричного излучения, циклы эволюции моноцентрических транспортных сетей и фасцикуляция путей¹⁵⁰. Географическое пространство превращается в диверсифицированную и открытую образно-географическую систему (системы), способную к концептуальному и прикладному саморазвитию.

С методологической точки зрения исследования географических образов стали развиваться во многом за счет кумулятивного эффекта, рационального использования наиболее прочных и устойчивых географических закономерностей и научных традиций классической географии. В то же время исследования географических образов, начатые в смежных и пограничных областях научного знания, (например, политическое пространство, федерализм и т. д.)¹⁵¹ ока-

¹⁴⁹ Родоман Б. Б. Указ. соч.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ *Замятина Н. Ю.* Модели политического пространства // Полис (Политические исследования). 1999. № 4. С. 29–41; *Замятин Д. Н.,* *Замяти-*

записались сравнительно эффективными. Здесь, на наш взгляд, понятие географического образа обеспечило успешную методологическую трансляцию наиболее важных теоретических достижений классической географии вовне (как в концептуальном, так и в прикладном отношении) и затем их необходимую методологическую трансформацию и/или модернизацию. Понятие географического образа стало в методологическом плане гетерогенной структурой, способствующей формированию целенаправленных исследовательских систем с высокими уровнями эмерджентности (эмерджентного эффекта).

Сознательно сконструированные в теоретическом плане географические образы могут быть нацелены на решение множества прикладных задач: так, речь может идти о динамическом проектировании применительно к пространству, о строительстве универсальных узловых районов и о зонировании территориального конвейера¹⁵². Естественно, что успешное решение этих задач опирается на специфические, профессиональные представления географа (своеобразная профессиональная «кухня») – например, о районах как скрытых территориальных структурах,

на Н. Ю. Пространство российского федерализма // Политические исследования. 2000. № 5. С. 98—110.

¹⁵² Родоман Б. Б. Указ. соч. С. 64, 131, 103.

о пространстве «истинных расстояний» и о процессах позиционной редукции. За внешне хаотичными процессами пространственной самоорганизации стоят продуманные географические образы – будь то иерархические линейные ритмы дорог, степени пространственного «прикрепления» объектов к центрам или радиально-концентрическая планировка как самоусиливающаяся система (там же). Выявляемые в реальном пространстве географические образы, в свою очередь, трансформируясь, становятся важным и действенным фактором пространственной динамики.

1.4. Исследования образов географического пространства в естественных науках

Математика (особенно геометрия и топология), физика, физическая география, психология – естественные науки, дающие явные основания для изучения географического пространства и его образов. Однако здесь будут рассмотрены в основном междисциплинарные, пограничные теории и концепции, чье позиционирование позволяет четко выявить наиболее интересные с образно-географической точки зрения современные естественнонаучные положения. Характерно, что «возмутителями спокойствия» и «локомотивами» в данном случае выступают синергетика и теория фракталов, а также нетрадиционное почвоведение. Психология, традиционно изучавшая пространственные представления, достигла наибольших результатов как раз на границах с другими когнитивными науками, а также на стыке с синергетикой.

Для более глубокого понимания закономерностей формирования образов географического пространства большую ценность представляют *исследования сенсорных систем* в рамках естественнонаучного

знания. Изучение структур пространственного зрения¹⁵³, закономерностей восприятия пространства в психофизиологии и физиологии движения¹⁵⁴ позволяет, с помощью аналогий, понять специфику процессов, способствующих формированию образов географического пространства. Главное в этом – обнаружение механизмов перехода от статичных к динамичным образам и механизмов сосуществования различных образов в панорамном зрении.

Теория фракталов и образы географического пространства. Основатель теории фракталов, известный американский математик Б. Мандельброт, развивал и развивает положения этой междисциплинарной теории на многих примерах, взятых, в том числе из традиционной физической географии и картографии. Земная природа является для него одним из наиболее эффективных научных полигонов¹⁵⁵.

Поскольку теория фракталов имеет непосредственное отношение к разделу классической математики – топологии, то в ходе развития прикладной ба-

¹⁵³ Бондарко В. М., Данилова М. В., Красильников Н. Н., Леушина Л. И., Невская А. А., Шелепин Ю. Е. Пространственное зрение. СПб.: Наука, 1999.

¹⁵⁴ Леонов Ю. П. Цветовое пространство горизонтальных клеток сетчатки // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2.

¹⁵⁵ Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М.: Институт компьютерных исследований, 2002.

зы теории фракталов происходит вполне естественный переход от условного и абстрактного математического пространства к вполне реальному географическому пространству. Однако сам этот переход показывает, что представление о пространстве, тем более фрактальном пространстве, изначально образно. Когда Мандельброт начинает разбирать примеры, связанные с измерением различных географических границ, то выясняется, что фрактальный подход ведет в итоге к созданию многомерных образов самих географических границ. Выясняется, что сухопутные границы различных стран между собой могут иметь различную протяженность – в зависимости от того, с какой стороны границы проводились измерения¹⁵⁶. Хотя первоначально фрактал рассматривался как самоподобная и бесконечно самоорганизующаяся структура, впоследствии сам автор теории фракталов пришел к новому альтернативному определению фрактала как «множества, *емкостная размерность которого больше его топологической размерности*»¹⁵⁷.

Интерпретируя это высказывание с образно-географической точки зрения, можно сказать, что всякое географическое пространство задает заранее гораздо большее потенциальное количество возмож-

¹⁵⁶ Там же. С. 57–58.

¹⁵⁷ Там же. С. 530.

ных на его базе географических образов, нежели любое физически возможное измерение площади данного пространства. Иначе говоря, культура, фактически порождающая само понятие географического пространства, обеспечивает пространственную (а реально – образную) бесконечность представления пространства. По сути, речь здесь идет об образе-архетипе географического пространства, причем, по-видимому, и само понятие образа может наиболее эффективно трактоваться как пространственное.

Возможность подобной образно-географической интерпретации теории фракталов в приложении к явлениям живой и неживой природы основана на так называемом условном космографическом принципе, в котором утверждается, что перемещение начала координат какого-либо процесса ведет к его возобновлению на независимых началах, «все промежуточные остановки обладают абсолютно равными правами на звание Центра Мироздания»¹⁵⁸. Именно соблюдение условного космографического принципа позволяет ввести при изучении фрактальной геометрии природы понятие броуновского (т. е. вероятностного) рельефа, и успешно моделировать настоящий земной рельеф, картографические очертания древних и современных островов и континентов, а также созда-

¹⁵⁸ Там же. С. 412.

вать модели идеальных ландшафтов¹⁵⁹. Суть дела в том, что увеличение размерности в таком фрактальном моделировании приводит не только к увеличению сложности рисунка, но и к появлению необратимых изменений в общей, фиксируемой научными измерениями и наблюдениями конфигурации моделируемого физико-географического объекта. Следовательно, можно вполне весомо говорить о том, что классическая физическая география и картография имеют мощные социокультурные корни, ими, однако, не вполне осознаваемые. Образы географического пространства, разрабатывавшиеся в этих науках в течение тысячелетий, основаны на специфических правилах измерений и особой размерности. Переход к неевклидовым геометриям и сферическим поверхностям в рамках теории фракталов показал относительность этих традиционных образов. В то же время стало ясно, что эти традиционные образы географического пространства занимают свое определенное место в фактически бесконечном пространстве представлений географического пространства – в рамках уже провозглашенного условного космографического принципа.

Физическая география и картография. В сфере физико-географических исследований, важных для

¹⁵⁹ Там же. С. 371–386.

понимания особенностей изучения образа в гуманитарной географии, выделяется геоморфология, в рамках которой разработаны наиболее детальные и содержательные процедуры дистанцирования от предмета самого исследования; значительная часть концептуальных моделей в геоморфологии, как классических, так и современных, по сути, является образно-географической¹⁶⁰. Поэтому дальнейшее методологическое и теоретическое развитие образно-географических исследований во многом может вестись путем прямого переноса ряда геоморфологических моделей на новые предметы изучения и их последующей адаптации. Главная задача здесь – разработка адекватных процедур интерпретации получаемых при этом результатов.

Например, весьма важный для исследования географических образов инструментарий может представить одно из наиболее важных научных направлений геоморфологии – морфометрия. Узловые части этого направления – морфометрический анализ, анализ формы элементов рельефа, проблемы геометризации рельефа, цели и стратегия морфо-метрическо-

¹⁶⁰ Дэвис В. М. Географический цикл // Географические очерки. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 7—25; Щукин И. С. Общая геоморфология. М., 1960; Симонов Ю. Г. Морфометрический анализ рельефа. М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998.

го анализа, построение морфометрических карт¹⁶¹ – могут быть крайне продуктивным средством исследования при параметризации географических образов.

В то же время использование базовых понятий геоморфологии – таких, например, как географический цикл, пенеплен и пенепленизация, денудация и абляция – позволяет наглядно представить процессы пространственного развития культурных и политических процессов, эффективно интерпретировать сюжетные и языковые особенности художественных произведений. Следует отметить, что в основе подобного переноса понятий из одной научной области в другую с целью их образного использования лежит фундаментальная аналогия между земным (географическим) рельефом и рельефом культуры (или ее конфигурацией). Между тем, если согласиться, что образ появляется, очерчивается и маркируется в процессе отдаления или дистанцирования условного исследователя или наблюдателя от предмета его наблюдения (будь то холм, склон, речная долина, бытовые традиции какого-либо народа, локальный фольклор, массовые представления в конкретном регионе), то здесь проявляется коренное феноменологическое единство гуманитарных и естественных наук. Собственно говоря, фиксируемый, извлекаемый

¹⁶¹ *Симонов Ю. Г. Указ. соч.*

или конструируемый в определенной эпистемологической ситуации образ и есть та самая культурная дистанция, позволяющая исследователю или наблюдателю маркировать и тем самым закреплять в культуре изучаемый объект или предмет. Особая эффективность в данном случае именно геоморфологических понятий связана как раз с естественностью и легкостью аналогического перехода от, по существу, образных исследований земной поверхности к образно-географическому изучению поверхности (конфигурации, рельефа) культуры.

Недокучаевское почвоведение и образы рельефа. Неожиданный импульс для образного восприятия рельефа и развития образно-географического мышления был получен от концепции пластики рельефа, интенсивно развивавшейся с 1970-х гг. Пущинской школой почвоведов. Группа ученых, возглавляемых И. Н. Степановым, разработала междисциплинарную теорию на стыке почвоведения, геоморфологии и картографии¹⁶².

Суть предлагаемой теории в том, что почва рассматривается не как инертное природное тело в за-

¹⁶² См.: Геометрия структур земной поверхности. Пущино: ПНЦ РАН, 1991; Симметрия почвенно-геологического пространства: Сб. науч. тр. Пущино: ПНЦ РАН, 1996; *Степанов И. Н.* Пространство и время в науке о почвах. Недокучаевское почвоведение. М.: Наука, 2003 и др.

ранее данных координатах, а как динамический пространственный поток, картографирование которого позволяет обнаружить важнейшие закономерности развития почвенного покрова Земли. С этой целью используются математические алгоритмы, позволяющие преобразовать горизонталы традиционных топографических карт в выделяемые цветом или штриховкой выпуклости и вогнутости земного рельефа. С этими элементами географического пространства, разграничиваемыми т. н. морфоизографой (линией нулевой кривизны) связаны определенные типы почв. В теории используются синергетические построения (понятия репеллера, аттрактора и точки бифуркации), а также, в качестве обоснования – теория фракталов.

Один из основных авторов концепции пластики рельефа, И. Н. Степанов, утверждает, что «метод пластики имеет дело с математическими образами почв и рельефа, а не с реальными»¹⁶³. Он утверждает, что не-докучаевское почвоведение (т. е. отличающееся от классической концепции отечественного почвоведения В. В. Докучаева) имеет дело исключительно с относительным, а не абсолютным пространством¹⁶⁴. Фундаментом концепции пластики является понятие образа (геометрического, или картографиче-

¹⁶³ Степанов И. Н. Пространство и время в науке о почвах... С. 36.

¹⁶⁴ Там же. С. 37.

ского), например: «Картографическим образом является «выпуклость», названная физическим термином «поток», подтверждающим, что «выпуклость» – результат прошлого, настоящего и будущего движения органно-минеральных масс по обозначенной в прошлом траектории»¹⁶⁵, немного дальше также говорится об образе тела-потока. Благодаря карте пластики возникает целостное изображение земной поверхности, обзорность такой карты есть «результат мгновенного охвата территории одним изображением – инсайтом»¹⁶⁶.

Действительно, концепция пластики рельефа позволила впервые осознать кривизну земного пространства не через обилие рельефных и ландшафтных терминов и названий, а посредством немногих (фактически – двух-трех) образов. Эти образы (поток, вогнутость, выпуклость) передают динамику географического пространства, а по сути, замещают его, эффективно репрезентируя его. Немаловажно также, что карты пластики рельефа обеспечивают многочисленные почвенные, геоморфологические и картографические интерпретации с выходом на прикладные прогнозы (сельскохозяйственная мелиорация, гидрогеология, поиск полезных ископаемых).

¹⁶⁵ Там же. С. 49.

¹⁶⁶ Там же. С. 50.

Образно-географический смысл концепции пластики рельефа заключается в формировании в рамках естественных наук парадигмы относительности географического пространства, основанной на зрительном, визуальном образном эффекте. Один из авторов концепции фактически говорит о картографическом и ландшафтном гештальте, при этом разные ориентации и взгляды на одну и ту же карту могут порождать разные интерпретации¹⁶⁷. Речь в данном случае идет о целом дереве образов, причем всякое пересаживание точки зрения на «новую ветку» ведет к новой пространственной картине изучаемого процесса и изменении конфигурации самого образного дерева рельефа.

«Дифференциальное движение геометрических образов» (выражение И. Н. Степанова)¹⁶⁸ означает не что иное, как продуктивное осмысление естественной кривизны географического пространства в рамках евроцентристских социокультурных установок, ориентированных на примат геометрического построения видимого мира, начиная со времен Древней Греции. В рассматриваемую нами концепцию вводится даже понятие «приобретенной памяти» почвенного потока¹⁶⁹,

¹⁶⁷ Там же. С. 89.

¹⁶⁸ Там же. С. 102.

¹⁶⁹ Там же. С. 115.

что является очевидным аналогом понятия культурной памяти, в том числе культурной памяти ландшафта как такового. Природно-географическое пространство здесь становится тотально антропологическим, или культурно-географическим; культура опять-таки феноменологически «поглощает» рассматривавшиеся первоначально изолированно природные явления. При этом образы пространства, пространственные образы оказываются наиболее емкими для самой культурологической стратификации, каковой является и любая классическая научная концепция.

В *картографии* развитие образно-географических исследований прямо связано с изучением семиотики и семантики географических карт и картографических моделей¹⁷⁰. Перспективные «точки роста» возможны здесь также в рамках структурного образно-географи-

¹⁷⁰ *Лютый А. А.* Язык карты: сущность, система, функции. М.: ИГ РАН, 2002; *Крутько В. Н.* Семантические модели и проблема представления географической информации // Вопросы географии. Сб. 127. М.: Мысль, 1986. С. 17–22; *Тикунов В. С.* Моделирование в картографии. М.: Изд-во МГУ, 1997; Книжников Ю. Ф. Зрительный образ местности как геоизображение // Вестник МГУ. Сер. 5. 1999. № 1. С. 31–35; *Hammer M.* Putting Ireland on the Map // *Textual Practice*. 1989. 3. P. 184–201; *Randviir A.* Sign as an object of social semiotics: evolution of cartographic semiosis // *Sign System Studies* (Труды по знаковым системам). Vol. 26. Tartu: Tartu University Press, 1998. P. 392–416; *O Cadhla S.* Mapping a Discourse: Irish Gnosis and the Ordnance Survey 1824–1841 // *Culture, Space and Representation. A special issue of the Irish Journal of Anthropology*. 1999. Vol. 4. P. 84–110 и др.

ческого анализа и интерпретации самих карт, как профессиональных, так и любительских, а также на пересечении семантических и герменевтических исследований географической карты.

Сравнительно новой для традиционной картографии является тема виртуальных геоизображений¹⁷¹, которая, вполне очевидно, связана с проблемой репрезентации географических образов. В рамках этого направления по-иному анализируются понятие географической карты и ее атрибуты; рассматриваются сам процесс виртуального моделирования, его язык и особенности применяемых технологий. Видео- и аудио-переменные позволяют создавать виртуальные глобусы и новые учебные пособия. Перспективы использования виртуальных геоизображений связаны с развитием геоиконики и киберкартографирования. Такие исследования ценны для понимания механизмов трансформации географических образов, а также в контексте расширения возможностей их репрезентации и интерпретации¹⁷².

В *психологии* ощутимый специальный интерес к

¹⁷¹ Берлянт А. М. Виртуальные геоизображения. М.: Научный мир, 2001.

¹⁷² См., например: Перфильев Ю. Ю. Кибергеография: виртуальное пространство как объект географических исследований // Известия РАН. Серия географическая. 2003. № 3. С. 103–111.

изучению образов географического пространства возник первоначально в 1910—1920-х гг., в рамках быстро развивавшейся гештальт-психологии. Затем, начиная с 1930-х гг., эти образы стали также интенсивно исследоваться в работах, придерживавшихся концепции бихевиоризма (прежде всего ментальные карты), и довольно сильно повлиявших на становление поведенческой географии¹⁷³. В 1960-х гг. психологические исследования образов географического пространства стали, по сути, междисциплинарными – на стыке с языкознанием и филологией, теорией искусственного интеллекта¹⁷⁴. Благодаря этому процессу началось развитие новой научной области – когнитивной психологии¹⁷⁵, а затем и когнитивной науки (науки о закономерностях познания)¹⁷⁶, в которой зна-

¹⁷³ Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Изд-во «Питер», 2000. С. 78—117; Kitchin R. M. Increasing the integrity of cognitive mapping research: appraising conceptual schemata of environment-behavior interaction // Progress in Human Geography. 1996. Vol. 20. № 1. P. 56—84.

¹⁷⁴ Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979; Кандрашина Е. Ю., Литвинцева Л. В., Поспелов Д. А. Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах. М.: Наука; Гл. ред. физ. – мат. лит., 1989; Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи в Ригведе. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999 и др.

¹⁷⁵ Солсо Р. Л. Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996.

¹⁷⁶ Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. Краткий словарь когнитивных терми-

чительное место заняли исследования ментальных и ментально-географических пространств. Становление когнитивной науки, в свою очередь, способствовало (наряду с внутренними причинами развития) появлению в 1990-х гг. новой географической дисциплины – *когнитивной географии*.

Благоприятная эпистемологическая ситуация для междисциплинарного изучения образов географического пространства складывается в настоящее время на стыке *когнитивной психологии и синергетики*¹⁷⁷. Очевидно, что синергетика, как динамично развивающаяся молодая научная область имеет множество перспективных приложений в соседних науках. Наиболее интересное здесь, с нашей точки зрения – синергетический анализ сознания и моделирование когнитивных процессов.

В сфере синергетического анализа сознания исследования хаотического и странно-аттракторного¹⁷⁸ позволяют, по аналогии, представить географическое

нов. М.: Филолог. факультет МГУ, 1996; Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. С. 93—102, 116–140, 211–311.

¹⁷⁷ См.: Синергетика и психология: Тексты: Выпуск 3: Когнитивные процессы I Под ред. В. И. Аршинова, И. Н. Трофимовой, В. М. Шендяпина. М.: Когито-Центр, 2004.

¹⁷⁸ Комбс А. Сознание: хаотическое и странно-аттракторное II Там же. С. 49–61.

пространство как систему, ориентированную на порождение так называемых хаотических аттракторов, которые не фиксированы и не могут быть предсказаны точно¹⁷⁹. Исходя из этого, возможно представление образов географического пространства как континуума, автономного от конкретных, жестко фиксируемых географических объектов (здание, холм, церковь, пристань, город и т. п.). Формируется своего рода процессуальная ткань, определенный ментально-географический «туман», позволяющий в какой-либо момент времени вычленять из него необходимые для пространственного анализа структуры – образы¹⁸⁰. При этом выделяемые образы географического пространства будут всякий раз ориентированы в своем развитии на некий фундаментальный образ-архетип, играющий роль хаотического аттрактора, поскольку значимость и влияние подобного образа-архетипа могут сильно изменяться и колебаться.

Другой важный для образно-географического исследования аспект синергетического анализа сознания – это синергия динамики тела и восприятия мира¹⁸¹. Опыт синергетико-психологического изучения

¹⁷⁹ Там же. С. 52. Автор проводит аналогию с состоянием погоды.

¹⁸⁰ Ср.: Там же. С. 53.

¹⁸¹ *Трофимова И. Н.* Синергия динамики тела и восприятие мира II Там же. С. 61–82.

телесности показывает, что конечные образы мира, формируемые динамикой тела, всегда вероятностны и представляются в понятиях количества неопределенности, меняющейся в процессе категоризации¹⁸². Хотя на конфигурацию этих образов накладываются серьезные ограничения социокультурные и физические навыки и стратегии, тем не менее, тело обладает очевидной образной автономией, в том числе, и образно-географической. Это означает, что образы географического пространства порождаются специфическими телесными практиками в рамках определенных социокультурных норм и установок. Такие телесные практики (например, туристический поход, экскурсия, обычный маршрут на работу и обратно и т. д.) формируют опять-таки лишь некий образно-пространственный «бульон» или «варево». Однако, происходящие время от времени неожиданные события, или точки бифуркации (например, случайное изменение рабочего маршрута, решение об изменении района туристического похода, незапланированная остановка вагона метро в подземном тоннеле посреди перегона между станциями и т. д.) актуализируют только некоторые образы из уже заготовленного «бульона», при этом последующие телесные практики нуждаются уже в новом образном «вареве» – таком же веро-

¹⁸² Там же. С. 77.

ятностном и неопределенном.

Моделирование когнитивных процессов является междисциплинарной областью научного знания, в которой взаимодействие синергетики и когнитивной психологии дает, наш взгляд, наиболее интересные результаты для их образно-географической интерпретации. Речь здесь может уже идти не только о плодотворных научных аналогиях или же опосредованном выходе на интересующие нас проблемы. Дело в том, что именно в указанной области синергетико-географическое изучение когнитивных карт, проведенное одним из основателей синергетики Г. Хакеном и израильским географом Дж. Португали¹⁸³, позволяет напрямую использовать выводы авторов на образно-географическом материале.

Преобразования в когнитивных картах между вербальными и визуальными представлениями, а также коллективные когнитивные процессы, связанные с когнитивными картами городов эффективно исследуются с помощью синергетических подходов. Для это-

¹⁸³ *Хакен Г., Португали Дж.* Синергетика, междуровневые нейронные сети и когнитивные карты II Там же. С. 129–155. См. также: *Portugali J.* Social syn-ergetics, cognitive maps and environmental recognition II *Synergetics on Cognition I* Eds. Haken H., Stadler M. Berlin: Springer, 1990. P. 379–392; *Portugali J., Haken H.* Synergetics and cognitive maps II *Geography, Environment and Cognition* (J. Portugali ed.), a special theme issue *Geoforum*. 1992. 23 (2). P. 111–130.

го вводится понятие интеррепрезентационных сетей, призванное отразить не только процессы формирования внутреннего мира индивидуума, но и процессы взаимодействия внутреннего и внешнего миров¹⁸⁴. С точки зрения синергетики, «В когнитивных картах цель состоит в том, чтобы создать первоначально неизвестный образ/карту из неполного набора особенностей некоторого окружения»¹⁸⁵.

Очень важно при этом, что когнитивная карта рассматривается и как представление внешней среды, продукт совместной деятельности культурных, социальных и политических процессов. «...очень вероятно, – пишут авторы, – что индивидуум создает когнитивную карту не только на основе борьбы внутренних параметров порядка данного набора деталей окружения, а уже будучи подчиненным одному или нескольким из этих параметров, или более глобальным представлениям»¹⁸⁶. Иначе говоря, возникающие и взаимодействующие между собой образы географического пространства, фиксируемые той или иной когнитивной картой, заранее могут быть вписаны в различные масштабные или глобальные культурные, соци-

¹⁸⁴ Хакен Г., Португали Дж. Синергетика, межуровневые нейронные сети и когнитивные карты... С. 130.

¹⁸⁵ Там же. С. 133.

¹⁸⁶ Там же. С. 134.

альные или политические контексты. Например, бывший храм святой Софии в Стамбуле, превращенный в мечеть, может восприниматься туристом из России или православным священнослужителем как главный символ или образ православного мира, или восточно-христианской ойкумены – отсюда его повышенная значимость на соответствующей когнитивной карте Стамбула. В случае, например, западного туриста, этот храм может быть выделен на его когнитивной карте лишь как одна из множества достопримечательностей города на Босфоре.

Серьезное значение для исследования образов географического пространства имеет синергетический анализ динамики формирования когнитивной карты. Как показывает опыт, возможно сосуществование различных когнитивных карт одной местности, принадлежащих разным авторам. Устойчивое состояние когнитивной карты «достигается не обязательно тогда, когда когнитивная карта соответствует точной географической карте местности, но когда она дает возможность человеку выживать и функционировать в данной специфической среде»¹⁸⁷. В то же время возможно сосуществование и некоторое взаимодействие между разными когнитивными картами одной местности одного и того же автора, созданными в разных

¹⁸⁷ Там же. С. 144.

социокультурных условиях и жизненных обстоятельствах. Например, здание, где работает автор когнитивной карты, может иметь различное положение и значимость в зависимости от того, как он добирается туда (пешком, в метро, на автомобиле, на вертолете), а также от того, как меняется, скажем, его профессиональный и социокультурный статус (он становится начальником или по-прежнему остается мелким чиновником, или интервью с ним публикуется в газете, и т. д.). Как отмечают Г. Хакен и Дж. Португали, «когнитивные карты являются... по своей природе многомодальными объектами»¹⁸⁸.

В конце концов, любой город, местность, культурный ландшафт может рассматриваться в рамках синергетико-психологической перспективы как хранилище потенциальных образов/карт¹⁸⁹, актуализируемых по мере потребности теми или иными людьми, коллективами и социальными группами. При этом, однако, само «хранилище» не остается статичным, поскольку социальное общение и взаимодействие ведет к его постоянному пополнению, обновлению; могут меняться и условные формы такого хранилища, и способы репрезентации извлекаемых образов (развитие телекоммуникационной техники и визуальных

¹⁸⁸ Там же. С. 145.

¹⁸⁹ Там же. С. 152.

способов передачи информации). Метафора хранилища может обретать здесь «плоть и кровь».

1.5. Географические образы в культуре

1.5.1. Генезис образно-географического видения мира

Генезис образно-географического видения мира связан со становлением синкретического сплава поэзии и мифа. Поэтико-мифологическое видение мира на ранних стадиях развития человеческих сообществ сочетает в себе два взгляда на земное пространство. Первый взгляд – измерительно-топографический, или геометрический. Практически любая космогония содержит ряд топографических или геометрических указаний, параметризующих ее в рамках крохотных по современным меркам ойкумен. Второй взгляд – хорологический, когда космогонические представления завязаны на «небесную» точку зрения, а координаты привычного мира отсчитываются по вертикальной умозрительной шкале. Ранние мифологические конструкции и построения содержат оба взгляда, причем они могут сильно противоречить друг другу. Так, в «Теогонии» Гесиода «...тартар описывается в си-

стеме отсчета, противоположно направленной относительно вектора системы, в которой описываются прочие мировые стихии»¹⁹⁰. В эпической традиции архаических обществ хорологический взгляд может подавлять измерительно-топографический, что ведет к сочетанию семантически несочетаемых лексем¹⁹¹. На метапространственном уровне в космогонических представлениях происходит отождествление микро- и макрообразов земного пространства. Эти образы нельзя назвать географическими с точки зрения географии эпохи Модерна, поскольку земное пространство в данном случае и есть весь мир, космос¹⁹². Однако подобная ситуация близка Постмодерну, ибо учитывает возможность разных географий – «космической», «мифической» и т. д.¹⁹³.

В древнегреческом полисе космос обретает географические черты. Географическое пространство полиса однородно. Политическое пространство полиса

¹⁹⁰ Шиловский Д. П. Исчисление пространства в архаическом космогоническом тексте: к интерпретации стихов 736–738 «Теогонии» Гесиода II Вестник МГУ Серия 9. Филология. 1998. № 6. С. 99.

¹⁹¹ Там же. С. 99–100. См. также: Урысон Е. В. Языковая картина мира и лексические заимствования (лексемы *округа* и *район*) II Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 79–83.

¹⁹² См.: Вернан Ж. – П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Мысль, 1988. С. 140, 142–143.

¹⁹³ Благодарю за это замечание М. В. Ильина.

имманентно его географическому пространству. Полис – это однородный, строго центрированный мир, в котором политические кругообороты (переход власти от одной группы граждан к другой) четко соотнесены с отдельными частями территории полиса. Космос античного полиса максимально упорядочен, образ полиса максимально географичен¹⁹⁴. «Режим полиса предстает перед нами соотнесенным с новой концепцией пространства; институты полиса представляют собой проекцию и воплощение того, что можно назвать «политическим пространством»¹⁹⁵. Однако политическое пространство полиса геометрично, оно уравнивающее и симметричное, без какой-либо иерархии. Геометрия еще тождественна географии, и геометрия политического пространства проецируется на пространство физическое (представления милетцев Анаксимандра и Гекатея). Политико-геометрические образы становятся здесь физико-геометрическими. Географическое пространство максимально центрировано, реальные контуры суши и моря не играют большой роли; Азия симметрична и равновелика Европе¹⁹⁶. Мир есть геометрический образ, а его развитие есть концентрическое расширение.

¹⁹⁴ Там же. С. 121–125, особенно с. 132.

¹⁹⁵ Там же. С. 150.

¹⁹⁶ Там же. С. 152–155.

В древнегреческом полисе политическое пространство сосуществует с пространством сакральным. Они отделены друг от друга, Агора противостоит Акрополю¹⁹⁷. Общность этих пространств в наличии Центра, из которого происходит их структурирование. Архаичная модель мира предполагает, что земной мир лишь слепок, сколок мира божественного, потустороннего¹⁹⁸, отсюда его геометрическая (географическая) размытость, неясность. В отличие от этой модели, античная модель мира деонтологизирует земное пространство, расщепляя его на равномерно множасьщиеся образы¹⁹⁹. Сущность деонтологизации земно-

¹⁹⁷ Там же. С. 151–152.

¹⁹⁸ *Элиаде М.* Космос и история. М.: Прогресс, 1987. С. 168. См. также: *Топоров В. Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) II Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М.: Наука, 1982. С. 8—41; *Он же.* Древо мировое II Мифы народов мира. Т. 1. М.: Сов. Энциклопедия, 1987. С. 398–406; *Евсюков В. В.* Мифы о Вселенной. Новосибирск: Наука, 1988; *Tuan Y.* Sacred space: explorations of an idea II Butzer K. (ed.) Di-mensions of human geography: essays on some familiar and neglected themes. Chicago, 1978. P. 84–99. Ср.: *Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманстве. М.: Наука, 1984; *Скрынникова Т. Д.* Символическое сакральное пространство бурятского фольклора II Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. Вып. 2. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 59–90; *Содномпилова М. В.* Природные и культурные ориентиры жизненного пространства кочевников Центральной Азии II Там же. С. 112–128.

¹⁹⁹ См. в связи с этим: *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 22–24.

го пространства состоит в феноменологизации пространственных отношений, осознании уникальности (географичности) физических расстояний и проницаемости, преодолимости пространства как физического (метафизического) феномена. Земное пространство как бы осознает себя. Политико-географические образы, продуцируемые древнегреческим полисом, используют сакральные представления о пространстве. Античная мифология «ложится» на политическую географию античного полиса, создавая удивительный эффект композитных, гибридных географических образов²⁰⁰. Сакральное пространство предельно политизируется, при этом представления о том, что «наш мир» всегда в центре», а реальное пространство раскрывается через священное²⁰¹, сохраняются и используются.

Средневековье практически сохранило (правда, в усеченном виде) античные представления о пространстве, уступая античности в течение нескольких веков в содержательности его трактовок²⁰². По мере

²⁰⁰ См.: *Торшилов О. Д.* Античная мифография: миф и единство действия. СПб.: Алетейя, 1999. С. 70–90 (Хорографическая мифография).

²⁰¹ *Элиаде М.* Священное и мирское. С. 34–35, 46.

²⁰² См.: *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Мысль, 1972; *Райт Дж. К.* Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой традиции в Западной Европе. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1988; *Мельникова Е. А.* Древне-

развития географических знаний в эпоху средневековья геомифологические (библейские по происхождению) образы все более отодвигались на края представляемого физико-географического пространства, но это не меняло теоцентристского взгляда на мир. Библейские генеалогии тех или иных народов приспособляли реальное пространство под условные мифологические траектории их развития²⁰³, причем они могли успешно функционировать даже на этапе раннего Модерна. Средневековье мыслило мелкими прерывными интервалами и практически не связанными локусами в рамках реальных путешествий²⁰⁴, и эти мозаичные топо-образы проецировались и встраивались в сакрально-пространственную картину мира. Между ними был явный разрыв.

В эпоху раннего Возрождения происходят карди-

скандинавские географические сочинения (текст, перевод, комментарий). М.: Наука, 1986; *Она же*. Образ мира. Географические представления в средневековой Европе. М.: Янус-К, 1998; *Плигузов А. И.* Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвилль: Археографический Центр, 1993 и др.

²⁰³ См., например: *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб.: «Центр Петербургское Востоковедение», 1996; *Он же.*, Этническая имагология II Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 8–9. СПб.: Наука, 1999. С. 13–18.

²⁰⁴ *Гуревич А. Я.* Указ. соч. С. 79–80; *Мельникова Е. А.* Образ мира. С. 12–14.

нальные изменения в понимании земного пространства. Пространство секуляризуется, постепенно исчезают непространственные версии (сакральные по преимуществу) в интерпретации пространства²⁰⁵. Возрождение предложило иную точку зрения на пространство – создание каузальных образов пространства, упорядоченный ряд каузальных представлений непрерывно перемещающегося тела²⁰⁶. Пространство стало непрерывным и повсеместно открытым для обзора. Произошел принципиальный переворот: географическое пространство и его осмысление стали «свободными» – свободными от тотальных (политических, сакральных) взглядов на мировое развитие. Впервые становится возможным становление множественных географических образов мира, в структуре которых заложено понимание мира как непрерывного пространственного развития. Каковы последствия подобного понимания мира?

Происходит своего рода «приватизация» мест и расстояний; путешествия воспринимаются как необходимая политизация (в широком смысле) географи-

²⁰⁵ Кузнецов Б. Г. Идеи и образы Возрождения (Наука XIV–XVI в. в свете современной науки). М.: Наука, 1979. С. 99–104.

²⁰⁶ Кузнецов Б. Г. Указ. соч. С. 178–181, 186–188. См. также: Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. М.: Юристъ, 1996. С. 185–200.

ческого пространства. Перефразируя Сесилия Родса («Расширение – это всё»), можно сказать: «Пространство – это всё». Мир воспринимается как политика самого пространства; понимание сакральности и божественного «завязано» на процедуры опространствления политических событий; пространственность теперь есть необходимый атрибут политического бытия. Подобное понимание мира – заслуга Модерна, который тем самым заложил основы для любых других возможных пространственных интерпретаций мирового развития. В этом смысле Постмодерн всегда находится «внутри» Модерна; он не представим без Модерна²⁰⁷.

1.5.2. Система методологических понятий образно-географического анализа

Понятие методологических оснований. Как возможно понимание или интерпретация методологических оснований какой-либо когнитивной деятельности? Естественно, что здесь необходима интерпретация не на уровне методов, но на уровне «-логии» –

²⁰⁷ Ср.: Хабермас Ю. Философский дискурс Модерна. М.: Весь мир, 2003.

прежде всего интерпретация самого смысла. Эта интерпретация связана с размещением предмета интереса или цели исследования в какое-либо более широкое исследовательское (когнитивное) поле, иначе говоря – в более широкий и более мощный контекст. Здесь нужно определить законы развития и границы выбранного контекста, рассматриваемого прежде всего как содержательного. Можно сказать, что это способ определить, или «замерить» уровень содержательности основных посылок самого предмета интереса или исследования. Наиболее интересны степень, характер и специфические параметры этой содержательности.

Образно-географическая деятельность. Что понимается под образно-географической деятельностью? Образно-географическая деятельность – это моделирование и/или создание географических образов в теоретических или прикладных целях в различных сферах и секторах общества. Усложняя задачу, определим, что такое проектная образно-географическая деятельность. В данном случае это моделирование каких-либо геопространственных символов, знаков, стереотипов, предполагающее достижение определенной цели или состояния территориального объекта (предмета), на базе которого формируется образ. Добавление слова «проектная» означает, что пре-

следует достижение перспективного, ранее не достигавшегося, другого состояния объекта (страны, региона) с принципиально новыми параметрами этого состояния. Фактически происходит серьезное и кардинальное изменение содержания самого объекта, что может привести как к полному его исчезновению, так и к необратимой структурной трансформации. В рамках подобной деятельности создаются такие географические образы, которые изменяют собственную реальную базу или основу (образно-географический субстрат). Иными словами, это образы, самонаводящиеся на цель, имеющие систему автоматической трансформации собственного субстрата. Например, разработка перспективного образа Испании после окончания правления Франко позволила в сравнительно короткий исторический срок оказать серьезное влияние на экономику, социальные отношения в этой стране и, соответственно, на представления о ней в мире.

Репрезентация какого-либо образа в нашем понимании – это представление образа на вербальном или невербальном уровнях с помощью адекватных его содержанию сочетаний или систем ключевых символов и знаков. Наиболее важные из этих символически-знаковых систем – визуальные и текстовые (частично они могут пересекаться). В общем смысле

репрезентация образа означает процедуры поиска и идентификации прямых соответствий между образом и тяготеющими к нему символами и знаками.

Интерпретация здесь – это процесс выбора позиции, точки зрения, направленности анализа по отношению к уже репрезентированным образам. Далее предполагается, что в процессе интерпретации создается автономное пространство интерпретации, в котором определяются ментальные «расстояния» между образами и формируется «рельеф» образной системы. Результатом проведенной интерпретации является особое метапространство, включающее интерпретированные образы и ключевые соотношения между ними.

Образно-географические интерпретации. Возможность образно-географических интерпретаций (далее – ОГИ) каких-либо общественных, политических, экономических, культурных и т. д. событий и явлений связана с существованием в методологическом плане *двух основных типов географического пространства. Первый тип* – это различные модификации традиционного географического пространства (политико-географическое, экономико-географическое, культурно-географическое и т. п.). Исследование этого типа опирается на физикалистские представления о географическом пространстве, картогра-

фические модели, сложившиеся уже в начале Нового времени; исследования этого типа до сих пор преобладают в большинстве отраслей и областей научной географии и смежных с ней дисциплин. *Второй тип географического пространства* – пространство анаморфированное, которое само по себе есть метагеографический образ. Оно значительно отличается от традиционного геопространства, искажая по сути привычную географическую карту. Анализ этого типа возможен путем создания специфических образно-географических карт, описывающих представления общественных (политических, культурных, социально-экономических) акторов, деятелей; профессионалов, работающих в рамках определенных моделей деятельности и принятия решений; подобное возможно и при анализе литературных текстов, стенограмм политических переговоров, официальных заявлений и т. д. Исследования второго типа пока мало распространены, хотя именно они, на наш взгляд, особенно важны для понимания содержания общественных, политических, культурных событий, происходящих в современном мире.

Два выделенных типа географических пространств не оторваны друг от друга, а тесно взаимосвязаны. Они постоянно взаимодействуют, как бы перетекая из образа в образ. По мере необходимости актуализи-

руется тот или другой типологический образ, вызывающий «к жизни» соответствующие способы его репрезентации и интерпретации. Следовательно, возможны два главных вида образно-географических интерпретаций: «малая» и «большая». «Малая» – это образная интерпретация традиционных географических пространств, которые автоматически понимаются как целенаправленные, узкоспециализированные географические образы. Задача в этом случае заключается как бы в возгонке, виртуализации уже существующих концептуальных положений, параметризующих само географическое пространство (например, определенная территориальная дифференциация результатов политических выборов и анализ ее причин – в электоральной географии). «Большая» образно-географическая интерпретация (она также может быть названа *метаинтерпретацией*) сразу работает с анаморфированными географическими пространствами; в ее рамках предполагается, что операциональная образно-географическая деятельность на метауровне учитывает и уже заранее «упаковывает» географические образы традиционных пространств. Такая ситуация возможна при изучении сакральных географических объектов (объектов паломничества, святынь) в различных религиях – например, Иерусалима и его святынь, Мекки, Стоун-

хеджа и других объектов. Оба вида этих интерпретаций могут проводиться параллельно, как бы подстраховывая друг друга. В зависимости от задач конкретного исследования, предпочтение отдается той или иной интерпретации; возможно также сочетание отдельных элементов обоих видов.

Различные ОГИ – как одного вида, так и разных видов – могут сосуществовать, проводиться одновременно. Результат таких одновременных ОГИ – своего рода «бриколажи»²⁰⁸, вееры географических образов, даже комбинаторно создающие множество образно-географических пространств. Такие пространства могут моделироваться целенаправленно, с помощью определенных типов самих ОГИ, при предварительном изучении потенциального образно-географического поля.

Понимание сущности ОГИ связано также с методологической позицией «наблюдателя»²⁰⁹, который географически опространствует любое явление, попадающее в поле его зрения; происходит тотальное географическое опространствление мира²¹⁰. Созда-

²⁰⁸ *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1985.

²⁰⁹ *Ямпольский М. Б.* Наблюдатель. Очерки истории видения. М.: Ad marginem, 2000.

²¹⁰ *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. I. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999; *Хайдеггер М.* Прологомены к истории

ние подобной позиции возможно путем максимального дистанцирования от наблюдаемого объекта; формируемый интерпретацией географический образ и есть эта максимальная дистанция. В известном смысле, ОГИ продуцируют наиболее мощные и эффективные образы реальности; при этом любая реальность воспринимается в пределе как географический образ.

В целом ОГИ понимается как создание, формирование устойчивой геопространственной «ауры» какого-либо явления или события, в рамках которой любая причинная связь фиксируется или объясняется посредством, или «через» пространство, через определенные географические образы. Образная морфология пространства как результат ОГИ «возвращает» явление Земле, обнажает его географический генезис, и в то же время как бы подбрасывает его в методологическом плане на новую интерпретационную (в широком смысле) «площадку».

понятия времени. Томск: Водолей, 1998; Он же. Бытие и время. М.: Ad marginem, 1997; Он же. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993; Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999; Нанси Ж. – Л. Corpus. М.: Ad marginem, 1999 и др.

1.5.3. Геокультура: образ и его интерпретации

Понятие и образ цивилизации включают в себя несомненные и весьма важные пространственные аспекты. Всякая цивилизация, будучи масштабным природно-общественным явлением, предполагает если не прямую культурную или политическую экспансию на соседние территории, то косвенное, опосредованное пространственное распространение, «экспорт» своих духовных и материальных ценностей и образцов. Пространственное развитие любой цивилизации сопровождается в то же время известным приспособлением, адаптацией к новым условиям существования и функционирования. Это взаимодействие – назовем его межцивилизационным, ибо т. н. столкновение цивилизации и дикости («wilderness») есть не что иное, как взаимодействие цивилизаций слишком различных масштабов и структур – протекает зачастую в форме создания переходных, гибридных, смешанных культурных образцов и ценностей, эффективно работающих в контактных межцивилизационных пространствах (зонах). Между тем само пространство, территория такого взаимодействия может оказывать влияние на формирование новых ценностей, способ-

ствуя «притиранию» различных способов восприятия и преобразования ландшафтов во взаимодействующих цивилизациях. В процессе описания, характеристики и анализа пространственных аспектов междоцивилизационного взаимодействия ведущее значение принадлежит понятию и образу геокультуры.

Геокультура – настолько мощное и емкое понятие, что даже его предварительный анализ требует введения нескольких понятий и их достаточно четких определений²¹¹. Впервые это понятие в современных социальных науках стало активно использоваться И. Валлерстайном. Понятие геоккультуры у Валлерстайна тесно связано с его концепцией мир-системного анализа, и рассматривается прежде всего в контексте глобальных геополитических и геоэкономических проблем. Далее мы рассматриваем геоккультуру и геоккультурные пространства как достаточно автономные понятия. При этом в первом приближении, удобнее говорить именно об *образе* геоккультуры.

Геокультура – процесс и результаты развития

²¹¹ Впервые это понятие в современных социальных науках стало активно использоваться И. Валлерстайном, см.: *Валлерстайн И.* После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. Понятие геоккультуры у Валлерстайна тесно связано с его концепцией мир-системного анализа, и рассматривается прежде всего в контексте глобальных геополитических и геоэкономических проблем. Далее я рассматриваю геоккультуру и геоккультурные пространства как достаточно автономные понятия.

*географических образов*²¹² в конкретной культуре, а также «накопление», формирование традиции культуры осмысления этих образов. Определенная культура «коллекционирует» определенные географические образы, приобретая при этом те или иные образно-географические конфигурации. Современная геокультура представляет собой серии *геокультурных (культурно-географических) образов*, интерпретирующих локальные *геокультурные пространства*.

Геокультурное пространство – система устойчивых культурных реалий и представлений на определенной территории, формирующихся в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира.

Культура и образы географического пространства. Каждая культура создает свои так или иначе репрезентированные образы географического пространства; это ее неотъемлемые элементы. Традиционные культуры предлагали свои, часто уникальные коды к расшифровке и пониманию этих образов. Решающая трансформация произошла в начале

²¹² См.: *Замятин Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства*. М.: Аграф, 2004.

Нового времени, когда разработка картографических проекций определила доминирующие и универсальные способы репрезентации образов географического пространства.

Дальнейшее развитие образов географического пространства связано с их известной автономизацией в культуре – они становятся, в некотором смысле, субкультурой, проявляющейся и транспонируемой другими по генезису образами и закрепляющей себя различными средствами. В то же время возникают самостоятельные типы географических пространств – политико-географические, культурно-географические, социально-географические, экономико-географические – которые репрезентируются и интерпретируются соответствующими специфическими типами образов. Кроме этого, большинство существующих современных цивилизаций и/или культур как бы экспортирует вовне свои образы географического пространства, которые взаимодействуют с чужеродными образами, порождая целые «вееры» гибридных, композитных образов.

Геокультурные образы. Как представить образ геокультуры, и что понимается под ним? Этот образ рассматривается, в первую очередь, в контексте процессов глобализации²¹³ и регионализации²¹⁴. При ана-

²¹³ См.: *Иноземцев В. Л.* Расколота цивилизация. М.: Academia – На-

лизе геокультуры особое внимание уделяется процессам межкультурной и межцивилизационной адаптации²¹⁵. Образ геокультуры складывается в максимально широком контексте, что означает максимально широкий концептуальный охват современных проблем мирового развития. Здесь захватываются геополитические, геоэкономические и геосоциальные проблемы, без изучения которых глубокий анализ геокультуры и геокультурных проблем невозможен. Затрагиваются также многие аспекты развития мировых и локальных цивилизаций; значительная часть

ука, 1999; Мегатренды мирового развития I Под ред. М. В. Ильина и В. Л. Иноземцева. М.: Экономика, 2001; *Culture, Globalization and the World-system: Contemporary Conditions for the Representation of Identity* I Ed. by A. D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997; *Tomlinson J. Globalization and Culture*. Chicago: The University of Chicago Press, 1999 и др.

²¹⁴ См.: *Hall S. The Local and the Global: Globalization and Ethnicity* II *Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity* I Ed. by A. D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. P. 19–41; *Hannerz U. Scenarios for Peripheral Cultures* II *Ibid.* P. 107–129.

²¹⁵ См., например: *Appadurai A. Modernity at Large*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996; *Согомонов А. Ю. Глокальность (Очерки социологии пространственного воображения)* II *Глобализация и постсоветское общество I «Аспекты—2001»*. М.: ООО «Стови», 2001. С. 60–81. Сравнительно интересный аспект – взаимодействие деловых культур, сформировавшихся в различных цивилизациях; см., например: *Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию*. М.: Дело, 1999

этих цивилизаций является тем или иным инвариантом геокультуры (геокультур). Исследование геокультуры означает изучение наиболее мощных и структурированных географических образов. Как правило, это наиболее масштабные, наиболее фундированные и самые долговременные географические образы.

Основной вопрос интерпретации образа геокультуры состоит в следующем: складывается ли единая геокультура, или геокультур много? По-видимому, следует говорить о многих геокультурах, или о множестве геокультур. Место, регион, страна имеют свой геокультурный и одновременно образно-географический потенциал. Геокультурный потенциал измеряется мощностью, силой проецируемых вовне специализированных географических (геокультурных) образов. Эти образы сосуществуют, переплетаются, взаимодействуют в различных геокультурных пространствах.

Геокультурный образ – это система наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающая особенности развития и функционирования тех или иных культур и цивилизаций в глобальном контексте. Геокультурные образы относятся по преимуществу к экзогенным географическим образам, то есть к таким, в

формировании которых большую роль играют смежные (соседние) образы. Например, в формировании геокультурного образа России принимают участие географические образы Евразии, Восточной Европы, Балтийского и Черноморского регионов, Кавказа.

Геокультурные образы можно назвать «ядерными» по своей мощи; они определяют глобальные стратегии поведения наиболее крупных политических, экономических и культурных акторов. Приведем пример. Так, политическое доминирование Китая в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии в эпохи совершенно различных империй и династий на протяжении длительного исторического времени было основано на мощных геокультурных стратегиях в этих регионах. Данные стратегии были основаны на трансляции и оседании (седиментации) китайских культурных ценностей и образов на новых территориях и, зачастую, на достижении господства этих ценностей и образов²¹⁶.

Иногда роль геокультуры, «излучающей» и распространяющей свои образы, берут на себя крупные или мировые религии. Несомненными геокультурами

²¹⁶ См.: *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1987; *Фицджеральд С. П.* Китай. Краткая история культуры. СПб.: Евразия, 1998.

являются ислам, буддизм, католичество, протестантизм. К геокультурам относится и большинство империй, формирующих свои культурные круги (геокультурные периферии): например, в средние века очень отчетливые геокультурные периферии были созданы Византийской империей (север Балканского полуострова, часть Италии, Русь, часть Восточной и Центральной Европы)²¹⁷ и арабским Халифатом (Кавказ, Центральная Азия)²¹⁸. Конечно, «за спиной» подобных империй стоит, как правило, крупная цивилизация, которая порождает одну или несколько геокультур.

Межкультурная и межцивилизационная адаптация: связь геополитики и геокультуры. Процессы межкультурной и межцивилизационной адаптации, особенно интенсивно протекающие в эпоху глобализации, демонстрируют очевидную связь геополитики и геокультуры. Однако подобные процессы развивались на протяжении всей истории цивилизаций. Эта связь наиболее четко проявляется во взаимодействии геополитических и геокультурных обра-

²¹⁷ См.: Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М.: Янус-К, 1998.

²¹⁸ См.: Грюнебаум Г. Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600–1258). М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1988; Большаков А. Г. История халифата. Т. 1–3. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1989–1998

зов, вступающих во взаимодействие на определенном пространстве, которое подвержено цивилизационной турбулентности. Такое взаимодействие происходило в течение нескольких столетий в ходе расширения Российского государства (XVI–XIX вв.).

Так, динамика геополитических образов России была связана в первую очередь не с известным «маятником» Европа – Азия (Запад – Восток), но прежде всего с расширением, экспансией самого образно-географического поля России, быстрым «захватом» все новых и новых потенциально ярких географических образов, которые требовали и соответствующей геополитической «огранки». Такая геополитическая «огранка» опирается на вновь создаваемые механизмы межкультурной и межцивилизационной адаптации²¹⁹. Неудача при создании таких механизмов ведет к «бледности», очевидной образно-геополитической невыраженности части системы и, в конечном счете, к ее деградации. Например, подробный образно-геополитический анализ захвата Россией Средней Азии во второй половине XIX в. показал, что стремительная военная экспансия Российской империи в этом регионе и включение его в сферу внешне– и внутривнутриполитических российских инте-

²¹⁹ См. также: *Цымбурский В. Л.* Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

ресов не сопровождалась четко артикулированными политическими и геополитическими образами, базировавшимися на геокультурном и геоэкономическом проникновении в Среднюю Азию²²⁰. Чем более втягивалась Россия в Среднюю Азию, соперничая с Великобританией, тем более одномерным и реактивным становился ее геополитический образ – по преимуществу, «европейской державы»; механизмы межцивилизационной адаптации так, по существу, и не были обеспечены.

Итак, анализ понятия геокультуры в связи с процессами межцивилизационной и межкультурной адаптации показывает следующее:

1) изучение процессов межцивилизационной и межкультурной адаптации не представимо без глубокого исследования сущности понятия геокультуры и закономерностей развития геокультурных пространств;

2) гармоничная межцивилизационная адаптация связана с формированием и функционированием соответствующих геокультурных (культурно-географических) образов, обеспечивающих интенсивный и сбалансированный межкультурный обмен; 3) в про-

²²⁰ См.: *Замятин Д. Н.* Моделирование геополитических ситуаций (На примере Центральной Азии во второй половине XIX века) // Политические исследования. 1998. № 2. С. 64–77. № 3. С. 133–147.

цессах межцивилизационной адаптации большую роль играет целенаправленное продуцирование стратегий репрезентации и интерпретации геокультурных образов; 4) механизм использования ключевых геокультурных образов основан на процессах ментального сжатия и растяжения различных цивилизационных и культурных пространств.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что цивилизации как таковые всегда создают мощные образно-географические пространства (поля), захватывающие, с одной стороны, территории, явно чужеродные в культурном и политическом отношении, а, с другой – постоянно перерабатывающие собственные структуры и способы организации. Иначе говоря, всякая более или менее жизнеспособная и устойчивая цивилизация формирует образные картины мира, в которых те или иные территории выступают как соответствующие масштабные знаки и символы общих цивилизационных ценностей и образцов. В конечном счете, любая цивилизация может рассматриваться как глобальный географический (геокультурный) образ, структурирующий ценности и образцы данного сообщества наиболее эффективным способом.

Выводы к главе 1

Анализ литературы по теме позволил выявить основные направления исследований, в которых преобладают или имеют место элементы образно-географической методологии.

У большинства ученых-предшественников зачастую доминировало внимание к частным образным свойствам и характеристикам географического пространства (местностей, ландшафтов, регионов, стран, территорий) в ущерб, или за счет его более фундаментальных, базовых образных характеристик. У них не было отчетливого понимания важности и принципиальности изучения географических образов как таковых – репрезентирующих глубинные, основополагающие черты конкретных географических пространств и, в то же время, эффективно выражающих те или иные общественные (культурные, политические, социально-экономические) явления и события. Достаточно рано было осознано научное и философское значение подобных репрезентаций и/или форм выражения, хотя сами по себе эти репрезентации и формы почти не подвергались детальному методологическому и теоретическому анализу. Между тем, в этих мыслительных (ментальных) процессах заклю-

чены два ключевых и довольно противоречивых принципа моделирования географических пространств в культуре: 1) *принцип мысленной экономии* в географических представлениях и 2) *принцип эмоциональной «подпитки»*, или эмоциональной надежности таких представлений. Они практически равнозначны, и второй имеет не менее важное значение, чем первый, в т. ч. в прикладном моделировании специализированных географических образов, (например, формирование внешнеполитического образа России), хотя это недостаточно осознается как теоретиками, так и практиками.

Тот факт, что в моделировании географического пространства (пространств) люди руководствуются (и должны руководствоваться) не только соображениями мысленной экономии и, тем более, не сиюминутной понятности и простоты, но думают также и о долгосрочной перспективе, многочисленных эмоциональных (психологических, социальных, культурных) последствиях и эффектах, достаточно известен и отражен во многих работах по феноменологии, теоретической и культурной географии, когнитивной психологии. Обычно при этом ссылаются на прямые и косвенные связи между рациональной и эмоциональной составляющей географических представлений. Однако, авторам данных работ, как правило, невдомек, что

это имеет четкое образно-географическое выражение – именно в стремлении самих географических представлений к формированию автономно функционирующих образно-географических систем.

Работ по изучению образов географического пространства в различных науках в целом гораздо меньше, чем по изучению, в том или ином виде, географических представлений в общем, а специальных работ, посвященных *моделированию географических образов в культуре*, совсем немного (они приходятся, в основном, на вторую половину 1990-х гг. и начало 2000-х гг.). В этих исследованиях *не были выявлены методологические и теоретические основы моделирования географических образов*. Это был, преимущественно, прикладной анализ современных массовых и/или групповых географических образов, иногда в динамике. Зависимость характера функционирования географических образов от их структурных и системных свойств, практически, не изучалась. Для объяснения процесса развития географических образов в культуре так и не было предложено непротиворечивой и достаточно репрезентативной модели.

Обзор исследований по теме показал, что *никто до сих пор не изучал методологические, теоретические и прикладные основы моделирования географических образов в культуре*. Работ в этой области нет

ни в гуманитарных науках, ни в культурной географии, ни в когнитивном моделировании. **Проблема как раз и состоит в том, что эти основы до сих пор не изучены.** Для ее решения необходим новый подход. Это заставило нас провести свое собственное исследование основ моделирования конкретных (специализированных) географических образов различных иерархических уровней. Анализ особенностей и закономерностей формирования, репрезентаций и стратегий интерпретации в большом количестве областей и сфер человеческой деятельности позволил нам не только разработать новую методологию изучения процессов моделирования географических образов в культуре, но с ее помощью выявить основы этого моделирования. Эта методология учитывает особенности системного развития географических образов в различных сферах социокультурной деятельности: в культурно- и историко-географических исследованиях, практике художественного творчества, международных отношениях, государственном управлении, региональной политике.

Таким образом, существует научная база, необходимая для анализа поставленной проблемы. Представления, сложившиеся в рамках отдельных предметных областей, содержат достаточно материала для культурологического обобщения. Вместе с тем,

недавно попавшая в поле научного внимания проблематика моделирования географических образов разработана фрагментарно. Разработка этого проблемного поля и является нашей задачей.

Глава 2

Моделирование географических образов в культуре

Эта глава посвящена изучению важнейших особенностей и закономерностей моделирования ГО в культуре. Подобное моделирование имеет свою методологию, призванную обеспечить надлежащее качество как образно-географических реконструкций, так и построения специализированных ГО в различных сферах культуры. Данная методология необходима также для разработки соответствующих научных «инструментов» для анализа и синтеза ГО.

Ядром первоначального моделирования ГО в культуре является базовая модель идеального ГО. Именно в этой модели конструируются исходные параметры любого изучаемого или создаваемого образа. Базовая модель идеального ГО представляет собой лишь первый, но необходимый этап образно-географического моделирования.

Не менее существенна предлагаемая нами во 2-й главе принципиальная схема формирования и развития географических образов. Она помогает, с одной стороны, расчленить, развести различные по генези-

су процессы формирования и развития ГО, а, с другой стороны, выявить основные социокультурные и когнитивные механизмы подобных процессов. В рамках такой схемы особенно важно выделение временного лага ГО, позволяющее осознать своего рода методологические «ножницы» в моделировании конкретных ГО.

Наконец, разработанный нами метод образно-географического картографирования (ОГК) должен помочь эффективной репрезентации и интерпретации различных моделей ГО. Предлагаемый метод частично заимствует ряд традиционных картографических правил и условностей, но, в отличие от традиционного картографирования, позволяет наглядно представить формирование и развитие образно-географических пространств в культуре. Метод ОГК является действенным средством как анализа уже сформировавшихся в культуре ГО, так и построения целенаправленных или специализированных ГО в разных сегментах и сферах культуры.

2.1. Основы методологии моделирования географических образов

2.1.1. Методологическая эффективность моделирования географических образов в культуре

Под *критериями методологической эффективности* здесь понимаются способности какой-либо исследовательской (субъект-объектной) системы к: 1) постоянному расширению поля собственного исследовательского интереса, 2) углублению содержательности основных выдвигаемых положений с помощью надежных механизмов рационализации и осмысления вновь получаемой и перерабатываемой информации, а также 3) к созданию форм, соответствующих изменяющимся границам и содержательности данной системы. Рассмотрим теперь более подробно эти критерии в связи с географическими образными исследованиями.

Постоянное расширение поля собственного исследовательского интереса в рамках географиче-

ских образных исследований возможно и необходимо как детальная разработка ментально-географических пространств, соответствующих важнейшим, традиционным географическим категориям и понятиям. В данном случае надо осмыслить и проанализировать, например, такие понятия, как город, ландшафт, регион, страна и т. д. Это означает переосмысление и расширение смыслового пространства географии, поскольку ключевые географические категории и понятия мыслятся как географические образы в рамках культуры и получают свои образные «коды». Подобные методологические операции проводятся с применением концептуального и категориального аппарата геоморфологии, с помощью которого осуществляется дистанцирование от объекта исследования. Расширение исследовательского поля напрямую связано с процедурами методологического дистанцирования, формирующими «образный рельеф» объекта исследования и как бы фиксирующими сам объект на образную «киноплёнку».

Углубление содержательности образно-географических исследований базируется на тщательном изучении феноменов пространственности и опространствления²²¹, при этом категория опространств-

²²¹ *Флоренский П. А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях // *Он же.* Статьи и исследова-

ления может мыслиться и как онтологическая²²². Посредством географических образов и непосредственно самими географическими образами пространственность формируется как фундаментальная феноменологическая категория в рамках культуры. Именно на методологическом метауровне происходит вычленение и структурирование автономных пространств географических образов, коррелирующих и активно взаимодействующих с традиционными географическими пространствами (физико-географическими, социально-экономико-географическими, политико-географическими, культурно-географическими и т. д.). Так, при изучении географических образов Петербурга выделяются автономные пространства «северной столицы», «северной Венеции», «столицы

ния по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. С. 81—259; *Флоренский П. А.* Значение пространственности // *Он же.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль: 2000. С. 272—274; *Флоренский П. А.* Абсолютность пространственности // *Он же.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль: 2000. С. 274—296; *Флоренский П. А.* Обратная перспектива // *Он же.* Соч.: В 2 т. Т. 2. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990. С. 43—109; *Флоренский П. А.* Храмовое действо // *Иконостас: Избранные труды по искусству.* СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. С. 283—307.

²²² *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997; *Хайдеггер М.* Искусство и пространство // *Он же.* Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 312—316; *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998.

русской провинции», «окна в Европу», каждое из которых может сосредотачивать и перерабатывать разнообразную историко-, культурно-, экономико-, политико-географическую информацию с соответствующей эмоциональной «нагрузкой» (рис. 1).

Рис. 1. Структурирование автономных пространств ГО (на примере ГО Петербурга)

Создание форм, соответствующих изменяющимся границам и содержательности образно-географических исследований, связано с поисками новых

средств репрезентации и интерпретации географических образов²²³. Смысл подобных поисков заключается в высокой вариативности самих форм, позволяющих одновременно сосуществовать в одном и том же пространстве различно репрезентированным и интерпретированным географическим образам. Основные направления поисков – использование новейших картографических методов и проекций для отображения динамики пространства географических образов²²⁴, разработка новых средств визуализации и вербализации географических образов на базе Интернет²²⁵, переосмысление понятия виртуального пространства (кибер-пространства)²²⁶, представление географических образов как нечетких множеств с изменяющимися смысловыми конфигурациями.

²²³ *Замятин Д. Н.* Географические образы в гуманитарных науках // Человек. 2000. № 5. С. 81–88.

²²⁴ *Гусейн-Заде С. М., Тикунов В. С.* Анаморфозы: что это такое? М.: Эдиториал УРСС, 1999.

²²⁵ *Замятина Н. Ю.* Когнитивно-географическое изучение региональных политических процессов // Образы власти в политической культуре России. М.: МОНФ, 2000. С. 74–95.

²²⁶ *Brunn S., Cottle Ch.* Small states and cyberboosterism // The geographical review. Vol. 87. № 2. April 1997. P. 240–258.

2.1.2. Способы географизации образов мира

Географизация образов мира возможна двумя основными способами.

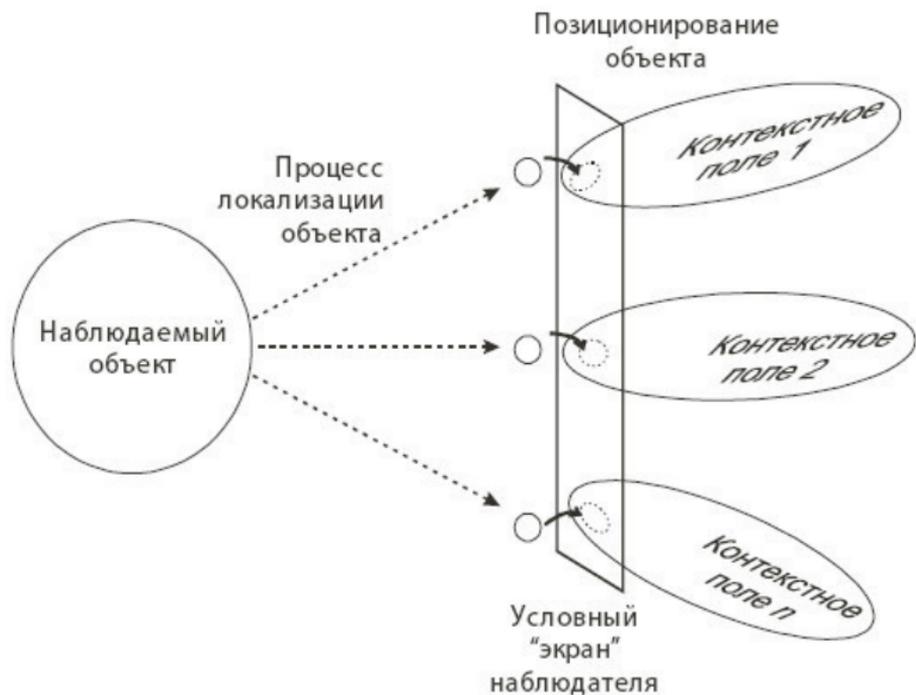

Рис. 2. Локализация и позиционирование наблюдаемого объекта в первом способе географизации образов мира («подъем» наблюдателя над земной поверхностью)

Первый способ основан на представлении мира как целостного образования, «рассекаемого» на те или иные части в зависимости от точки зрения, локализации и/или позиционирования наблюдателя/исследователя. Точка зрения означает четкий выбор позиции наблюдения (в будущем – определение собственного географического положения). Локализация – это процесс фиксации и размещения наблюдаемого объекта на условном «экране» наблюдателя. Процедуры позиционирования совершенствуют локализацию – это мышление контекстными полями по отношению к наблюдаемому объекту; выбор соответствующих контекстных полей приводит к автоматическому и более точному размещению объекта (рис. 2). В результате этих операций представление мира как целостного образования складывается путем «подъема» наблюдателя над условной земной поверхностью. Образ мира становится географическим в той мере, в какой удалось обеспечить «подъем», интерпретируемый как образ астрономический. Античная география сделала решающий «скачок» в своем развитии, когда от простого наблюдения небесных явлений в различных местах перешла к трактовке их различий в зависимости от положения места наблюдения²²⁷. «Человек, ко-

²²⁷ См.: Страбон. География. М.: Научно-издательский центр «Ладос»

торый мысленно уже вознесся так высоко к небесам, не будет воздерживаться от описания земли как целого», – пишет Страбон²²⁸. Понятия частей света (север, юг, запад, восток) возникают в процессе «подъема», при обзоре лишь очень больших пространств, когда фиксация географического положения места (страны) означает шаг в географизации образа мира²²⁹. Тогда же происходит и «сечение» мира на части, уплотняющее и формирующее его образ. Первоначально геометрический, подвергаемый астрономическому «давлению», образ мира становится географическим: выделяются страны и их границы, формы страны уподобляются геометрическим фигурам, хотя Страбон пишет о желательности снятия геометрических определений²³⁰. «Подъем» увеличивает умозрительность мира: его невозможно познать непосредственно полностью, только с помощью собственных путешествий. Возникают мозаики образов мира, создаваемых раз-

мир», 1994. С. 13.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же. С. 87–88. См. также: *Раевский Д. С.* Четырехугольная Скифия (к анализу природы и судеб образа) // *Фольклор и этнографическая действительность*. СПб.: Наука, СПб. отделение, 1992. С. 41–48; *Петрухин В. Я., Шелов-Коведяев Ф. В.* К методике исторической географии. «Внешняя Россия» Константина Багрянородного и античная традиция // *Византийский временник*. Т. 49. М.: Наука, 1988. С. 184–190.

личными географами на основе разных путешествий и осмысления чужих сведений²³¹. Чем больше «подъем», тем больше этих образов, тем более они кажутся не совместимыми, и тем более они географичны. Несмотря на весь разноречивый фактов, сведений и представлений, концентрируемых различными образами, они начинают сосуществовать в едином пространстве, быстро растущем именно за счет этого сосуществования. Пространство как бы само растягивается, представляя места под все новые и новые образы. Географизация образов мира означает в этом случае «лавинообразное» увеличение их количества. География становится нужной государству, ибо она указывает его географические границы и возможности географического расширения. Государство перестает быть только сакральным, геометрическим и астрономическим образом; географические образы переводят государство и его представителей (царей, императоров, сатрапов, полководцев) в новый мир, в котором политика есть геополитика²³². Каждой стране, государству необходим свой географ, как и свой правитель: «...особый географ нужен индийцам, другой – эфиопам, третий – грекам и римлянам»²³³. Мировое

²³¹ Страбон. Указ. соч. С. 118–119.

²³² Там же. С. 15.

²³³ Там же. С. 16.

развитие – бесконечная сеть страновых образов, создающих множество геополитических контекстов.

Процесс описываемого «подъема» достаточно сложен. По его ходу, который может растягиваться на тысячелетия, происходит смешение вертикальных (сакральных) и горизонтальных (стороны света) координат мира²³⁴, пространственных и временных координат (когда ход времени увязывается со сторонами света)²³⁵. Индикатором этого «подъема» служит развитие картографии и, главное, отношение к географической карте. Развитие картографии – и следствие, и фактор «подъема». Хорографические описания (т. е. «приземленные» описания ойкумены по определенным радиусам от центра, где находится наблюдатель) постепенно сменяются картографической системой ориентации (когда автор описания характеризует страны и регионы исходя из их географического положения на карте, как бы приподнимаясь над землей)²³⁶. Однако даже при доминировании карто-

²³⁴ Подосинов А. В. *Ex oriente lux!* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 523–525. См. также: *Генон Р.* Избранные сочинения: Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М.: Беловодье, 2003; *Он же.* Символика креста. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

²³⁵ Подосинов А. В. Указ. соч. С. 626–627.

²³⁶ Там же. С. 597–598, 604–605. См. также: *Коновалова И. Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.: Изд. фирма «Восточная лите-

графической системы ориентации длительный период, вплоть до конца средневековья, на географических картах сохраняются элементы астрономического и геометрического образов мира, наиболее хорошо отражающих сакральные картины мира. Так, на картах христианского средневековья VIII–XIII вв. не соблюдался географический масштаб, превалировали ценностные характеристики отмечаемых объектов, не связанные с их географическим положением²³⁷. Античные и библейские места, мифически локализованные, составляли значительную часть содержательной нагрузки карт; на севере и северо-востоке, согласно библейской традиции, отмечались наиболее неблагоприятные области; сами карты строились исходя из локализации в центре мира какого-либо сакрального города!места, например, Иерусалима (Оксфордская карта, около 1100 г.)²³⁸. Географическая карта еще не далека от лишь слегка географизированной богословской картины мира, схематической сцены всемирной истории, рассматриваемой в эсхатологической ретро– и перспективе²³⁹; исторические и геопо-

ратура», 1999.

²³⁷ Чекин Л. С. Картография христианского средневековья: VIII–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 15.

²³⁸ Там же. С. 21, 20, 59.

²³⁹ Там же. С. 16–17. См. также: Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 241–

литические анахронизмы, сохраняемые на средневековых картах (например, обведение красным цветом границы «империи римлян и франков» (карта Европы из Сент-Омера, 1112–1121 гг.)²⁴⁰ подчеркивают эту особенность. Постмодерн в сильнейшей степени сохраняет, поддерживает и возрождает подобное отношение к географической карте, когда тот или иной регион мира, представленный на карте, подвергается мощной аксиологической «обработке» и начинает «плыть» на карте, впитывая навязываемые извне исторические, политические, культурные, цивилизационные установки (например, концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона). Исламский мир, Россия, Юго-Восточная Азия могут располагаться на этих «плывущих» картах одновременно и в горизонтальных, и в вертикальных координатах, находясь как бы в «овраге» мировой истории. В то же время можно говорить о сознательном использовании этих когнитивных процессов, в рамках которых происходит

243 («карты» религиозно-моральных систем, приравнивание географии к этике или нравственности). О способах ориентации и когнитивных картах см.: *Ланге П. В.* Горизонты Южного моря: История морских открытий в Океании. М.: Прогресс, 1988. С. 28; *Найссер У.* Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С. 134–137; *Шенк Ф. Б.* Ментальные карты: Конструирование географического пространства в Европе // Регионализация посткоммунистической Европы. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 6—33.

²⁴⁰ Чекин Л. С. Указ. соч. С. 177.

мультипликация образной мощи географии.

Второй способ географизации образов мира связан с представлением мира «изнутри», с помощью мысли, географизирующей саму себя. По ходу «подъема» и приобретения географической точки зрения на мир возникает необходимость «спуска» и нанесения на вновь открытую земную поверхность ментального «слоя», структурирующего бесконечное множество возможных образов мира на метауровне.

Генезис этого способа географизации прослеживается в средневековой алхимии и религиозных установках, его формирование ускоряется Возрождением с его чувственными образами мира²⁴¹. В XX в. географические образы мира осмысляются в рамках глубинной психологии и психологии архетипов Юнга, в трудах по картографии воображения Анри Корбэна; этой линии способствуют работы Тейяра де Шардена и Гастона Башляра²⁴². Значительная часть Третьего мира, осознающего себя как тотальность маргинализованных мест, актуализирует мифопоэтические

²⁴¹ См.: *Bishop P. Residence on Earth: anima mundi and a sense of geographical 'belonging' // Ecumene. A Journal of environment, culture, meaning. 1994. Vol. 1. № 1. P. 55–56.*

²⁴² *Ibid.* P. 56–58. См. также: *Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Гл. ред. изданий для зарубеж. стран изд-ва «Наука», 1987; Корбен А. Световой человек в иранском суфизме // Альманах «Волшебная гора. VIII. М.: Пилигрим, 2002. С. 214–266.*

традиции, связанные с культом Дома. В то же время часть Запада ощущает «потерянность» позитивистской географии в расчисленном и бесконечном пространстве Модерна, стремится к пониманию утраченных традиционных способов сенсуализации образов мира (например, увлечение британских географов и планировщиков в 1920—1930-х гг. китайским искусством фэн-шуй)²⁴³. Однако, собственно классическая западная география, по мнению британских географов Д. Мэтлиса и Д. Косгроува, не добилась успеха в образно-географической репрезентации мира²⁴⁴.

«Расшатывание» географии Модерна начинается на семиотических перифериях мира. Семиотическая периферия может не быть традиционной географической периферией, однако она (также как традиционная периферия) зависит от семиотического центра с наиболее высоким уровнем развития процессов семиозиса. В семиотическом пространстве происходит падение интенсивности семиозиса от центра к периферии, где знаки уже как бы размыты, слабо прорисо-

²⁴³ Ibid. P. 53–54. См. также: Классический фэншуй: Введение в китайскую геомантию / Сост., вступ. ст., пер., примеч. и указ. М. Е. Ермакова. СПб.: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2003; *Puc A., Puc B.* Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. М.: Энигма, evi-dentis, 1999. С. 93—235 (Часть вторая. Мир значений; особенно гл. V–VII).

²⁴⁴ Ibid. P. 56–58.

ваны. В то же время, максимально плотные и устойчивые в центре определенной семиосферы, образы мира становятся более изменчивыми, более семиотически неясными на ее периферии. Именно здесь сильна семиотическая динамика, способствующая неортодоксальным символизациям пространства и развитию географических образов мира, не укладывающихся в пропорциональную и соразмерную картину пространства Модерна²⁴⁵. Смысл семиотической динамики состоит в процедурах смены семиотических конструкций на метауровне, в изменениях принципов определения и выделения конкретных знаков и их соотношений с символами и образами. Постмодерн использует морально-этические установки средневековой географии (рай находится на дальних рубежах ойкумены, и его прекрасность прямо связана с его отдаленностью²⁴⁶), предельно их опространствляя. Аксиологизм классической географии (под которым понимается стремление к четким соответствиям между местами, пейзажами, странами и определенными ценностными установками, к географической привязке религиозно-этических и моральных нагрузок, к ми-

²⁴⁵ См.: Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 179, 253, 176. Ср. также: Лжеплутарх. О реках // Торшилов Д. О. Указ. соч. С. 307–384 (пример семиотической «раскачки» античной геомифологической картины мира).

²⁴⁶ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 248.

фологическому осмыслению и освоению территории) превращается в геоидеологии постмодерной географии, когда сами характеристики и образы земного пространства выступают ядрами мощных идеологий; при этом переворот в географических представлениях ведет к необязательной связности и сосуществованию совершенно различных географических образов мирового развития²⁴⁷. Так, коммунизм в романе Андрея Платонова «Чевенгур» можно трактовать как идеологию пространства, а устойчивая анти-местная локализация Чевенгура приводит к апогею – фактическому «растворению» города в пространстве степи²⁴⁸. Мысль предельно географизирует свой мир, становясь сама по себе географичной (при этом ментальность оказывается географической ментальностью), создавая ментально-географические технологии с помощью процедур детерриториализации и ретерриториализации. Мысль о территории становится мыслью

²⁴⁷ Там же. С. 244; *Замятина Н. Ю.* Локализация идеологии в пространстве (американский фронт и пространство в романе А. Платонова «Чевенгур» // Полюса и центры роста в региональном развитии. М.: ИГ РАН, 1998. С. 190–194.

²⁴⁸ *Замятина Н. Ю.* Локализация идеологии в пространстве... С. 191–192. См. также: *Замятин Д. Н.* Моделирование географических образов... С. 110–126; то же: *Замятин Д. Н.* Империя пространства. Географические образы в романе Андрея Платонова «Чевенгур» // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 82–90.

территории: мысль зависит в своем развитии от места, чей образ, впрочем, создается во многом этой же мыслью. Появляется неразрывная целостность мысли и территории, одновременно порождающих друг друга. Локализации мысли соответствует ментализация территории; территория при этом есть мир образной экспансии²⁴⁹. Семантическое насыщение того или иного регионального/ странового образа ведет к естественной неравновесности географических образов мирового развития: например, семантически «тяжелый» образ Европы сминает и отбрасывает к востоку более «легкий» образ Азии на когнитивно-географической карте регионов России²⁵⁰. Так могут создаваться своего рода образно-географические региональные синдромы²⁵¹, когда определенный геогра-

²⁴⁹ См.: *Замятина Н. Ю.* География мысли... С. 124; *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1998. С. 110–149, особенно с. 110, 124; *Замятин Д. Н.* Моделирование географических образов. С. 43–59.

²⁵⁰ *Замятина Н. Ю.* Когнитивная география. С. 16. См. также: *Она же.* Когнитивные пространственные сочетания как предмет географических исследований // *Известия РАН. Сер. геогр.* 2002. № 5. С. 32–37.

²⁵¹ Это понятие вводится по аналогии с понятием регионального синдрома, разработанного для процедур географического районирования, связанного с членением страновой территории с позиций какого-либо одного ее района (см.: *Каганский В. Л., Новиков А. В.* Новый метод выделения существенных признаков для разработки региональных классификаций // *Известия АН СССР. Сер. геогр.* 1989. № 1. С. 112–120.

фический образ страны/региона мира моделирует и кроит по собственному «лекалу» образы других регионов. Возникают мировые образно-географические контексты, принципиально развивающиеся в различных ментальных пространствах, не соприкасающихся друг с другом. Здесь возможна не только образно-географическая экспансия региона/страны, но даже образно-географическое гипостазирование (глобальный образно-географический синдром признаков²⁵²), когда географический образ одной страны (например, США) может стать образно-географической версией всего мира.

2.1.3. Определения географического образа в методологическом контексте

ГО – это одно из наиболее важных, на наш взгляд, фундаментальных понятий для современной культурологии. Современная культурология быстро расширяет спектр, а также типы привлекаемых для научного исследования информации и знаний – как за счет углубления и совершенствования собственных моделей, так и за счет заимствования и переработки наиболее интересных с культурологической точки зрения

²⁵² См.: Каганский В. Л., Новиков А. В. Указ. соч. С. 116.

моделей из смежных, естественных и гуманитарных наук. Главный смысл подобного концептуального развития – разработать наиболее эффективные, наиболее экономные в научном плане способы и методы «производства», создания нового культурологического знания.

ГО – это устойчивые пространственные представления, которые формируются в различных сферах культуры в результате какой-либо человеческой деятельности (как на бытовом, так и на профессиональном уровне). Они являются, как правило, компактными моделями определенного географического пространства (или географической реальности), созданными для более эффективного достижения какой-либо поставленной цели. В абсолютном приближении идеальный, или максимально эффективный ГО можно отождествить с географической реальностью. В действительности, однако, происходит постоянная трансформация – как самих ГО, так и их определенных сочетаний, или систем в связи с вариативностью социокультурных контекстов и с изменениями целей определенной человеческой деятельности и условий их осуществления.

Создание ГО связано с процессами формализации и одновременно сжатия, концентрации определенных географических представлений в культуре, превра-

щении их в «сгусток». В общем смысле, географический образ – это совокупность ярких, характерных сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства (территории, местности, регионы, страны, ландшафты и т. д.). Географические образы могут принимать различные формы, в зависимости от целей и задач, условий их создания, наконец, от самих создателей образов.

Необходимо отметить, что фундаментальные исследования понятия, модели и моделирования ГО создают предпосылки для развития новой междисциплинарной области науки на стыке культурологии, социокультурной антропологии и культурной географии – *образной* или *имагинальной географии*. Предметом имагинальной географии является изучение особенностей и закономерностей развития ГО в различных сферах культуры, а также их моделей. Другое возможное название этой области науки – геокультурология.

ГО возникает или конструируется в результате пересечения и взаимодействия различных географических или парагеографических понятий. К парагеографическим понятиям мы относим любые культурологические, историософские, политологические, экономические и т. д. понятия, включающие в себя мощные

пространственно-генные компоненты. Например, понятие скифов или скифской культуры обладает очевидным и мощным географическим базисом. Вновь созданный ГО является модификацией уже известных культурных и географических знаний и в то же время это – новое знание, которое в определенных целях иначе «сворачивает» географическое пространство. Это представление знаний в том смысле, в котором оно употребляется в теории искусственного интеллекта²⁵³.

ГО могут возникнуть в результате пересечения и взаимодействия различных географических и пара-географических понятий в процессе целенаправленного человеческого мышления, которое вынуждено как бы экономить знание, сжимать его. ГО – это не субпродукт или эрзац настоящего географического знания, а специфическое культурологическое знание, которое является буфером или медиатором между традиционной системой географических знаний – достаточно инерционной и громоздкой – и потребностями жесткого специализированного мышления в различных областях знания и человеческой деятельно-

²⁵³ *Кандрашина Е. Ю.* Элементы семантического представления локативных связей // Новые задачи в информатике. Новосибирск: Наука, 1979. С. 81–95; *Кандрашина Е. Ю., Литвинцева Л. В., Поспелов Д. А.* Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах / Под ред. Д. А. Поспелова. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1989.

сти. География в этом случае как бы идет «вглубь» и одновременно «вовне» земного пространства. Понятие земного или географического пространства расширяется; исследование пространственных структур и систем становится более полным и комплексным. Наконец, меняется и общий «угол зрения», точка отсчета на предмет и методы географии в целом; география становится частью феноменологии культуры.

Репрезентирование ГО (т. е. процесс их представления) опирается на использование текстов различного происхождения – это могут быть научные и художественные тексты²⁵⁴, газетные статьи и информационные заметки, приватная переписка, дневники, официальные документы, стенограммы переговоров, реклама и рекламные слоганы. Графика, живопись, музыка, кино и видео, Интернет – также важные средства представления ГО. В целом для большинства ГО характерен разнородный генезис (гетерогенность происхождения); при этом различные ГО сосуществуют в определенных геообразных пространствах.

Для понимания особенностей и закономерностей развития ГО крайне важно также определить *соотношение понятий ГО и географического про-*

²⁵⁴ См.: *Замятин Д. Н.* Империя пространства. Географические образы в романе Андрея Платонова «Чевенгур» // Вопросы философии. 1999. № 10.

странства. Безусловно, понятие географического пространства является основным, базовым для понимания специфики развития ГО. Различия от места к месту, различия в географическом положении отдельных объектов аккумулируются и усиливаются (в положительном смысле) в понятии ГО. По существу, любой рассматриваемый ГО собирает, или вбирает в себя несколько различных, существующих в реальности, географических пространств. Наряду с этим, в ГО, как правило, происходит качественная трансформация географических пространств, в ходе которой отбираются наиболее интересные с образной точки зрения элементы различных географических пространств, работающие в данной культуре; затем эти элементы сочетаются в разных комбинациях друг с другом с целью нахождения наиболее эффективного сочетания; и далее, наконец, создается сетевая образно-географическая конструкция с выделением некоторых наиболее важных элементов как узловых. В целом, подобный процесс взаимодействия ГО и географических пространств характеризуется как ментально-географический, т. е. как процесс, допускающий возможность построения и эффективного функционирования пространственных систем в культуре, отличающихся от собственно географических пространств, формирующих географическую реаль-

ность. В связи с этим, можно дать и другое, несколько отличающееся от ранее приведенного, определение ГО: *под ГО в настоящем исследовании понимается пространственная система, формируемая или формирующаяся из элементов географических пространств, которые трансформируются в определенные знаки и/или символы, аккумулирующие наиболее интересные с образной точки зрения черты и характеристики исследуемых (рассматриваемых) географических пространств в рамках данной культуры.*

Заметим, что два различных определения ГО, предлагаемые нами, не расходятся между собой, а взаимно дополняют друг друга. Первое определение более операционально и может достаточно эффективно использоваться в прикладных образно-географических исследованиях. Второе определение носит в большей степени методологический характер и может достаточно эффективно использоваться в теоретико-методологических образно-географических исследованиях. Далее в тексте настоящей работы, в зависимости от контекста конкретной решаемой задачи, будут использоваться или подразумеваться оба данных нами определения ГО (либо первое, либо второе).

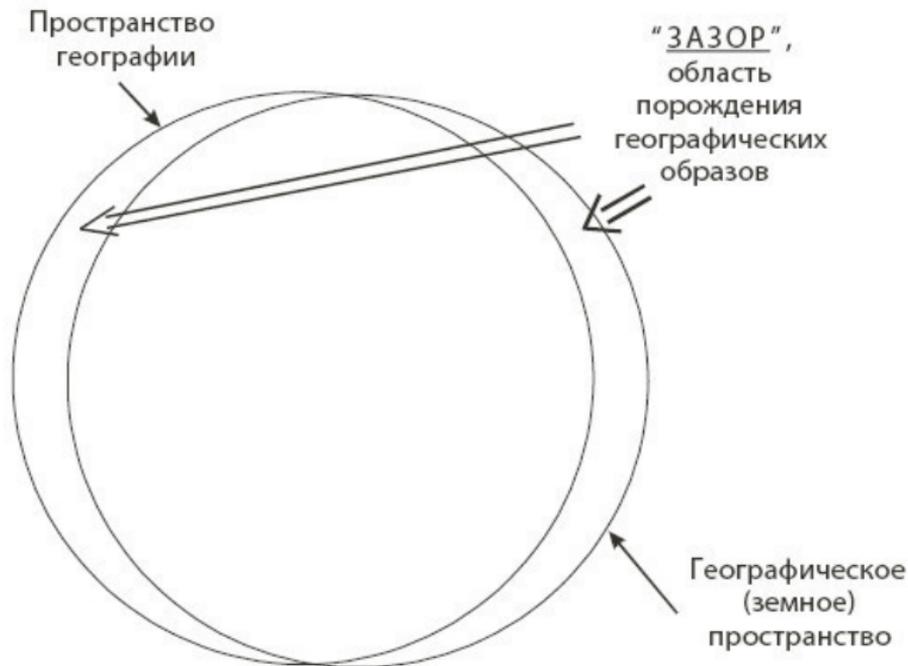

Рис. 3. Методологический «зазор» между географическим пространством и пространством географии

Понятие ГО опирается на феноменологически понятую *пространственность*, то есть «...пространство процессов, взятых *вместе с мыслью* о них, с практикой»²⁵⁵. Родовые ГО – место, район, простран-

²⁵⁵ Костинский Г. Д. Географическая матрица пространственности // Известия РАН. Сер. геогр. 1997. № 5. С. 18.

ство, территория – взаимосвязаны генетически, поскольку деятельность по различению вещей, тел, материальной ткани мира и по осознанию, идентификации смыслов – ведет к их естественному упорядочению²⁵⁶. Образная география создает фактически свое пространство, в котором всякие вопросы «где» приобретают свой смысл²⁵⁷. Таким образом, пространство географии, развивающейся в определенной культуре, стремится в идеале идентифицировать себя с самим географическим пространством. Но постоянное движение, динамика самого пространства географии (она все время как бы уточняет собственные границы и координаты) приводит к несовпадению, образованию естественного зазора между ним и также трансформирующимся в результате этого процесса географическим пространством – происходит своего рода бесконечная и в то же время имеющая конечную цель «методологическая погоня». Постоянно существующий зазор между пространством географии и географическим пространством заполняется различными и разнообразными ГО, которые выполняют роль медиаторов или прокладок (рис. 3). Географические границы (между местами, районами, странами, ландшафтами) как несомненное свидетельство этих простран-

²⁵⁶ Там же. С. 25.

²⁵⁷ Там же. С. 30.

ственно-географических «ножниц» являются, по существу, месторождениями наиболее важных, ярких и продуктивных географических образов.

2.1.4. Географический образ и пространственное мышление

Географический образ неотделим от структур пространственного мышления, которое, как показано Г. Д. Костинским²⁵⁸, связано с понятием мифа. Сакральное пространство и его «первоточка» так или иначе связаны с реальным географическим пространством, а эта связь требует адекватного ей выражения. Мифологическое мышление осознает окружающий его мир прежде всего пространственно, это – понятное и понятное пространство. Географический образ по определению, в силу своей естественной медиативности, использует позитивные стороны мифологического мышления. Так, своеобразной «первоточкой» сталинского сакрального пространства были СССР и зона советской оккупации в Восточной Европе²⁵⁹. Ее осмыс-

²⁵⁸ Костинский Г. Д. Географическая матрица пространственности // Известия РАН. Сер. геогр. 1997. № 5. С. 16–32.

²⁵⁹ Замятин Д. Н. Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Политические исследования. 1998. № 6. С. 80–92.

ление в ходе диалога породило достаточно простую и понятную геополитическую картину мира, которая имела, в известной мере, телесный характер, что наглядно проявилось в обсуждении вопроса об определении принадлежности германских предприятий. Формирование географических образов – это элементы последовательного пространственного осмысления окружающего мира, в ходе которого развиваются экономичные для их создателей и пользователей структуры пространственного восприятия.

Пространственное мышление сочетает в себе и *процедурное знание*, т. е. знание того, как надо действовать, и *знание декларативное*, т. е. совокупность прошлого опыта о тех или иных событиях и действиях. Так, в одном из наиболее распространенных мнемонических приемов греческих ораторов – методе привязки к местам, в котором вещи для запоминания привязывались к пути в хорошо знакомой местности – «для организации декларативной информации используется процедурный контекст»²⁶⁰. Компактный географический образ может аккумулировать эти два основных типа знания, переводя достаточно сложные структуры восприятия и описания географического пространства в своеобразные простые и уни-

²⁶⁰ Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение / Пер. с англ. М., 1988. С. 166.

версальные коды (рис. 4). Исследователями человеческого сознания показано, что кора головного мозга непрерывно пересматривает воспринимаемые образы и объединяет образ, сформированный в ближайшем прошлом, с текущим образом внешнего мира²⁶¹. Вследствие этого удачные и емкие географические образы могут хорошо кодировать результаты именно динамичного пространственного мышления. Время становится естественным параметром этого процесса, а сами географические образы можно трактовать и как геоисторические.

Рис. 4. Структура пространственного мышления и формирование географического образа

²⁶¹ Там же. С. 194.

Пространственное мышление обладает известной целостностью. Для него верен принцип изоморфизма психических, нейрофизиологических и физических явлений, ведущий начало из гештальт-психологии²⁶². Географическое пространство может постоянно перекодироваться сознанием в виде тех или иных географических образов. Принцип изоморфизма как общая форма взаимной упорядоченности множества-сигнала и множества-источника позволяет согласовывать структуры конкретных географических данных и знаний с их определенным представлением. Несмотря на то, что фактически любой географический объект можно считать уникальным, сами географические образы можно отнести к вторичным, т. е. к своеобразным эталонам, аккумулирующим в себе «признаки различных единичных образов»²⁶³. В силу этого обстоятельства географическим образам может быть свойственна симультанность, или «временная панорамность», когда разновременные события и факты могут создать одновременную пространственную структуру. Наконец, в географических образах как вторичных возможно преобразование изначальных географических форм и соотношений в наглядные топо-

²⁶² Веккер Л. М. Психические процессы. Л., 1974. Т. 1. С. 32. См. также: Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.

²⁶³ Веккер Л. М. Указ. соч. С. 279.

логические схемы²⁶⁴. Подобный топологический изоморфизм может вести к увеличению неустойчивости самих географических образов. Следствие этого – цепные реакции, в ходе которых могут создаваться различные иерархические системы взаимосвязанных географических образов, призванные увеличить устойчивость самого целенаправленного пространственного мышления. Пример формирования геополитической картины мира²⁶⁵ – это свидетельство эффективного взаимодействия дотоле разнородных и неустойчивых политико-географических образов.

Пониманию функционирования пространственного мышления и формирования образов в географии может помочь обращение к опыту средневековой индийской логики навья-ньяя, единственной завершённой системы логики вне европейской культуры. В ней «...один «объект» считается «проникающим» другой, если он наблюдается во всех случаях, когда наблюдается другая, или же в большем числе случаев»²⁶⁶. Знание здесь определяется как «...очертание или цельный образ индивидуальной картины. Элементы

²⁶⁴ См.: Там же. С. 286.

²⁶⁵ *Замятин Д. Н.* Указ. соч.

²⁶⁶ *Инголлс Д. Г. Х.* Введение в индийскую логику навья-ньяя / Пер. с англ. М., 1974. С. 31. Ср.: *Варосян С. О., Поспелов Д. А.* Неметрическая пространственная логика // Известия АН СССР. Техническая кибернетика. 1982. № 5. С. 86–89.

картины составляют содержание знания, являющееся репрезентацией внешнего мира...»²⁶⁷. Пространственная сцепленность любых образов внешнего мира ведет к их естественной географизации. Географическая картина мира становится в этом случае картиной географических образов, постоянно трансформирующихся и задающих новые топологические схемы. Характерно, что в этой системе логики «Проникновение можно рассматривать как отношение между парой классов в том смысле, что один класс проникает другой, аналогично тому, как включение рассматривается в качестве отношения между парой классов, если один класс включает другой. Например, выражение «огонь проникает дым» можно интерпретировать в том смысле, что «класс огня проникает класс дыма»²⁶⁸. Таким образом, иерархии и системы географических образов могут быть одновременно как бы взаимопроникающими типологиями, задающими многомерное географическое пространство. Пространственное мышление в этом случае как бы окутывается и страхуется специфическими ментальными структурами, которые перерабатывают традиционные географические знания в пространство самого географического знания. Можно сказать иначе:

²⁶⁷ Инголлс Д. Г. Х. Указ. соч. С. 37.

²⁶⁸ Там же. С. 198.

географическое знание в рамках той или иной культуры как бы географизирует само себя.

По ряду параметров географические образы близки к понятию *фрейма*. Под фреймом в теории искусственного интеллекта понимается структура данных для представления стереотипной ситуации. Сам фрейм можно представить в виде сети из узлов и связей между ними, а семантически близкие фреймы объединяются в системы фреймов. В состав фрейма входят на низких уровнях особые терминалы или ячейки для заполнения характерных примеров и данных. Одни и те же терминалы могут входить в состав различных фреймов²⁶⁹. Одни и те же традиционные географические знания могут участвовать в формировании различных географических образов. Географическое знание, таким образом, развивается в глубину, а уже созданные географические образы структурируют и как бы упрочняют его. «Различные системы фреймов представляют собой различные варианты использования одной и той же информации, локализованной в общих терминалах»²⁷⁰. Традиционные географические данные и знания способны в зависимости от конкретной ситуации порождать разные си-

²⁶⁹ Минский М. Фреймы для представления знаний / Пер. с англ. М., 1979. С. 7–8.

²⁷⁰ Там же. С. 66.

стемы специализированных географических образов. Эти системы могут сосуществовать в условном пространстве географического знания в соответствии с законами неклассической логики, которая предусматривает согласование противоречащих суждений.

Формирование и развитие географических образов может упорядочить структуры пространственного мышления. Будучи цельными и «неделимыми» ячейками пространственного знания, географические образы в то же время динамичны. Пространственное мышление в этом случае становится пространственным не только по целенаправленности, но и по средствам и способам своего функционирования. Постоянное перемещение точки зрения наблюдателя при создании или реконструкции географических образов обеспечивает высокую степень соответствия результатов деятельности «вооруженного» пространственного мышления объективно изменяющимся характеристикам внешнего мира, ибо в этом случае пространство самого мышления стремится совпасть с задаваемыми ему извне параметрами. Поэтому представление пространственных знаний в различных областях культуры с помощью специфических географических образов может быть одним из наиболее перспективных направлений образно-географических или геокультурологических исследований.

2.2. Базовая модель идеального географического образа

2.2.1. Типы географического пространства

В рамках определенной культуры могут существовать различные типы географических пространств. Здесь следует выделить две основные содержательные типологии, весьма важные в контексте создания базовой модели идеального географического образа²⁷¹.

Первая типология географических пространств – по характеру динамики самих пространств. В рамках этой типологии выделяются два типа.

Первый тип – это *пространства максимально динамичные, экстенсивные, расширяющиеся*. Для них характерны открытость, агрессивность, экспансив-

²⁷¹ *Замятин Д. Н.* Образы путешествий: социологическое освоение пространства // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 12–23. См. также уже выделенные нами типологии географического пространства с методологической точки зрения (глава 1, 1.5.2.). Эти типологии взаимно дополняют друг друга, помогая в исследованиях собственно методологических и теоретических аспектов проблемы.

ность, постоянно меняющиеся границы. Такие пространства – череда быстро меняющихся образов. Наиболее яркий пример здесь – это американский фронтир²⁷². Эти пространства как бы случайны, в них можно двигаться по любым направлениям – они изотропны и готовы к любому событию. Экстенсивные пространства во многом характерны для молодых, динамических культур и цивилизаций, или для культур, вторгающихся на новые, ранее не освоенные ими территории. Другие примеры в данном случае – испанско-португальская конкиста в Латинской Америке, освоение Сибири российским государством²⁷³.

Ко второму типу относятся *нединамичные, статичные, равновесные пространства*. Это простран-

²⁷² См.: Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1993; Петровская Е. В. Часть света. М.: Ad marginem, 1995; Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–89; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1; Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М.: Наука, 2001; Turner F. J. The Significance of the Frontier in American History // Proceedings of the State Historical Society of Wisconsin. 1894. № 41. P. 79—112 и др.

²⁷³ См., например: Земсков В. Б. Хроники конкисты Америки и летописи взятия Сибири в типологическом сопоставлении (к постановке вопроса) // Русская литература. 1995. № 3. С. 55–64.

ства хорошо освоенные, обладающие стабильными образами, содержательно колеблющимися вокруг точки образного равновесия. Интенсивность их освоения определяет их анизотропность – в таких пространствах можно двигаться только по определенным направлениям, а любое событие поддается быстрому пространным. Пространственность здесь становится естественной. Небольшие западноевропейские страны – Бельгия, Нидерланды, Люксембург – хорошие примеры таких пространств.

В отличие от первой, **вторая типология географических пространств основана на различии внешних и внутренних факторов развития пространств.** Иначе – это *типология по механизму развития пространств*. Этот механизм определяется позицией наблюдателя, характеризующего пространство – внешней или внутренней²⁷⁴. Здесь также выделяются два главных типа.

Первый тип – это пространство внешнее, формирующееся под воздействием внешних факторов. Наблюдатель, создающий своим взглядом и восприятием такое пространство, находится снаружи. Наиболее часто внешнее пространство формируется в ходе

²⁷⁴ См.: Ямпольский М. Б. Наблюдатель. Очерки истории видения. М.: Ad marginem, 2000; Он же. О близком (Очерки немиметического зрения). М.: НЛО, 2001.

путешествия, когда наблюдатель постоянно изменяет свою позицию, которая, тем не менее, остается все время внешней. По этому механизму чаще выстраиваются более масштабные и глобальные образы – стран²⁷⁵ или континентов. Наиболее интересные примеры здесь – путевые записки французского дипломата и писателя XIX в. маркиза де Кюстина о России и путевые записки современного французского философа Ж. Бодрийера об Америке²⁷⁶.

В рамках второго типа наблюдатель занимает внутреннюю позицию, он как бы вживается в пространство изнутри. Все события привязываются к определенному месту, их, как правило, не так и много. Так формируются внутренние пространства, становящиеся источниками более локальных, местных образов. Такая позиция часто характерна, скажем для поэта или художника, постоянно живущего в своей родной местности (примеры – французский художник Сезанн, прославившийся видами родного Прованса и горы Сен-Виктуар, и американский поэт Роберт Фрост, ставший певцом родной Новой Англии).

²⁷⁵ См.: *Замятин Д. Н.* Образ страны: структура и динамика // *Общественные науки и современность.* 2000. № 1. С. 107–115.

²⁷⁶ *Бодрийер Ж.* Америка. СПб.: «Владимир Даль», 2000.

2.2.2. Методологические и теоретические основания базовой модели идеального географического образа

Факторы, определяющие построение и функционирование базовой модели идеального ГО: 1) *субъект ГО* – кто (отдельный индивидуум, профессиональная или социальная группа), с какими целями и с какими ресурсами разрабатывает, явно или неявно, данный образ; 2) *контекст, или среда развития ГО* – культурно-исторические, социальные, политические и экономические условия развития образа (фундаментальный социокультурный контекст); 3) *геопространственные ресурсы развития ГО* – система информации, знаний и образов (научных, общеизвестных для данной эпохи и культуры) о географическом пространстве, служащем основой создания или разработки образа. Данные факторы оказывают влияние также на особенности динамики и траектории развития конкретных ГО.

Под *идеальным ГО* понимается пространственная система, формируемая или формирующаяся из элементов географических пространств; причем эти эле-

менты представляют собой готовые знаки и/или символы, аккумулирующие в пределе все интересные с образной точки зрения черты и характеристики рассматриваемых географических пространств. Идеальный ГО – это теоретический конструкт, подобный, например, понятию идеального газа в физике, или же понятию идеального государства у И. фон Тюнена. Данный теоретический конструкт можно рассматривать также и как элемент (понятие) виртуальной географии²⁷⁷. Главное, что отличает идеальный ГО от бесконечного множества конкретных ГО – отсутствие транзакционного механизма, сопротивления социокультурной среды (или образного «трения» в терминах физики), значительной когнитивной дистанции (в пределе она стремится к нулю) между пространствами и образом, их отражающим или выражающим. Понятие идеального ГО необходимо для более полного понимания общих структур функционирования моделей ГО.

Понятие модели по отношению к ГО трактуется нами менее жестко, нежели в ряде естественных и об-

²⁷⁷ Ср.: Шупер В. А. Мир виртуальных объектов в географии // Географическое пространство: соотношение знания и незнания // Первые сократические чтения по географии / Отв. ред. Г. А. Приваловская. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1993. С. 18–22.

ественных наук²⁷⁸. Такой подход к моделированию ГО объясняется, прежде всего, определенной нечеткостью, расплывчатостью внешних границ и самой структуры ГО, что связано с частым совмещением, сосуществованием в ГО объектов, имеющих в реальности совершенно различные географические положения²⁷⁹. Кроме того, модели ГО можно назвать относительно «мягкими» и в силу сравнительно высокой динамичности, изменчивости самих ГО. Такая изменчивость ГО объясняется большим количеством общественных – культурных, социально-экономических и политических – факторов, оказывающих влияние на его развитие. Наконец, траектории развития исследуемого ГО в значительной мере зависят от его взаимодействия с другими ГО, создающими трансформационный контекст изучаемого ГО. Поэтому, в известной степени, понятия ГО и его модели во многом близки понятию нечеткого множества (fuzzy set), введенному в науку Л. Заде²⁸⁰.

²⁷⁸ См.: *Вартофский М.* Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988.

²⁷⁹ *Замятин Д. Н.* Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999; *Он же.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003.

²⁸⁰ *Zade L.* Fuzzy sets // *Information and Control*. 1965. Vol. 8. P. 338–353.

Рис. 5. Структура базовой модели идеального географического образа

Структура базовой модели идеального географического образа.

Данная модель состоит из следующих системных (функциональных) блоков (рис. 5):

1) *Основной блок*, включающий в себя качественные характеристики географических пространств, которые непосредственно, без дополнительной трансформации могут служить в качестве элементов

образных описаний – например, такие элементы, как бесконечность, теснота, бескрайность, пограничность, холодность, пустынность, цветение, безлюдность и т. д. Эти элементы представляют собой архетипы описания различных географических пространств.

2) *Блок трансформаций*, объединяющий механизмы географической метафоризации и метонимизации, а также базу ключевых географических метафор – например, «Петербург – голова, а Москва – сердце России, «Петербург – северная Пальмира», «Япония – Англия Азии» и т. д. Механизмы географической метафоризации и метонимизации представляют собой наиболее вероятные образные «цепочки», работающие на основании тех или иных элементов из основного блока.

3) В *блоке инноваций* представлены механизмы отбора каких-либо новых эффективных метафор и метонимий из внешней среды (как правило, из научных, художественных, политических и т. д.). Механизмы отбора новых метафор и метонимий основаны, прежде всего, на оценке когнитивной насыщенности и эффективности вновь возникающих образов, учитывающей при этом контексты (культурный, политический, экономический и т. д.) их порождения. Например, высказывание «Россия – это Азиопа» должно оцениваться

в политическом и общественном контексте его употребления; данный контекст влияет на итоговое решение о введении или невведении высказывания в блок трансформаций.

4) *Блок синтеза*, включающий в себя процедуры создания или реконструкции ГО. В эти процедуры входит: а) выбор центрального знака или символа; б) его уточнение с помощью данных из основного блока; в) выбор дополнительных (периферийных) знаков и символов, работающих на повышение когнитивной эффективности центрального символа – с помощью данных из блока трансформаций; г) метафоризация и метонимизация (при необходимости) выбранных периферийных знаков и символов с помощью механизмов из блока трансформаций; д) адаптация построенного ГО, учитывающая цели его создания (или реконструкции), а также контексты его возможного функционирования. Адаптация образа осуществляется с помощью блока инноваций, обеспечивающего прямое обновление части используемых метафор и метонимий. Блок синтеза находится на границе модели с внешней средой, что закрепляет принцип открытости системы в целом.

Существуют *инварианты структуры базовой модели идеального ГО*, т. н. горизонтальный и вертикальный. *Горизонтальный инвариант*, или концен-

трический – это представление структуры базовой модели как системы «центр – периферия». В данном представлении ядро (центр) идеального ГО составляют наиболее важные и устойчивые знаки и символы, характеризующие образ. Непосредственно вокруг ядра расположена полупериферия, в которую входят достаточно важные, хотя и менее устойчивые, чем в ядре, знаки и символы. Далее следуют ближняя периферия (знаки и символы, потенциально важные для образа в целом, хотя пока слабо используемые) и дальняя периферия (знаки и символы, возможные в характеристике образа, однако их значимость пока не определена или не ясна) (рис 6). Зоны, расположенные вокруг ядра (центра) образа, можно также называть образными оболочками, или упаковками, соответственно нумеруя их (1, 2, 3, ... n) или же давая им содержательные названия. Как правило, при исследовании конкретных ГО часто прослеживается и динамика их концентрической структуры – в сторону увеличения или уменьшения образных оболочек. Например, образ Лондона как центра постоянных встреч министров иностранных дел стран-союзниц во второй мировой войне в ходе политических переговоров на Потсдамской мирной конференции (1945 г.) был заметно упрощен: две образные оболочки (упаковки) были в итоге сведены к одной, аккумулирующей пре-

Рис. 6. Горизонтальный (концентрический) инва-

²⁸¹ См.: *Замятин Д. Н.* Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Политические исследования. 1998. № 6. С. 80–92.

риант базовой модели идеального ГО.

Вертикальный инвариант базовой модели идеального ГО предполагает иерархическую организацию образа с выделением различных по важности уровней (частей) (рис. 7). В принципе, этот инвариант достаточно легко трансформируется в горизонтальный; речь здесь идет, по существу, лишь о различных способах репрезентации идеального ГО. Вместе с тем вертикальный инвариант базовой модели позволяет достаточно легко перейти к сетевой организации модели, в которой не существует постоянной устойчивой иерархии сетевых узлов (отдельных знаков и символов). Такая организация модели позволяет быстро адаптировать модель к изменениям во внешней среде (сеть может легко перестраиваться, меняя при этом и иерархию отдельных узлов). В то же время сетевая структура быстро преобразуется исходя из внутренних импульсов к большей эффективности ее организации. Такие изменения в сетевой структуре могут вести к кардинальному изменению всего образа в целом. Отмеченные процессы, как правило, наиболее характерны для СМИ, в которых возможность быстрой организации интенсивного потока целенаправленной информации ведет часто, явно или неявно, к «перерождению» первоначально

взятого образа. Так, образ Австралии в СМИ в ходе подготовки и проведения Олимпийских игр в Сиднее (2000 г.) был заметно европеизирован, причем он был вписан в контекст «старой доброй Европы», европейской культуры первой половины XX в.²⁸².

В целом базовая модель идеального ГО, в тех или иных структурных инвариантах, позволяет достаточно эффективно исследовать основания конкретных ГО, готовить базу для дальнейшего описания специфических закономерностей их развития в рамках культуры.

2.2.3. Первичное образно-географическое «зондирование» крупного региона: пример Восточной Европы

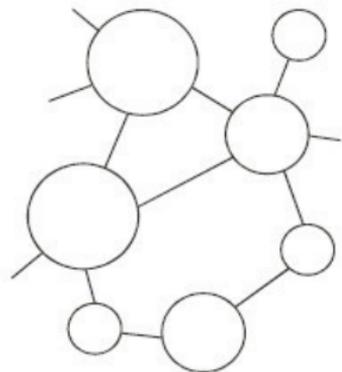
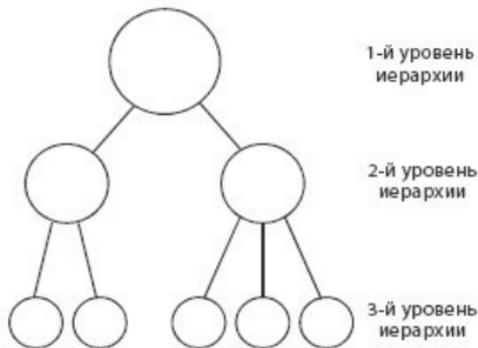
Восточная Европа – тот регион мира, чьи географические образы одновременно оказываются под вопросом и бесконечно тасуются, как карты²⁸³. Геогра-

²⁸² *Замятин Д. Н.* Структура и динамика политико-географических образов современного мира // *Полития*. 2000. Осень. № 3 (17). С. 116–122.

²⁸³ См.: Регионализация посткоммунистической Европы (Политическая наука. 2001. № 4). М.: ИНИОН РАН, 2001; *ВульфЛ.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003; *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей.

фическая самоидентификация региона – это строгая иерархия его образов, которые могут меняться, модифицироваться, стираться, однако место на образно-географической карте сохраняется. Но место Восточной Европы на этой карте порой видится «белым пятном». Почему это так?

Геокультурные образы Восточной Европы (именно они играют главную роль в ее самоидентификации) как бы смещены на периферию образно-географической карты Европы. Восточная Европа сомнительна в том плане, что все образы, кои должны или могут ее представлять, изначально и по преимуществу – «варяги». Восточная Европа как генеральный геокультурный образ – это «объедки с барского стола» Средиземноморья, Скандинавии, Западной Европы, Римской империи, Золотой Орды и Византии. Последнее особенно важно.

Иерархическая
организация
географических
образов

Сетевая
организация
географических
образов
(фрагмент)

Условные обозначения

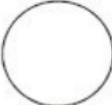
- Наиболее важные знаки и символы
- Важные знаки и символы
- Второстепенные знаки и символы

Рис. 7. Вертикальный инвариант базовой модели идеального ГО

Проблема византийского наследия существует в той мере, в какой сам геокультурный образ Византии существует в образно-географической структу-

ре Восточной Европы. Восточно-Средиземноморский по преимуществу, геокультурный образ Византии движется с юга и, тем самым, сдвигает весь образ Восточной Европы к югу и юго-западу – она становится более южной, более причерноморской и даже более западной. Действительно, Восточная ли Европа Заповолжье или Башкирия? Физико-географический (или традиционно-географический) ракурс в данном случае лишь «материнская порода», субстрат. Если образ Византии (пульсирующий, по сути, во времени и этим живущий) становится все более жизненным и актуальным (с точки зрения геокультурной практики и геокультурной политики), то он оттесняет тем самым соседние, порой не менее важные в прошлом образы Восточной Европы – тот же весьма яркий локальный геоисторический образ Скандовизантии (термин, предложенный Д. С. Лихачевым)²⁸⁴.

Этно– или национально-географические образы Восточной Европы (прежде всего Руси, России, Польши) одновременно и членят, разрывают единое образно-географическое поле Восточной Европы, и формируют его «ткань», его наиболее яркие «узоры» (рис. 8). Геокультурная история Восточной Европы естественным образом испытывает недоста-

²⁸⁴ Лихачев Д. С. Два типа границ между культурами // Русская литература. 1995. № 3. С. 4–6.

ток, дефицит связных цепочек, систем, комплексов устоявшихся геокультурных образов, постоянно разрушавшихся и разрушающихся в результате частых военных, политических или дипломатических вторжений²⁸⁵. В этой ситуации физико-географические образы Черного и Балтийского морей, Карпат являются, пожалуй, самыми совершенными синонимами, а, может быть, и суррогатами наиболее устойчивых геокультурных образов Восточной Европы.

Рис. 8. Генерализованная образно-географическая карта Восточной Европы (вариант с преобладанием историко-географических образов)

Память о Византии, актуализированная и гео-

²⁸⁵ Вульф Л. Указ. соч.

графически артикулированная, – это очень органичный инструмент образно-географического «строительства» Восточной Европы. Геополитическая и геокультурная практика Византии была связана с очень тонким структурированием географического пространства, попавшего в ее сферу влияния²⁸⁶. Парадокс заключается в том, что относительно небольшая по территории в поздний период своего существования Византия «размазывала» свой образ на большие пространства юго-западного «угла» традиционной в географическом смысле Восточной Европы. Реальная Восточная Европа как бы сжималась до масштабов византийского образно-геокультурного поля (рис. 9).

²⁸⁶ *Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М.: Янус-К, 1998; *Замятин Д. Н.* Геокультура: образ и его интерпретации // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 5—13.

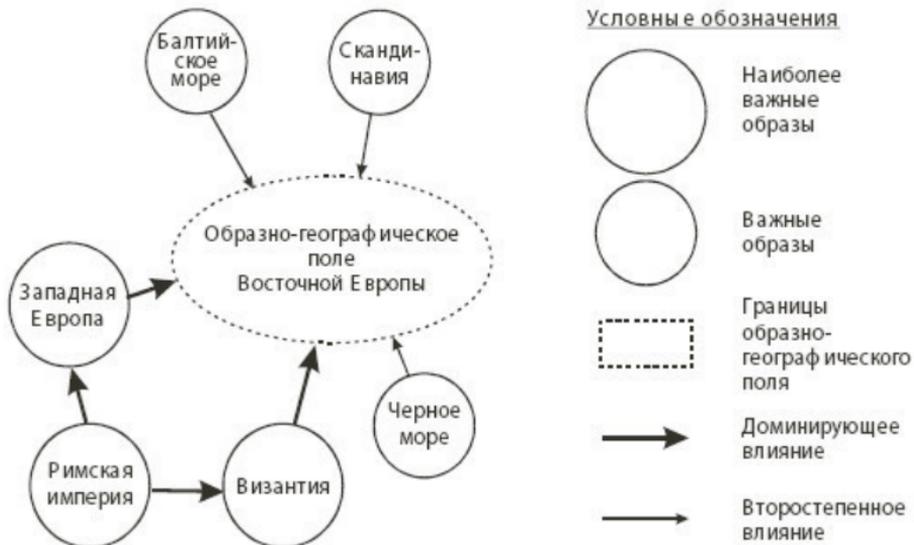

Рис. 9. Процесс формирования образа Восточной Европы (с преобладанием историко-географических образов)

Серьезным противовесом этому византийскому полю могли быть лишь более локальные и менее фундированные геокультурные образы Скандинавии и Средней (Центральной) Европы. Принятый в современной политической географии термин «Центрально-Восточная Европа» является столь явным и политизированным компромиссом, что вполне четко обнажает зазор, «ущелье» между этими образно-геогра-

фическими полями²⁸⁷. Трансляция древней идеи Рима, средиземноморской по своей сути, привела к ее сильнейшей архаизации, с одной стороны, и значительной трансформации, – с другой. Глубоко вторичная идея «третьего Рима», которая муслировалась не только Москвой, но и Прагой²⁸⁸, есть не что иное, как явный индикатор образно-географической экспансии Византии. С образно-географической точки зрения, Византия – это Восточная Европа, облеченная в «одежды» Древнего Рима.

Действительная работа по образно-географическому моделированию Восточной Европы (коль скоро это может быть важным и даже центральным элементом самоидентификации региона) связана с точным оконтуриванием ее образно-географического поля, структурированием этого поля вокруг, очевидно, пока базового образа Византии, а затем и с активной артикуляцией «веера» наиболее ярких образов Восточной Европы – не столь автохтонных или оппонирующих географическим образам Западной Европы, сколь генетически устойчивых в историко-культурном контексте

²⁸⁷ Регионализация посткоммунистической Европы (Политическая наука. 2001. № 4). М.: ИНИОН РАН, 2001.

²⁸⁸ См.: Мельников Г. П. «Этнославизм» в культурно-политической концепции Карла IV // Славяне и их соседи. Вып. 8. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М.: «Наука», 1998. С. 74–80.

и порождающих все новые производные образно-географические «цепочки».

2.3. Методология изучения процессов формирования и развития географических образов

2.3.1. Механизмы формирования и развития географических образов

Говоря о взаимосвязях географических образов и человеческой деятельности, необходимо обратиться к генезису, происхождению этих образов. Он, как, впрочем, и любые типы человеческой деятельности, обнаруживается, конечно, в культуре того или иного сообщества. Пространство, по сути дела, как и его образы, создаются культурой и/или цивилизацией, которая их осознает, живет ими и в них (см. 1.5.). Поэтому рассмотрим более внимательно механизмы происхождения географических образов.

На традиционное физико-географическое пространство накладываются многочисленные «слои», различные по происхождению, структурам, способам функционирования и специализации образов географического пространства. Эти образы совмещаются, сосуществуют в традиционном пространстве

(рис. 10). Основная исследовательская проблема при этом – нащупывание механизмов и каналов взаимодействия различных образов географического пространства с последующими попытками идентификации основных типов их трансформаций, их характера и масштабов. Так, на уровнях страны²⁸⁹, региона²⁹⁰, небольшой местности²⁹¹ могут происходить совершенно различные образные взаимодействия и трансформации, ведущие к доминированию и созданию принципиально разных образов географического пространства.

²⁸⁹ См.: *Замятин Д. Н.* Образ страны: структура и динамика // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1. С. 107–115.

²⁹⁰ *Колобов О. А., Макарычев А. С.* Регионализм в России: попытка определения понятия // *Регионоведение*. 1999. № 2. С. 140–172; *Стрелецкий В. Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // *Известия РАН. Сер. геогр.* 2002. № 4. С. 18–29.

²⁹¹ *Митин И. И.* Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004.

Рис. 10. Общий механизм формирования образов географического пространства

Трансформация образов географического пространства. Проблема трансформации образов географического пространства заключается, прежде всего, в нахождении адекватных ей способов репрезентации и интерпретации этих образов. Необходимо, в первую очередь, образное отдаление от определенного пространства, позволяющее увидеть «рельеф» самого образа. Совокупность таких способов трансформации назовем образной геоморфологией.

Концептуальной базой образной геоморфологии является традиционная геоморфология, как классическая, так и современная²⁹². Среди основных научных направлений современной геоморфологии наиболее эффективными в образном смысле могут стать модели динамической геоморфологии²⁹³. Использование таких моделей позволит как бы географизировать сами образы пространства; это, по сути, совокупность очень интенсивных способов трансформации образов.

Основной смысл подобных трансформаций – до-

²⁹² См. также: *Родоман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999.

²⁹³ *Ласточкин А. Н.* Морфодинамический анализ. Л.: Недра, 1987.

биться естественной экономии, рационализации мысли о географическом пространстве. Географическое пространство, осмысляемое в культуре и культурой, как бы должно представить себя географически. Мысль сама становится геопространственной, максимально географизируется; происходят процессы параллельных совмещений образов географического пространства в пределах самой мысли о них. Результат таких трансформаций – создание эффективных географических образов.

Механизм создания и трансформации географических образов. Механизм создания и трансформации географических образов в общих чертах можно описать следующим образом. Человеческое мышление оперирует определенным множеством географических понятий разной степени сложности и различных уровней генерализации. Для достижения конкретной цели создается специфическая модель условной географической реальности. Она представляет собой анаморфированное географическое пространство, замещающее собой исходное и как бы громоздкое представление о маркированном географическом объекте.

Создание хотя бы одного устойчивого географического образа ведет за собой, как правило, создание других географических образов, близких или смежных

по использованию конкретных географических понятий. Это своеобразная «цепная реакция», которая может привести к формированию целых карт географических образов, представляющих собой самостоятельные и автономно функционирующие географические картины мира. Совместная человеческая деятельность может приводить к одновременному существованию и взаимодействию различных географических картин мира – как в рамках одной культуры, так и в пространстве межкультурного общения. Возможно также существование различных географических картин мира в сознании или подсознании одного человека, в соответствии с различными сферами его профессиональной и бытовой деятельности.

Какие процессы преобладают при создании географических образов? *В большинстве случаев географические образы – результат двух основных процессов: процесса целенаправленного конструирования и процесса реконструкции, выявления, идентификации.* Процесс реконструкции похож на процедуры прорисовки на христианских иконах с целью обнаружения главных контуров рисунка. Соотношение выделенных процессов зависит от позиции исследователя географических образов.

2.3.2. Принципиальная схема формирования и развития географического образа

Данная схема коррелирует с базовой моделью идеального ГО. Их сходство состоит в целях создания: в обоих случаях это – обобщение особенностей и закономерностей развития ГО на основе системного подхода. В то же время, в отличие от базовой модели идеального ГО, **принципиальная схема формирования и развития ГО характеризует прежде всего качественные особенности и закономерности самой образно-географической динамики**, специфику рассматриваемых процессов.

Настоящая схема включает следующие процессы:

1) *процессы препарирования исходных образов и символов, характеризующих определенный географический объект.* Эти процессы ведут к тому, что любой конкретный ГО может рассматриваться обязательно в соответствующем ему контексте. Иначе говоря, любой ГО создает свою среду формирования и развития. Тем самым, географический объект и соответствующий ему ГО имеют различные контексты и среды развития. Так, изучение ГО границ показы-

вает, что обостренное внимание общества к проблемам формирования политико-географических границ в определенную эпоху может вести к формированию соответствующих этим объектам историко– и культурно-географических образов, имеющих свои контексты и среды развития²⁹⁴.

2) *Процессы социокультурного соотнесения ГО к порождающему его объекту.* Определенные архетипы, знаки и символы, составляющие какой-либо ГО, рассматриваются как достаточно самостоятельно функционирующие и, тем самым, непосредственно воздействующие на процессы, происходящие в обществе. Так, понятие и образ геокультуры включает в себя факторы непосредственного воздействия образа жизни, сложившегося в рамках определенной культуры или цивилизации в конкретных географических условиях, на соседние, смежные и даже более далекие культуры и цивилизации – подобные процессы были характерны, например, для китайской цивилизации в течение нескольких тысячелетий; в эпоху глобализации такое происходит при экспансии евро-американской цивилизации. Процессы дистанцирования, вообще характерные для образного разви-

²⁹⁴ *Замятин Д. Н.* Стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ // Вестник исторической географии. № 2. М.; Смоленск: Ойкумена, 2001. С. 4—15.

тия любой культуры, в образно-географическом плане приобретают еще большее значение, поскольку сконцентрированные, сфокусированные по пространственному основанию конкретные архетипы, знаки и символы получают дополнительное когнитивное целеполагание²⁹⁵. В прагматическом выражении вышеизложенному могут соответствовать такие обобщенные высказывания, как «Здесь можно жить также, как там», или «Там всегда лучше, чем здесь», или «Надо всегда следовать за этой страной (городом, регионом)», и т. д.

3) *Процессы морфологической трансформации ГО*, которые рассматриваются в двух аспектах: а) *морфологическая трансформация ГО по отношению к соответствующему ему географическому объекту*, которую можно также назвать «искажением» или «искривлением» исходных свойств объекта; б) *морфологическая трансформация ГО самого по себе*. В первом случае происходит отбор элементов (свойств) географического объекта, которые представляют собой уже готовые знаки и символы, или же легко мо-

²⁹⁵ См. в связи с этим: Дубин Б. Запад, граница, особый путь: символика «другого» в политической мифологии России // Неприкосновенный запас. 2001. № 3(17). С. 77–89; Он же. Запад для внутреннего употребления // Космополис. Весна 2003. № 1(3). С. 137–154; Он же. «Противовес»: Символика Запада в России последних лет // Pro et Contra. 2004. Т. 8. № 3. С. 23–36.

гут быть переведены, трансформированы в соответствующие знаки и символы. Так, огромные физические размеры территории России достаточно легко трансформируются в архетипы и символы бескрайности, безграничности, бездонности, пустоты, страшно-сти, пустынности, и т. д. – что хорошо отрефлектировано в художественных и философских текстах XIX–XX вв.²⁹⁶ Во втором случае происходит «автоматическое» саморазвитие возникшего ГО, связанное с системным эффектом. Трансформированные по сравнению с исходным объектом, архетипы, знаки и символы, составляющие ГО, в процессе взаимодействия меняют морфологию образа, делают ее более совершенной, более «обтекаемой», исходя из траектории, особенностей развития самого образа. Например, экономико-географические образы Центра и регионов в современной России 1990-х гг., отражая особенности развития самих объектов (традиции сильной централизации планирования и управления), в то же время активно меняли свои формы – образы регионов в сторону идеализации местных традиций и обычаев прошлого, а образ Центра, тесно «завязанный» на эти образы, дрейфовал в сторону знаково-символического оформления над-экономических, монито-

²⁹⁶ Пространства России: Хрестоматия по географии России. Образ страны / Авт. – сост. Д. Н. Замятин, А. Н. Замятин. М.: МИРОС, 1994.

ринговых функций²⁹⁷.

4) *Процессы временного запаздывания в изменениях ГО по сравнению с соответствующим ему географическим объектом (временной лаг ГО, или образно-географический лаг)*. Формирование подобных образно-географических лагов связано с тем, что развитие географического объекта (территории, страны, региона и т. д.) меняет, как правило, условия выбора знаков и символов для соответствующего ГО. В то же время меняются, в связи с этим, и способы репрезентации и интерпретации ГО. Трансформация ГО, как и разработка новых способов его репрезентации и интерпретации, требует определенного времени. Так, изучение особенностей формирования ИГО регионов России в контексте региональной политики и государственного управления (Юг России, Сибирь, Дальний Восток) показывает, что такой лаг может составлять не менее нескольких десятилетий – реакция и рефлексия Центра на новые условия развития регионов, проявляющаяся в формировании новых региональных ГО в самом Центре, как правило, запаздывает²⁹⁸.

²⁹⁷ *Замятин Д. Н.* Экономико-географические образы Центра и регионов // *Российские регионы и центр: взаимодействие в экономическом пространстве*. М.: ИГ РАН, 2000. С. 92–98.

²⁹⁸ *Замятин Д. Н.* Историко-географические аспекты региональной

как внутренние (природный субстрат территории, история освоения, социальная структура населения, отраслевая структура хозяйства, система расселения), так и внешние (географическое положение, роль в истории региона или страны, история восприятия территории и т. д.) факторы (рис. 12). Деление факторов развития ГО относительно, так как один и тот же фактор – в зависимости от точки зрения – может рассматриваться и/или как внутренний, так и внешний (например, история освоения) (см. также 2.2.).

Одна из наиболее важных методологических проблем, возникающих при изучении процессов формирования ГО – это их наблюдение и фиксация. Как можно наблюдать – в статике или динамике – географическое пространство или территорию, фиксируя при этом постепенно формирующиеся ГО наблюдаемой территории? На наш взгляд, необходимо рассмотреть наиболее благоприятный социальный и культурный контекст, в котором могут возникать и развиваться достаточно просто и часто фиксируемые ГО. Такой социальный и культурный контекст – это *миграции*, к которым относится – как один из видов – также путешествие.

Миграции – один из наиболее важных факторов формирования ГО территории. В ходе миграций происходит перенос определенных пространственных

представлений на новую территорию, на которой происходит столкновение и взаимодействие автохтонных и «пришлых» пространственных представлений²⁹⁹. В результате, в течение достаточно длительного времени формируется новый ГО, включающий в себя и эндогенные, и экзогенные элементы. Отметим, что можно говорить о множестве ГО одной и той же территории, в зависимости от того, кто (социальная или корпоративная группа, художник, писатель, СМИ) является активным создателем или проводником конкретного ГО.

²⁹⁹ См., например: *Вахтин Н., Головки Е., Швайццер П.* Русские старожилы Сибири. М.: Новое издательство, 2004.

Рис. 12. Факторы, влияющие на развитие ГО

Характер или тип миграции определяет конфигурацию, свойства и структуру ГО. Так, сезонная летняя миграция писателя или художника на дачу, в деревню может привести к формированию пасторального художественного ГО этой территории. При этом сам образ, в зависимости от силы художественного воздействия, может быть трансформирован в образ более высокого таксономического уровня. Например, карти-

ны Левитана, написанные им в Плесе, могут восприниматься как художественные образы Средней России в целом. То же можно отнести и к «мещерскому» циклу Паустовского. В свою очередь, массовая иммиграция на территорию по социально-экономическим мотивам с целью постоянного проживания ведет, как правило, к «размыванию» традиционного, зачастую архаизированного автохтонного образа (с культом местного писателя или художника, ученого; сетью традиционных краеведческих музеев, призывами к сохранению местных традиций и исторического прошлого в СМИ) и постепенной «космополитизации» образов. Это может быть связано и со значительным культурным «снижением» образа (Петербург как «криминальная столица России»), и с увеличением количества весьма разнородных, составляющих его элементов. ГО территории становится значительно больше, они становятся более специфическими, отражая пространственные представления различных (этнически, социально, культурно или политически «окрашенных») сегментов общества. Свести воедино все эти образы и создать некий общий и объективный ГО территории в данном случае практически невозможно.

Особенно интересен с точки зрения формирования ГО территории такой тип миграции, как путеше-

стве. Путевые записки, как правило, являются богатейшим источником для выявления или создания ГО территории. Это связано со специфической установкой самого путешественника. Установка на движение, на восприятие географического пространства в динамике; необходимость постоянного дистанцирования от сменяющих друг друга объектов восприятия ведут к формированию динамического ГО территории со значительным визуальным компонентом. В путевом ГО территории также велика роль «реактивных» элементов, когда тот или иной ландшафт вызывает у путешественника реакцию, связанную с его фундаментальными социокультурными представлениями. Классический пример – записки маркиза де Кюстина о России³⁰⁰. Следовательно, путевой ГО территории может быть максимально насыщен социокультурными реалиями эпохи; в то же время он может реминисцентно включать в себя образы других территорий (там, где родился, жил, бывал путешественник), зачастую сильно удаленных от района путешествия³⁰¹

³⁰⁰ Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. М.: Изд-во Сабашниковых, 1996. См. также: Рыклин М. Вечная Россия. Две интерпретации на тему маркиза де Кюстина // Авто(био)графия. М.: Логос, 2001. С. 241–260.

³⁰¹ См., например: Путевые записки итальянских путешественников XIV века // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1982. С. 9—113; Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого / Вступит. ст., публ. и коммент. Н. В. Котре-

(см. рис. 13). По сути дела, это образ – «матрешка», аккумулирующий наиболее яркие компоненты сразу нескольких образов.

ГО территории обладают миграционной «подвижностью». Во-первых, сам образ может расширяться, включая элементы географических реалий соседних территорий – в результате формируется новый, более яркий и мощный образ. Во-вторых, ГО территории могут перемещаться со своими носителями, трансформируясь по ходу миграции и влияя на траекторию миграции. Так, украинцы, переселяясь в конце XIX – начале XX вв. на Дальний Восток, стремились осваивать территории, близкие по ландшафтным характеристикам территориям их выселения. Переносились также стереотипы пространственного поведения, отношение к ландшафту, которые по мере освоения новой территории все же изменялись.

Процедуры наблюдения и путешествия: образные культурно-географические проблемы. Путешествие как акт репрезентации и интерпретации должно рассматриваться, прежде всего, в образном культурно-географическом контексте, при этом оно прямо зависит от структуры соответствующих процедур наблюдения. Здесь стоит обратить внимание на глубо-

кое исследование М. Б. Ямпольского «Наблюдатель. Очерки человеческого видения»³⁰². Задавшись целью детально проанализировать эволюцию структур человеческого видения, автор затронул ключевые проблемные точки концептуального развития социальной и культурной географии, культурной антропологии, социологии и искусствознания. Исходная энергетика исследования – в попытке увидеть геокультурные пространства как автономные потоки образов, связанных с позицией наблюдателя.

Рис. 13. Факторы формирования географического образа в ходе путешествия

³⁰² Ямпольский М. Б. Наблюдатель. Очерки человеческого видения. М.: Ad marginem, 2000.

Классическое зрение, чьи принципы были сформированы еще в древности, может до бесконечности фиксировать последовательные позиции наблюдения, добиваясь тщательной проработки деталей. Однако методологическая надежность этих позиций стала снижаться одновременно с возникновением образов, репрезентации и интерпретации которых опирались на возможности быстрого расширения пространства видения. Первоначальные попытки живописцев XVIII–XIX вв. сохранить в своих произведениях классические и новые принципы видения столкнулись с невозможностью четкой фиксации позиции наблюдателя. Наблюдатель стал постепенно расставаться со своей субъектностью³⁰³, а его тело становилось лишь частью репрезентируемых и интерпретируемых им образов³⁰⁴. В сущности, главная трансформация заключалась в том, что наблюдатель перестал себя центрировать; Центр мира (= позиция наблюдения) стал резко пустеть, «на глазах» превращаться в пустоту³⁰⁵.

Что требовалось для практически бесконечного расширения человеческого глаза? Формируемые в процессе видения на основе природных явлений

³⁰³ Там же. С. 267.

³⁰⁴ Там же. С. 284.

³⁰⁵ Там же. С. 230.

культурные ландшафты (вулканы³⁰⁶, облака³⁰⁷, водопады³⁰⁸) стали восприниматься как мощные, плотные и интенсивные (при этом вполне самостоятельные) геокультурные образы, которые могли мигрировать, перемещаться, путешествовать в собственных, аутентичных пространствах. Так, наблюдение водопадов в XIX в. вело к постоянному воспроизводству сакральной географии Египта, а описание вулканов сопровождалось сокрушающей экспансией световых зрелищ, разрушавших всякие перегородки между внутренними и внешними пространствами. Трансцендирование пейзажей, а, по сути, также их самостоятельное воспроизводство вне зависимости от попыток наблюдателя нащупать «реальную почву» под ногами, установить свое положение в традиционном географическом пространстве, стало неременным условием существования сферы тотального геокультурного визионерства.

Уже к началу XX в. накопилось достаточно много концептуальных опытов художников, писателей, философов, критиков, режиссеров, архитекторов, боровшихся «за пустоту», замышлявших побег в растворяющее их пространство – максимальная прозрач-

³⁰⁶ См.: Там же. С. 101 (пример Везувия как светового зрелища).

³⁰⁷ Там же. С. 67 (облака в Италии и светофания).

³⁰⁸ Там же. С. 188 (трансцендирование пейзажа и водопад).

ность пространства, отождествление пространства с тотальным наблюдением и исчезновение позиции наблюдателя как таковой становились каноном нового зрения³⁰⁹. Среди «героев» тотального наблюдения – Жан-Жак Руссо и Луиджи Пиранделло, Тернер и Кольридж, Раймон Руссель и Вальтер Шеербарт, Владимир Хлебников и Жан Эпштейн, Альбер Жарри и Анри Бергсон. Происходит распад идеи внутреннего пространства (особенно в проектах стеклянного города Шеербарта и Хлебникова³¹⁰), образы мира становятся исключительно внешними, создавая постоянно расширяющуюся сферу³¹¹.

Стоит задуматься над тем, насколько этот принципиально важный геокультурный переход изменил и идеологию путешествий, бывших весьма традиционным средством накопления культурных впечатлений и эффективным способом интерпретации географических образов. Передвижения с высокой скоростью, все более и более становившиеся нормой в XIX–XX вв.³¹², привели к тому, что сам путеше-

³⁰⁹ Ср. также: с. 113.

³¹⁰ Там же. С. 152.

³¹¹ Там же. С. 242.

³¹² Там же. С. 244 (путешествие по железной дороге). Ср.: *Левинг Ю.* Вокзал – Гараж – Ангар: Владимир Набоков и поэтика русского урбанизма. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004.

ственник стал восприниматься в терминах баллистики, преобразившись в простое физическое тело, как бы окутанное облаком расширяющихся и растворяющих его географических образов. Онтологичность статуса путешественника стала окончательной и бесповоротной, состояния путешествующего воспринимаются теперь как конкретные и бесспорные образно-географические стратегии. Всякий раз, выезжая из определенного места, путешественник начинает двигаться к нему же (вспомним художественный опыт Венедикта Ерофеева), пытаясь посредством все новых и новых интерпретируемых географических образов пробиться к уже несуществующему центру, который отказался от своей периферии.

Что же происходит со временем наблюдения? Если первоначально художники-пейзажисты пытались буквально вписать временные трансформации в структуры холста – в его пространстве небесные состояния и грандиозные игры света перетекали одно в другое³¹³ – то далее, в художественных, философских, архитектурных опытах – время фактически «сцепляется» с пространством, что означает: культура создает свое

³¹³ Там же. С. 102. Ср.: *Флоренский П. А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях // *Он же.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. С. 81—259.

время посредством пространства, и всякая устойчивая культура есть не что иное как геокультура. Географические образы как бы нависают над временем, определенной культурной или исторической эпохой, и в то же время обволакивают само время, что означает: в известном смысле, время – это геокультурный образ, ставший замечательным итогом наблюдения земного пространства.

2.4. Картографирование географических образов

2.4.1. Методологические основания картографирования географических образов в контексте развития процессов Постмодерна

Постмодерн предлагает совершенно иное отношение к земному пространству, нежели то, что зародилось в недрах Возрождения. Он отвергает ньютоновское и картезианское представления о пространстве, использовавшие научные и культурные достижения Возрождения. Открытия Пуанкаре и Эйнштейна начала XX в.³¹⁴, по сути, не изменили принципиальное отношение к пространству: ньютоновская механика была вписана в более широкую космологическую картину мира. Эпоха Модерна эффективно эксплуатировала географические образы, «заряженные» на бесконечное расширение и освоение мира, и понятие Запада стало естественным следствием такого разви-

³¹⁴ См.: Пуанкаре А. О науке. М.: Наука. Гл. ред. физ. – мат. лит., 1983.

тия³¹⁵. Проект Постмодерна предлагает и экстенсивное, и интенсивное понимание географических образов мирового развития: «Был *космос*, мир распределенных местоположений, мест, данных богами и богам. Была *res extensa*, естественная картография бесконечных пространств и их распорядителя, инженера-конкистадора, наместника исчезнувших богов. Ныне же наступает *mundus corpus*, мир как вселюдность – ширящееся заселение мест тел(а)»³¹⁶. Пространство управляет само собой, видя себя со стороны местами и странами, локализуя и топологизируя себя политическими, социальными и экономическими событиями, воспринимаемыми в исторических перспективе и ретроспективе. Пространство самоуправляется; время «располагается» в пространстве как возможность его самоуправления.

Мир Постмодерна – это «мир без Субъекта своего предназначения», мир тел, обретающих и обретших свои места. Происходит интенсивное опространствление мира, мир есть плотность *места*³¹⁷.

³¹⁵ См.: Нанси Ж. – Л. Corpus. М.: Ad marginem, 1999. С. 68.

³¹⁶ Там же. С. 65.

³¹⁷ Там же. С. 66–68. См. также: Костинский Г. Д. Установки сознания и представления о различных традициях в географии // Известия АН СССР. Серия географическая. 1990. № 5. С. 123–129; Он же. Идея пространственности в географии // Там же. 1992. № 6. С. 31–40; Он же. Географическая матрица пространственности // Известия РАН. Се-

Идеология Постмодерна – это геоидеология мира, мир «...есть *собственное место* реальных протяжений, опространствления наших тел, их отдельных существований, их разделенных сопротивлений»³¹⁸.

Мировое развитие есть само по себе глобальный географический образ. Что это означает?

В истоках понимания мирового развития как глобального географического образа – изменения в области картографии, в восприятии путешествий и политики, заложенные эпохой Модерна.

Изменения в области картографии: Великие географические открытия, появление современных кар-

рия географическая. 1997. № 5. С. 16–31; *Lowenthal D.* Geography, experience and imagination: towards a geographical epistemology // *Annals of Association of American Geographers*. 1961. № 37. P. 1–5; *Corbin H.* *Mundus imaginalis or the imaginary and the imaginal* // Spring 1972. Dallas: Spring Publications, 1972. P. 1–19; *Tuan Y.* *Topophilia*. New Jersey: Princeton University Press, 1974; *Idem.* *Space and place*. L.: Edward Arnold, 1977; *Forer P.* A place for plastic space // *Progress in human geography*. 1978. № 2. P. 230–267; *Soja E. W.* *Postmodern Geographies: The Reassertion of space in critical social theory*. N. Y: Verso, 1989. *Harvey D.* *The condition of post-modernity*. L.: Basil Blackwell, 1989; *Idem.* *Between space and time: reflections on the geographical imagination* // *Annals of Association of American Geographers*. 1990. № 80. P. 418–434; *Tuan Y.* *Realism and fantasy in art, history and geography* // *Ibid.* P. 435–446; *Lefebvre H.* *The Production of Space*. L.: Basil Blackwell, 1991. *Couclélis H.* *Location, place, region, and space* // *Geography's Inner Worlds*. New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 1992. P. 215–233; *Daniels S.* *Place and Geographical Imagination* // *Geography*. 1992. № 4 (337). P. 310–322 и др.

³¹⁸ *Нанси Ж.* – Л. Указ. соч. С. 67–68.

тографических проекций, создание первых глобусов, метафизика шарообразной формы Николая Кузанского³¹⁹ означали возможность метагеографии, в рамках которой мир становится предельно географическим образом.

Изменения в восприятии путешествий: путешествия стали основой идеи единства мира; благодаря им мир, пожалуй, впервые стал восприниматься как тотально связная география. Став, по сути, идеологией пути³²⁰, путешествия теперь содержательно насыщали мировое развитие как глобальный географический образ. Тотальное, непрерывное путешествие в пределе и есть мировое развитие; частные, локальные путешествия – это приближения к глобальному географическому образу.

Изменения в восприятии политики: политика теперь обеспечивала форму мирового развития как глобального географического образа³²¹. Глобальность означала политичность, и эта геополитическая «формула» вела к определенной политической экономии

³¹⁹ Кузанский Н. Об ученом незнании // Он же. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1979. С. 47—185; Он же. О предположениях // Там же. С. 185—281.

³²⁰ Jackson J. B. Landscape in Sight: Looking at America / Ed. by H. L. Horowitz. New Haven and London: Yale University Press, 1997.

³²¹ См. особенно: Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.

образа (образов) мира. По принципу дополнительности, политика уравнивала изменения в восприятии путешествий, упрощая, выравнивая, преобразуя непрерывный ряд подробных операций содержательного насыщения мирового развития.

Эти изменения стали причиной радикальных преобразований и в **содержании репрезентаций мирового развития**.

Первое преобразование: мировое развитие, понимаемое как глобальный географический образ, поставило проблему географической идентичности самого мира. Географические образы теперь параметризовали мировое развитие, создавая новые пространства, в которых получали признание определенные «бренды» мирового развития. Такова, например, концепция «устойчивого развития» (*sustainable development*).

Второе преобразование: мир стал восприниматься как череда географий; получился своего рода «Декарт в квадрате». Мир в целом стал не чем иным, как мировым развитием; рельеф мирового развития определял глобальность самого мира.

Изменились и **формы интерпретаций мирового развития**, понимаемого как глобальный географический образ.

Первая форма интерпретации: кинематографиче-

ская форма («видео»), обеспечивающая simultaneity самого восприятия мирового развития³²². Мир предельно хорологичен, события как бы наплывают друг на друга, заслоняя друг друга и одновременно «просвечивая» друг сквозь друга. Мир представляет собой как бы стеклянный дом.

Вторая форма интерпретации: использование традиционного нарратива, развивающего мотив экспансии, расширения. Происходит максимальное наращивание образности и предельное дистанцирование по отношению к любому событию. Здесь возможны разрывы в языковой ткани, интерпретирующей мировое развитие, подобно языковым разрывам в художественных произведениях Андрея Платонова. Эта форма предполагает наличие, или потенциальное существование некоего «мирового синтаксиса», а сама география предстает как синтаксис мира.

Пространство Постмодерна поглощает время, время можно помыслить как тело, оно «... есть опространствование»³²³. Не существует до и после, а то, что между-телами – образы как их местоимение. «Обра-

³²² Ср.: Бергсон А. Материя и память // Он же. Собр. соч. СПб., 1913. Т. 3; Тынянов Ю. Н. О сюжете и фабуле в кино // Он же. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 324–326; Он же. Об основах кино // Он же. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 326–346.

³²³ Нанси Ж. – Л. Указ. соч. С. 69, 157.

зы – это не подобия и уж тем более не фантомы и не фантазмы. Это то, каким способом тела поднесены друг другу, это значит – произвести на свет, сместить на край, восславить границу и осколок»³²⁴. Географический образ есть представление тела, телесность самого места. Уже ранний Модерн предлагает огромное количество утопий, при этом ряд их был рассчитан на реализацию³²⁵. В мире Постмодерна уже невозможны утопии, это «география приумножающихся эктопий»³²⁶. Географические образы в своей размещенной телесности являют мировое развитие. Мир – постоянно разворачиваемая и переворачиваемая образно-географическая карта. Это постоянно изменяемые геоиконические конвенции, в результате которых мир предстает как сетевая поверхность анимационных изображений³²⁷.

Географическое пространство Постмодерна – это

³²⁴ Там же. С. 157–158.

³²⁵ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 182–183.

³²⁶ Там же. С. 156. Ср. также античный экфрасис: Гусейнов Г. Ч. Типология античной мифографии // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. М.: Наука, 1991. С. 232–256.

³²⁷ См. в связи с этим: Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. С. 128, 131, 135. См. также: Greimas A. J. For a Topological Semiotics // M. Gottdiener, A. Ph. Lagopoulos (ed.). The City and the sign. N. Y: Columbia University Press, 1986. P. 25–54.

семиотическое пространство, воспринимаемое по преимуществу топологически. Топика образно-географического пространства определяет семиозис мирового развития. Географические образы приравнены к иконическим знакам. Знаковый иконизм географических образов заключается в их необходимой визуальности, фреймовости, сценарности; отсюда представление о мире как «колоде» образно-географических карт. Мир Постмодерна не центрирован, однако любое место есть граница, прежде всего телесная. Гео-сфера Постмодерна целиком самоописывается и саморегулируется, подобно центру классического культурного пространства Модерна³²⁸. Мир Постмодерна повсеместно пограничен и эксцентричен. Постмодерн использует здесь достижения Модерна – возникновение самой идеи и практики границы, разделение внешнего и внутреннего, однако использует их по-своему. В мире Постмодерна пограничность и эксцентричность означают максимальную подвижность, текучесть, постоянный дрейф границ; внешнее постоянно перетекает во внутреннее и наоборот. Пространство и время в нем практически не делимы. Центры и границы совмещаются, сосуществуют, соединяя принципиально различные пространственные характеристики. Постмодерн осуществляет повсемест-

³²⁸ См.: Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 179.

ность в буквальном смысле.

Географические образы Посмодерна могут «тасоваться», как колода карт; ход «тасования» определяет контуры его мира. Предтеча постмодернизма аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес в рассказе «Тлён, Укбар, Орбис Терциус» описал процесс создания энциклопедии вымышленной страны, который постепенно должен оказать влияние на конфигурацию и содержание реального мира. Задача состояла в том, чтобы «... изобразить мир, который бы не был слишком уж несовместим с миром реальным. Рассеивание предметов из Тлёна по разным странам, видимо, должно было завершить этот план...»³²⁹. Мир вымышленного Тлёна – это мир Постмодерна. Основной его геометрии является не точка, а поверхность; перемещаясь, человек меняет окружающие его формы автоматически. Утеря предметов ведет к появлению вторичных, уже найденных, предметов («хрёниров»), формы которых более соответствуют ожиданиям их нашедшего. Образуется череда «хрёниров», меняющих своими постоянно совершенствующимися очертаниями прошлое³³⁰. Развитие мира представит как текучее пространство, меняющее формы вре-

³²⁹ Борхес Х. Л. Сочинения в трех томах. Т. 1. Рига: Полярис, 1994. С. 286.

³³⁰ Там же. С. 281–282.

мени. Рассказ «Алеф» – воплощенная иллюстрация другой особенности мира Постмодерна. Географические образы Постмодерна, размножаясь с огромной скоростью (можно говорить уже не о геометрической, а географической прогрессии), полностью равнозначны. Каждый из этих образов должен восприниматься в контекстах других существующих образов. В рассказе Борхеса в подвале дома находится таинственное место, Алеф – точка пространства, в которой собраны все остальные точки пространства³³¹. Выполнив все требования, герой рассказа увидел Алеф: «.миллионы явлений – радующих глаз и ужасающих, – ни одно из них не удивило меня так, как тот факт, что все они происходили в одном месте, не накладываясь одно на другое и не будучи прозрачными. То, что видели мои глаза, совершалось одновременно...»³³².

³³¹ Там же. С. 486.

³³² Там же. С. 489. Заметим, что поиск пространственных различий от места к месту в их фактической одновременности был главной целью классической хорологической концепции в географии, сформировавшейся в середине XIX – начале XX века. Эта цель не была достигнута, однако хорологическая концепция до сих пор остается одной из наиболее мощных географических концепций (об этом см.: *Замятин Д. Н.* Моделирование географических образов... С. 8—41; сокращенный вариант см.: *Он же.* Методологический анализ хорологической концепции в географии // *Известия РАН. Серия географическая.* 1999. № 5. С. 7—15). Можно сказать, что хорологическая концепция – попытка протопостмодерна в научной географии. В рамках Постмодерна концеп-

Географические образы Постмодерна формируют ментальные пространства нового типа. «Отражаясь» друг в друге и постоянно размножаясь, эти образы придают любой выделяемой пространственной конфигурации уникальный, индивидуальный характер. Они семантически насыщают друг друга, обеспечивают перманентную семантическую «подпитку» собственной конфигурации³³³. Каждая подобная конфигурация естественным образом отсылает к другим, семантически с ней соприкасающимся. Возникает постоянно растущее поле семантических смыслов, каждый из которых последовательно выходит на очередной мета-уровень³³⁴. Мировое развитие осуществляется по бесчисленному множеству образных траекторий и на этом же бесчисленном множестве.

ция географических образов – естественная наследница хронологической концепции. Ср.: *Верлен Б.* Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 25–46.

³³³ См.: *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 446. См. также в связи с этим: *Ришар Ж.* – Ф. Ментальная активность. М.: ИПРАН, 1998.

³³⁴ Ср. в связи с этим образ Сибири у декабриста Батенькова после его поездки со Сперанским, когда «Сибирское» пространство... естественно отсылало к другим «пространствам» России, увиденным теперь синтетически и стереометрически...» (*Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ... С. 464).

Описание географических образов Постмодерна возможно и необходимо в рамках когнитивной теории. Процесс познания стал прямо зависимым от пространственных конструкций, создаваемых и работающих в языке и языком. Тотальное освоение пространства Постмодерном происходит путем внедрения языка в само пространство (пространства); возникают структуры описания, в которых язык неотделим от характеризуемого пространства – другими словами, язык-пространство. Пространства Постмодерна – это метаязык, с помощью которого осуществляются ментальные репрезентации. Ментальные пространства реализуются как глобальные и одновременно точечные, локальные географические образы. Пространственность этих образов обеспечивает эффективность ментальных репрезентаций. Географические образы репрезентируются как ключевые пространственные концепты, создающие собственные концептуальные пространства. В соответствии с проведенными ментальными репрезентациями строятся схемы интерпретации, которые определяют характер и уровень соотнесения географических образов в метапространстве и ориентируют их по отношению друг к другу. Мир представляется как реализация определенных схем интерпретации³³⁵. «Границы интерпрета-

³³⁵ См.: Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.

ции являются одновременно и границами воспринимаемого мира»³³⁶. Пространства Постмодерна – когнитивная география ключевых концептов, репрезентирующих образы одновременных миров (мест). Мировое развитие интерпретируется как наложение концептуальных структур, параметризованных географически. Мир представляется как структурное пространство (пространство структур), а концепт мирового развития означает, прежде всего, пространственное развитие, реализуемое в последовательных трансформациях географических образов.

2.4.2. Метод образно-географического картографирования (ОГК)

Моделирование ГО включает в себя построение графических моделей, удобных для восприятия и ис-

Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологич. ф-т МГУ, 1996. С. 99–100, 157–158, 91, 180; также: *Кубрякова Е. С.* Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Изв. АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 3. С. 22–32; *Рахилина Е. В.* О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия АН. Сер. лит. и яз. Т. 59. 2000. № 3. С. 3–16. Ср.: *Луман Н.* Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991. С. 194–219; *Он же.* Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.

³³⁶ *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Указ. соч. С. 180.

пользования. Такие графические модели могут быть названы картами, поскольку сами ГО связаны с порождающими их географическими объектами. Соответственно, эти карты, с одной стороны, связаны с традиционными географическими картами, а, с другой стороны, они должны выражать специфику формирования и развития ГО. В данном контексте, метод ОГК рассматривается как один из наиболее эффективных методов представления ГО, а также их непосредственного изучения.

Необходимость разработки и использования метода ОГК – это отсутствие специфических методов изучения ГО, способных наиболее полно представить (репрезентировать) исследуемый предмет. Поскольку ГО обладают собственными особенностями и закономерностями формирования и развития, то традиционные географические карты, используемые при изучении и представлении географических объектов, не могут выступать как основной метод представления ГО. В то же время возможны образно-географические интерпретации традиционных географических карт и картосхем. Современный этап развития образно-географических исследований, характеризующийся быстрым увеличением количества работ в этой научной области³³⁷, а также осмыслением методологи-

³³⁷ *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык гео-

ческих, теоретических и методических оснований таких исследований, способствует разработке метода ОГК.

Картографирование географических образов: содержание и смысл. В первую очередь, необходимо определить, что означает картографирование географических образов и как производится подобное картографирование. Несомненно, карты географических образов отличаются от традиционных географических карт, а также от ментальных (мысленных) или когнитивных карт³³⁸. В данном случае под картографированием подразумевается как процесс, так и результат этого процесса.

графических образов. СПб.: Алетейя, 2003.

³³⁸ См., например: *Ланге П. В.* Горизонты Южного моря: История морских открытий в Океании. М.: Прогресс, 1988. С. 28; *Голд Дж.* Психология и география: основы поведенческой географии. Пер. с англ. / Авт. предисл. С. В. Федулов. М.: Прогресс, 1990; *Найссер У.* Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С. 134–137; *Шенк Ф. Б.* Ментальные карты: Конструирование географического пространства в Европе // Регионализация посткоммунистической Европы. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 6–33; *Anderson J. R.* The structure of cognition. L.: Oxford University Press, 1983; *Kitchin R. M.* In-creasing the integrity of cognitive mapping research: appraising conceptual schemata of environment-behaviour interaction // Progress in Human Geography. 1996. 20, 1. P. 56–84; *Ayers E. L., Limerick P. N., Nissenbaum S., Onuf P. S.* All Over the Map: Rethinking American Regions. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996; *Barry A. M.* Visual intelligence. N. Y.: State University of New York Press, 1997 и др.

Для картографирования географических образов характерно частичное сохранение общей ориентации по сторонам света, принятой в западной картографии Нового времени. Карты географических образов сохраняют примерную ориентацию (верх карты – север, низ карты – юг и т. д.). Во многом близки этим картам географические картоиды³³⁹, однако для карт географических образов характерны сильные отчлененность, отделенность самих образов от традиционного картографического поля, наличие большей дистанции между картографируемыми объектами (в данном случае образами) и их субстратом, или фоном³⁴⁰. Благодаря картографированию географических образов создается автономное географоидное пространство со своими законами развития³⁴¹.

Здесь важно соотнести картографические образы (КО), сравнительно давно выделяемые и изучаемые в современной картографии и гуманитарных науках (история, филология, семиотика), и ГО – с тем, что-

³³⁹ Родоман Б. Б. Географические картоиды // Теория и методика экономико-географических исследований. М.: МФГО, 1977. С. 15–34.

³⁴⁰ См.: *Замятин Д. Н.* Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Политические исследования. 1998. № 6. С. 80–92.

³⁴¹ См.: *Он же.* Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.

бы понять специфику последних. В отличие от КО, ГО репрезентируются различными способами (тексты различного рода – художественные, научные, эпистолярные и т. д.; живопись, графика, кино, фотография, видео и пр.). КО больше зависимы от своей основы – конкретной территории, конкретного способа картографирования – т. е. они сразу завязаны на карту, тогда как ГО могут автономно функционировать и вне каких-либо картографических изображений (в виде письменного текста, картины, видеофильма и т. п., где может не быть никаких описаний или изображений географической карты). Т. о., картографирование ГО может быть последним шагом их репрезентации и/или интерпретации, тогда как КО изначально уже моделируются в поле существующей (созданной) карты (в т. ч. и карты ГО).

ОГК связано в содержательном плане с ментальным (когнитивным) картографированием и созданием картоидов. Во всех трех случаях наблюдается нарушение традиционных (принятых) картографических правил и проекций, объясняемое стремлением показать или зафиксировать индивидуальные и/или групповые геопространственные представления. Наряду с этим, есть и отличие между ОГК и указанными способами картографирования: и когнитивное картографирование, и разработка картоидов опираются,

тем не менее, на систему принятых географических координат способов изображения, искажаемых или искривляемых в целях наглядного и более удобного показа определенных геопространственных представлений; ОГК же, не отказываясь полностью от традиционной географической ориентации современных карт, опирается, прежде всего, на систему архетипов, знаков и символов, составляющих тот или иной ГО. Совместное использование всех четырех типов картографирования (традиционное, ментальное, картоиды, ОГК) может дать интересные исследовательские результаты.

Таблица 1. Сравнительные характеристики различных видов картографирования

Виды картографирования	Ориентация карты	Отношение к традиционным картографическим правилам и проекциям ¹²²	Континуальность или дискретность картографического поля ¹²³	Дистанция между картографируемым объектом и его изображением ¹²⁴
Традиционное	Традиционная (север — вверх)	Соблюдение традиционных правил и проекций	Континуальность	Минимальная
Ментальное (когнитивное)	Традиционная	Частичное соблюдение правил, несоблюдение проекций	Частичная континуальность	Средняя
Картонды	Традиционная	Частичное соблюдение правил, несоблюдение проекций	Частичная континуальность	Средняя
Образно-географическое	Традиционная	Частичное соблюдение правил, несоблюдение проекций	Дискретность	Максимальная

122³⁴²

123³⁴³

³⁴² Под картографическими правилами здесь понимается система требований к производителю карты, позволяющая ему донести содержание карты до потребителя без значительных потерь. При этом следует учесть, что доминирующие в настоящее время картографические правила сложились в основном в XV–XIX веках.

³⁴³ Картографическое поле здесь – географическое пространство, подвергаемое картографированию по определенным правилам, способствующим либо дискретному, либо континуальному его восприятию и воображению.

Картографирование географических образов предполагает репрезентацию и интерпретацию тех или иных топонимов как географических образов. Ясно, что карта ГО собирает зачастую топонимы разных эпох – это, в известном смысле, осознанный факт – в отличие от средневековых карт с их неосознаваемыми в большинстве случаев анахронизмами³⁴⁵. Другое дело, что тогда требуются серьезные комментарии. При этом географические образы рассматриваются как знаки некоей реальности, или реального географического пространства. Географические образы взаимодействуют и создают собственное метагеографическое пространство. Вопрос состоит в следующем: как технологически конструировать, или воспроизводить данное метагеографическое пространство на соответствующей карте? В первом приближе-

³⁴⁴ Дистанция между картографируемым объектом и его изображением означает здесь степень картографической символизации данного объекта; она достигает обычно значительных размеров на специализированных тематических картах и минимума – на топографических картах. Максимальная дистанция, с нашей точки зрения, достигается уже на образных картах.

³⁴⁵ См., например: *Чекин Л. С.* Картография христианского средневековья: VIII–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999.

нии для этого используются классические диаграммы Венна³⁴⁶, с помощью которых отображаются пересечения и вхождения географических образов друг в друга и их взаимная ориентация³⁴⁷.

ОГК предполагает создание условных графических моделей, в которых частично сохраняется географическая ориентация традиционных (современных) карт и используются в качестве способов изображения и репрезентации способы изображения из математической (топологической) теории графов и т. н. диаграммы Венна (используемые, прежде всего, в логике). Образно-географическая карта есть графический инвариант обобщенной (базисной) модели определенного ГО, при этом соответствующие этому ГО качества и параметры географического объекта с максимально возможной степенью плотности (интенсивности) «свертываются» в конкретные элементы такой карты (графически изображенные соотношеные, связанные между собой архетипы, знаки и символы). Следовательно, образно-географическая карта в когнитивном отношении есть ре-

³⁴⁶ Зеґет В. Элементарная логика. М.: Высшая школа, 1985.

³⁴⁷ Замятин Д. Н. Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Политические исследования. 1998. № 6. С. 80–92.

зультат сгущения, концентрации знаний об определенном географическом пространстве в специфической знаково-символической форме.

ОГК предполагает также разработку соответствующей легенды, показывающей, например, типы (виды) тех или иных знаков и символов, а также их иерархию (если она есть). Способы показа при этом (цвет, форма, размер) не отличаются от способов показа, используемых в традиционном современном картографировании. Так, образно-географическая карта, созданная в результате исследования стихотворения А. Блока «Скифы», имеет легенду, в которой размеры элемента (узла) карты соответствуют значимости этого элемента.

Кроме того, возможно *создание серий образно-географических карт*, показывающих или динамику развития ГО, или параллельные, одновременно возникшие ГО одного и того же географического объекта. Характерный пример такого рода – образно-географические карты, показывающие ход политических переговоров на Потсдамской мирной конференции 1945 г. по поводу статуса Германии и по поводу Лондона как места будущих встреч министров иностранных дел стран-союзниц. Рассмотрим более подробно эти примеры.

Формирование и развитие структур и систем

прикладных ГО в процессе международных переговоров (на примере Потсдамской мирной конференции 1945 г.). Одной из наиболее интересных для географии областей активного развития географических образов в качестве объекта исследования является политика. Политика и международные отношения порождают специфические прикладные структуры и системы ПГО, исследование которых может способствовать разрешению международных конфликтов, улучшению международных политических коммуникаций и повышению эффективности взаимопонимания политических лидеров и политиков в широком смысле. Политическое мышление с образно-географической точки зрения – это поле активного применения, формирования и развития политико-географических и геополитических понятий, порождающих яркие и достаточно эффективные географические образы.

Процессы выработки действенных (эффективных) международных политических решений и политических документов связаны, как правило, с ведением *активного политического диалога*. Географические понятия, так или иначе используемые в диалоге, приобретают специфическую политическую окраску в зависимости от целей и задач участников диалога. В процессе диалога происходит трансформация географического понятия, активно используемого в диало-

ге. Понятия, используемые для характеристики того или иного географического объекта, подвергаются значительному упрощению и становятся более ясными для политических партнеров. *В результате диалога формируется новое географическое знание, характеризующее какой-либо реальный географический объект с общей точки зрения, выработанной участниками диалога.* Этот процесс достаточно противоречив, и новое политико-географическое знание – результат соглашения – может вобрать в себя определения, характеризующие объект, несовместимые или мало совместимые с традиционной точкой зрения. Формируется нетрадиционное географическое знание, представление которого связано с нарушением классической логики. ***Одно из практических значений подобного рода исследований – в возможности их использования при создании специализированных экспертных систем в области политико-географических и геополитических знаний***³⁴⁸.

В целях достижения политического соглашения (компромисса) участники переговоров или один из

³⁴⁸ См.: Попов Э. В. Экспертные системы. Решение неформализованных задач в диалоге с ЭВМ. М.: Наука, гл. ред. физ. – мат. литературы, 1989; Уотермен Д. Руководство по экспертным системам / Пер. с англ. М.: Мир, 1989.

них вынуждены формировать в ходе диалога компактные политико-географические образы стран или территорий, отталкиваясь первоначально от сравнительно большого количества слабо связанных между собой характеристик интересующего их географического объекта. *Происходит упаковка соответствующего географического понятия* – процесс отсечения ненужных участникам диалога географических знаний об объекте и одновременно с этим поиск, выявление и окончательное формулирование простого географического образа, в который облекается или упаковывается конкретное географическое понятие. В ходе дальнейших переговоров каждый из политических партнеров может по-своему распаковывать, развертывать этот образ в зависимости от своих политических интересов и способствовать тем самым созданию новых, более компактных упаковок того же географического объекта или же перемещению в центр обсуждения новых географических объектов или понятий, зацепляющихся при распаковке старого и требующих, в свою очередь, выработки соответствующих им политико-географических образов.

Механизмы формирования сравнительно компактных политико-географических образов можно проследить на примере дискуссий, развернувшихся в ходе **Потсдамской мирной конференции (17 июля – 2**

августа 1945 г.) между главами союзных делегаций У. Черчиллем, И. Сталиным и Г. Трумэном. В качестве источника были использованы советские записи заседаний конференции³⁴⁹.

Обсуждение понятия Германии было одним из наиболее интересных, с нашей точки зрения, моментов дискуссии на *втором заседании конференции*. Вопрос о том, что считать Германией в связи с проблемой выплаты ей репараций и определения ее послевоенных границ, был поднят Черчиллем, однако в дальнейшем политико-географический образ Германии был сформирован в диалоге Г. Трумэна и И. Сталина³⁵⁰. Вопрос **«В каких границах должна рассматриваться Германия?»** был представлен Трумэном в виде двух возможных взаимоисключающих ответов: «В границах 1937 г...» и «В границах 1945 г...». Такая постановка вопроса не устраивала Сталина, для которого эти границы – реконструируя модель его политического мышления – не существовали сами по себе, но лишь в связи с проблемой *Восточной Пруссии (Кенигсберга)*. Он был вынужден уйти от вопроса о точных политических границах Германии и заявить, что Германия – это «географическое понятие».

³⁴⁹ См.: Тегеран – Ялта – Потсдам. Сб. документов / Сост. Ш. П. Санаков, Б. Л. Цыбулевский. М.: Политиздат, 1970.

³⁵⁰ Там же. С. 218–219.

Ходу диалога пока мешало то, что Сталин скрывал свои геополитические представления о соотношении границ Германии, СССР и Польши. Логика Сталина была следующей: 1) Германии в границах 1937 г. не существует; должна рассматриваться Германия в послевоенном состоянии, *после войны* – то есть учитывающая современную геополитическую расстановку сил в Европе; 2) таким образом, на первоначальный вопрос Трумэна ответ, пока формальный, – *Германия 1945 г.*; 3) необходимо как бы расширить проблему с целью выявления в ходе диалога более широких геополитических точек зрения на Германию, поэтому утверждается, что Германия – это «географическое понятие». Структура первого этапа диалога показана на рис. 14.

Рис. 14. Структура первого этапа диалога Черчилля, Сталина и Трумэна «Что такое Германия»

На **втором этапе диалога** происходила выработка собственно политико-географического образа Германии и его упаковка. Этот процесс можно разбить на отдельные *стадии*. Первоначально Сталин, зондируя точки зрения собеседников и пытаясь, пока в скрытом виде, сформулировать свои геополитические представления, сформировал **образ Германии**

1945 г. Были определены признаки понятия Германии 1945 г.: 1) нет правительства; 2) нет определенных границ; 3) нет никаких войск, в том числе пограничных; 4) страна разделена на оккупационные зоны. Наконец, все эти частные определения были объединены одним образом: **Германия 1945 г. – это «разбитая страна»**, т. е. потерпевшая военное поражение и потерявшая большую часть государственных атрибутов (рис. 15). По-существу, *этот образ был пока малопродуктивен для целей выработки общей точки зрения участников конференции на Германию, вернее, на определение ее границ.* Однако образ разбитой страны позволил Сталину в ходе его формирования затронуть проблему границ Германии вообще. Он указал на конкретные территориальные вопросы – *Судетская область, Восточная Пруссия, определение западных границ Польши* – при этом, реконструируя политическое мышление Сталина, можно отметить, что Судетская область служила как бы отводом глаз для союзников, предметом его истинного интереса выступал Кенигсберг, а непосредственным рычагом, или **основным средством решения проблемы являлось определение западных границ Польши, взятое в широком геополитическом контексте.**

Рис. 15. Политико-географический образ Германии 1945-го г.

Образ разбитой страны, Германии 1945 г. был основой для дальнейшего развития диалога, поскольку, с одной стороны, он позволил Сталину сформулировать, хотя и в неявном виде, его геополитические представления по обсуждаемому вопросу, а, с другой, – позволил четко трансформировать вопрос о Германии в вопрос о ее точных политических границах в целях предмета обсуждения. *Ядром политико-географического образа Германии в данном случае является представление о неясности и проблемности политических (государственных) границ этой страны.* Политико-географический образ, сформулированный Сталиным достаточно быстро и четко – пример ярко выраженной геополитической со-

ставляющей его профессионального мышления как политика.

Говорить о точных границах Германии применительно к образу «Германия 1945 г. – разбитая страна» было невозможно, поэтому *этот образ сыграл роль промежуточного, некоей прокладки или медиатора между пока различными точками зрения участников*. Теперь все зависело от того, кто сможет предложить более компактный или более емкий политико-географический образ границ Германии. Это удалось Г. Трумэну, который предложил рассматривать **границы Германии в рамках Версальского договора**, то есть фактически границы Германии и 1937 г. в том числе. Для Сталина образ границ Германии был увязан, прежде всего, с проблемой границ Советского Союза, его упаковка этого образа была более локальной и менее компактной, поэтому он в итоге, как и Черчилль, вынужден был согласиться с предложением Трумэна (рис. 16).

"Упаковка" Сталина

"Упаковка" Трумэна

Рис. 16. Политико-географические образы границ Германии

То, что образ границ Германии, предложенный Сталиным, был менее компактным и менее емким, позволяет представить его **развертка** или **распаковка** (рис. 17), которая выглядит достаточно простой, может быть, примитивной, с одной стороны, и, с другой, – сравнительно локальной, узкой, затрагивающей границы лишь государств Восточной Европы, тогда как образ границ Германии Трумэна – «Версальский договор» – включает всю Европу, не говоря о государствах за ее пределами.

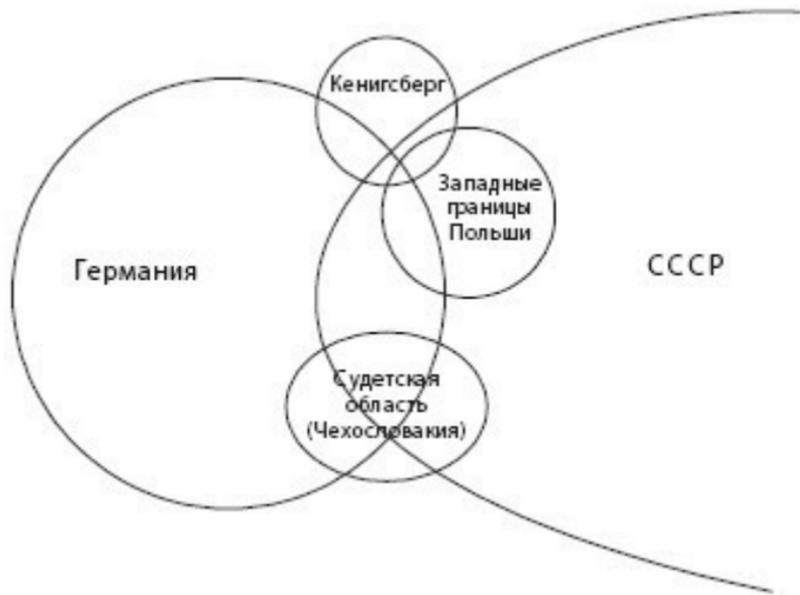

Рис. 17. «Распаковка» политико-географического образа Германии Сталина

Политико-географический образ Германии 1945 г., разобранный выше, можно отнести к **классу эндогенных**, когда *формирование конкретного образа происходит с помощью перебора различных упаковок одного и того же понятия*. Возможен и другой путь формирования географического образа. В этом случае *активную роль играют соседние образы или понятия, при пересечении и взаимодействии которых непосредственно зарождается новый образ*. Такой

образ можно назвать **экзогенным** (см. также главу 3).

Подобный, экзогенный политико-географический образ был создан Черчиллем в диалоге со Сталиным и Трумэном на *четвертом заседании Потсдамской мирной конференции*³⁵¹. Одним из частных вопросов в повестке дня этого заседания был **вопрос о месте регулярных встреч (Совете) министров иностранных дел стран-победительниц во второй мировой войне**. Образ, созданный Черчиллем, – **«Географическое положение Лондона»**, – фактически был достаточно тонкой и изящной интерпретацией сложившейся после окончания второй мировой войны геополитической ситуации, расстановки сил, коренным образом отличавшейся от довоенной. Эта, теперь сравнительно упрощенная геополитическая картина мира стала фактически *биполярной* – между двумя значительно выросшими гигантами, *США и Россией (СССР)* находилась довольно сильно уменьшившаяся в военно-стратегическом и политическом смысле *Великобритания (Британская империя)*, тогда как недавно освобожденная *Франция* и оккупированная *Германия* в этой картине мира практически не существовали.

В качестве места встречи Совета министров иностранных дел стран-победительниц Черчилль выдвинул **Лондон**, аргументировав это следующим обра-

³⁵¹ Там же. С. 246–247.

зом: 1) это та столица (имеются в виду страны-победительницы), которая более других находилась под огнем неприятеля во время войны; 2) это самый большой город в мире; 3) это один из старейших городов в мире; 4) Лондон находится на полдороге между США и Россией; 5) он совершенно не используется как место политических встреч. Из этого перечня видно, что аргументация Черчилля была, с одной стороны, достаточно разнородной и разнообразной, причем использовались даже школьно-географические или туристические факты – «самый большой город», «один из старейших городов мира», с другой, – она была достаточно геополитически, хотя и неявно, мотивированной – географический факт «на полдороге между США и Россией». Первый и пятый аргументы – «под огнем неприятеля» и «не используется как место встреч» – в данном случае выступали и как маскирующие геополитический аргумент, и как расширяющие и содержательно, и формально само поле аргументации, хотя сами по себе они вряд ли могли рассматриваться достаточно серьезно.

Расчет Черчилля оказался верным. Сталин, чье мышление в сфере внешней политики можно во многом охарактеризовать как *геополитическое* – оно во многом как бы школьно-географическое, схематичное – уловил скрытый подтекст предложения Черчилля,

учитывавшего реальную геополитическую расстановку сил, и среагировал положительным образом именно на аргумент «на полдороге между США и Россией». Трумэн, занявший в данном случае нейтральную позицию, согласился. **В результате этого диалога Лондон родился как конкретный политико-географический образ на пересечении географических понятий США и России** (рис. 18).

Рис. 18. Возникновение политико-географического образа Лондона

Упаковка этого образа

состояла из двух стадий. На **первой стадии** она состояла из двух оболочек: 1) «На полдороге между США и Россией» и 2) «Географическое положение

ние Лондона» – более компактная или более емкая оболочка. На **второй стадии** менее емкая оболочка исчезла, и сам образ стал более компактным – формулировка «Географическое положение Лондона» включила, практически, так или иначе, в различной степени все представленные Черчиллем аргументы в пользу Лондона как места встречи Совета министров иностранных дел (рис. 19).

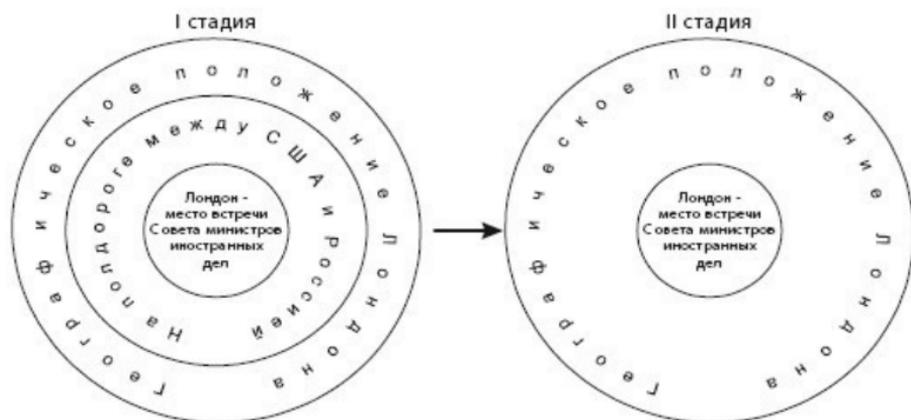

Рис. 19. «Упаковка» политико-географического образа Лондона

Понятия упаковки и распаковки можно рассматривать как технологическое приспособление или средство для описания в первом приближении процессов формирования, развития и реконструкции географических и политико-гео-

графических образов. Анализ этих процессов позволяет перейти к исследованию более сложных и неоднозначных явлений – **образных геополитических картин мира.**

Формирование и развитие образных геополитических картин мира в процессе международных переговоров (на примере Потсдамской мирной конференции 1945 г.). **Образные геополитические картины мира** – это целостные системы взаимосвязанных разнородных и разнообразных политико-географических образов различных уровней охвата географической реальности – от местных и областных до страновых, региональных и континентальных. **Цель создания образных геополитических картин мира** – достижение сбалансированного комплекса политических соглашений по какому-либо крупному или глобальному региону мира между участниками международных переговоров, придерживающихся зачастую различных политических взглядов и принципов. Географические знания и их представление выступают, таким образом, естественным полем возможных компромиссов. Адекватной формой выражения этих политических компромиссов может быть геополитическая картина мира.

Процесс формирования геополитической картины мира вновь был исследован на материале советских

записей **Потсдамской мирной конференции**³⁵². На предпоследнем, *двенадцатом заседании конференции* подробно обсуждался проект соглашения союзников – стран-победительниц во второй мировой войне – о **германских репарациях**. Этот вопрос в ходе его обсуждения стал непосредственным катализатором создания геополитической картины мира руководителями *США, Великобритании и СССР* – президентом США *Трумэном*, государственным секретарем США *Бирнсом*, английским премьер-министром *Бевингом* и *Сталиным*.

В связи с вопросом о территориальном разделении источников немецких репараций **Сталин предложил четкое зонирование по акциям германских предприятий**: *Западная Германия/Восточная Германия*, имея в виду западную и восточную зоны оккупации. Вопрос о германских инвестициях за рубежом вызвал новую дефиницию Сталина в результате наводящих вопросов Трумэна: *Восточная Европа была определена им как зона советской оккупации; то, что находится в западной зоне оккупации – Западная Европа*. Но эта новая Восточная Европа включила теперь, по Сталину, *Румынию, Болгарию, Венгрию и Финляндию*, образовав причудливую конфигурацию сравнительно с традиционным пониманием этого по-

³⁵² Там же. С. 359–361.

нятия³⁵³. Попытка Бевина в вопросе Сталину вывести предмет обсуждения за пределы Европы привела к тому, что **понятие германских инвестиций зримо сконденсировало четкие определения западной и восточной зон, при этом восточная зона была ограничена Восточной Европой, тогда как западная зона – это было все, что к западу от нее.** Возникла дихотомия советская зона / весь остальной мир.

Это геополитическое районирование было достаточно нежестким, нечетким по сравнению с традиционным географическим районированием. Второй его признак – это *обособленность от реальной географии.* Так, Бевин, оперируя применительно к вопросу о германских активах в других странах признаком «к западу от зон оккупации Германии», был вынужден включить сюда и *Грецию*, реально находящуюся юго-восточнее и южнее основного геополитического разлома. **Геополитическое пространство было сформировано по отношению**

³⁵³ Понятие Восточной Европы в традиционном смысле – это, на наш взгляд, ядро наиболее устойчивых физико– и культурно-географических представлений о данном регионе в том виде, в котором оно сложилось в течение XIX–XX вв. См. также: Регионализация посткоммунистической Европы (Политическая наука. 2001. № 4). М.: ИНИОН РАН, 2001; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

к традиционному географическому пространству как анаморфированное – это, по-видимому, одно из условий его существования и функционирования.

Акцентирование Бирнсом проблемы акций германских предприятий в его вопросах Сталину привело к дальнейшему упрочению уже сложившейся дихотомической геополитической картины мира, которая, по Сталину, должна была быть достаточно *простой и понятной*, и при этом быть соотносимой с реальной географией. Поэтому **вопрос о географическом разделении места правления предприятия и размещения самого предприятия** был решен им однозначно: *важнее конкретное место размещения или нахождения предприятия*, место правления предприятия как менее важный признак было отсечено. Перекрестные вопросы Бевина и Бирнса Сталину позволили выяснить, что **размещение германских активов в советской зоне оккупации или за ее пределами являлось фактически универсальным, синтетическим признаком дифференциации вновь формировавшейся геополитической картины мира.**

В этой картине мира был образован своего рода **анклав** – *нейтральная зона, состоявшая из Чехословакии и Югославии*, занятых советскими войсками. Однако Сталин отказался от немецких активов, находив-

шихся в этих странах, а также в Западной Австрии. *Восточная Австрия* по признаку германских активов была отнесена Сталиным к восточной зоне.

В итоге можно выделить признаки глобального геополитического районирования или зонирования, проведенного союзниками на Потсдамской конференции. Это: 1) германские инвестиции, 2) акции германских предприятий,

3) германские заграничные активы – фактически дополняет первые два, частично включая их в себя; по содержанию это более широкий признак;

4) право на германское золото (от которого СССР отказался); 5) зоны оккупации. Последний, 5-й признак, по сути, стал исходным основным критерием 1-го этапа геополитического районирования. В целом можно наблюдать, как решение довольно частного вопроса о немецких репарациях привело к тотальному геополитическому размежеванию.

Геополитическая картина мира Сталина была четко дихотомичной, основанной на бинарных оппозициях: восточная зона/западная зона, Восточная Европа/остальной мир. Восточная Европа в геополитическом смысле вобрала в себя Румынию, Болгарию, Венгрию, Финляндию, Польшу – в скрытом виде, ибо в дальнейшем был обсужден по инициативе Сталина вопрос о приглашении Польши на Совет ми-

нистров иностранных дел союзников – и восточную половину Австрии. **Нейтральная, или буферная зона** была образована Чехословакией, Югославией и западной половиной Австрии. Впоследствии эта картина в значительной степени изменилась и дифференцировалась: Чехословакия вошла в советскую Восточную Европу, Австрия отошла в западную зону. Эскизный характер этой картины мира привел к ее последующему усложнению. Но в любом случае она выступала как одна из основ дальнейших политических действий.

К особенностям этой образной геополитической картины мира можно отнести: 1) несомненную и прямую связь с географией оккупационных зон союзников, 2) явную локальность геополитического, преимущественно военно-стратегического, влияния СССР – только в Восточной Европе; 3) известную приземленность и привязанность к реальной географии производства – важно было, где находилось само предприятие, а не его правление. **В целом эта картина – результат во многом жесткости, сосредоточенности и узости геополитического мышления Сталина.**

Геополитическое мышление западных союзников в исследованном диалоге можно назвать мягким, *soft*: они как бы экспертным путем выявляли геополитиче-

скую картину мира Сталина и, косвенным образом, одновременно формировали свою – как определенный ответ на этот достаточно жесткий взгляд на мир. Однако *эти формировавшиеся одновременно картины были заранее асимметричны*, ибо условные критерии, по которым проводилось геополитическое районирование, имели различные вес и значение с точки зрения партнеров по переговорам.

В ходе диалога западные союзники пытались выявить однозначные соответствия в проведенном районировании, *сделать перевод с одного «языка» геополитического районирования, более жесткого (Сталин) на более мягкий, собственный*: например, усилия Бирнса в *выявлении соответствия двух различных критериев*, фактически тождества – зон оккупации и активов предприятий. Для западных союзников постепенно выяснился основной исходный критерий этого геополитического районирования со стороны Сталина – **реальные зоны оккупации**, тогда как для Сталина стали более ясными основные критерии геополитического разграничения союзников, которые вынуждены были формулировать их в диалоге – **германские инвестиции и активы** – будучи важны сами по себе, они не выступали для них первоначально критериями определенного геополитического разделения и представления послевоенного мира.

Достаточно жесткая дихотомичная биполярная картина мира, которую пытался представить Сталин в диалоге с Бирнсом и Бевином, постепенно, в ходе диалога смягчалась, и *была выработана более мягкая и более надежная для обеих сторон картина*, в которой уже была нейтральная зона помимо западной и восточной, а в качестве основных критериев разделения был использован не только критерий оккупации, но и инвестиций, активов, акций предприятий и золота.

Западные союзники – Бевин – пытались привязываться к реальной географии – **«к западу от зон оккупации Германии»** для определения принадлежности *Греции* при идентификации понимания Сталиным понятия *Восточной Европы*. Однако стало ясно, что формировавшаяся в диалоге геополитическая картина мира сильно отличалась от собственно географических представлений его участников: Греция, находящаяся в реальных географических координатах юго-восточнее Германии, попала в западную зону.

По сути, ***вся образная геополитическая картина, или картины мира, сформированные в этом диалоге, были основаны на отношении к Германии, политико-географическом представлении о Германии 1945 г.*** Поэтому их в достаточной степени можно считать уникальными, *германоцентричными*.

ми.

Традиционные географические представления о границах Восточной Европы и понятие Восточной Европы в контексте диалога были деформированы. Из понятия Восточной Европы выпала или было отсечена большая часть относимых к этому региону стран, зато во вновь сформированное политико-географическое понятие Восточной Европы попала Финляндия, в традиционном смысле не входящая в этот регион. Трансформированное в геополитическом контексте диалога, главным образом Сталиным, понятие Восточной Европы включало теперь Румынию, Болгарию, Венгрию и Финляндию. Анаморфированный характер геополитической картины мира Сталина по сравнению с традиционными географическими представлениями проявился в жестком и даже неравновесном противопоставлении, бинарной оппозиции Восточная Европа/весь остальной мир («все другие страны», «Южная Америка, Канада и т. д...»), тогда как традиционная географическая картина мира в качестве одной из исходных равновесных бинарных оппозиций предполагала деление Западная Европа/Восточная Европа. Гипертрофия понятия Восточной Европы – в геополитическом, а не в традиционном географическом смысле – это один из признаков, по которым можно проводить идентификацию рас-

смотренной образной картины мира в системе традиционных географических координат.

*В результате формирования рассмотренной образной геополитической картины мира произошла трансформация традиционных географических образов Германии, Восточной Европы, Финляндии и СССР. Возникли новые геополитические понятия восточной и западной зон. Расширилось само пространство взаимодействия этих географических и политико-географических образов и изменилось их взаиморасположение относительно друг друга. Так, понятие **Восточной Европы как бы продвинулось на запад**, приобретая одновременно при этом в геополитическом контексте восточные или советские характеристики. **Понятие СССР стало ядром понятия восточной зоны**, а в геополитическом смысле СССР стал хозяином Восточной Европы. **Географический образ Финляндии как бы сдвинулся одновременно на юг и на восток**, а сама Финляндия попала в число сателлитов СССР, но в мягкой форме – не будучи оккупированной советскими войсками (см. рис. 20).*

Рис. 20. Динамика некоторых страновых и региональных географических образов по результатам переговоров на Потсдамской мирной конференции (1945 г.)

Значительные смещения, деформации традиционных географических образов и возникновение наряду с ними жестких прикладных геополитических образов, взаимопроникновение и увеличение потенциальных возможностей взаимо-

действия различных географических и политико-географических образов – это характерные признаки вновь формирующихся образных картин мира. Целостные и сложные образные геополитические картины мира могут возникнуть чаще всего именно в переломные исторические эпохи. Выявление, реконструкция и анализ образных геополитических картин – один из наиболее эффективных способов представления географических и политико-географических знаний в рамках межкультурных и межкультурных взаимодействий.

В результате картографирования географических образов достигается максимальная символизация географического пространства, а его представление становится в рамках культуры всеобщим. Благодаря этому процессу репрезентация географических образов становится эквивалентной, или тождественной их интерпретации как таковой. Иначе говоря, создание конкретной образно-географической карты можно рассматривать как процесс интерпретации изучаемого ГО. Как следствие, происходит трансформация самого содержания и понимания понятия картографирования; оно становится во многом более близким понятию *mapping*, господствовавшему, например, в английском языке до введения слова *cartography* в

Понятие картографирования переводится в мета-географическую плоскость. В этом случае картографирование фактически как бы опережает реальное пространство, «диктует» ему свои условия, а картографируемые географические образы постоянно конструируют, дополняют, переформируют реальное пространство. В результате подобного картографирования географических образов создаются специфические фреймы³⁵⁵ восприятия окружающей среды, которые как бы впитывают реальность в сами географические образы. Такие фреймы обрамляют традиционное географическое пространство, создают ему рамки. Хотя фрейм в одном из своих значений в переводе с английского и означает рамку, однако в данном случае мы сознательно расширяем значение этого слова. Следовательно, образ становится, в известном смысле, шире реальности, и при этом он ее усваивает в процессе и процессом картографирования. Как результат, на метауровне создаются карты географических образов. Концептуальные карты гео-

³⁵⁴ O *Cadhla S.* Mapping a Discourse: Irish Gnosis and the Ordnance Survey 1824–1841 // Culture, Space and Representation. A special issue of the Irish Journal of Anthropology. 1999. Vol. 4. P. 94.

³⁵⁵ См.: *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

графических образов являются своего рода методологическим руководством для построения более подробных карт в специализированных областях деятельности – например, в области изучения культурного и природного наследия, в туризме, в управлении имиджами территорий и регионов³⁵⁶. *Под имиджами территорий и регионов здесь понимаются ГО соответствующих географических объектов, разрабатываемые в прикладных целях и имеющие простые и понятные для СМИ репрезентации.*

Развитие ОГК ведет к созданию специфического языка образно-географической карты. Семантика образно-географических карт опирается на возможности морфологической трансформации ГО по отношению к соответствующему географическому объекту и к самому себе. С одной стороны, один и тот же географический объект может выступать как источник, порождающий несколько различных ГО и, соответственно, несколько возможных образно-географических карт с разным составом элементов, а также

³⁵⁶ См. в связи с этим: *Кирюнин А. Е.* Имидж региона как интериоризация культуры. М.: Книжный дом «Университет», 2000; *Панкрухин А. П.* Маркетинг территорий: Учебное пособие. М.: Изд-во РАГС, 2002; *Шлаффке М.* Экономические основания конструирования рекламой вымышленных объемных изображений при создании имиджа туристского региона // Теория и практика международного туризма / Сб. статей; Под ред. А. Ю. Александровой. М.: КНОРУС, 2003. С. 162–168.

с различными значениями совпадающих во всех картах элементов. С другой стороны, возможно создание нескольких образно-географических карт одного и того же ГО, с различной интерпретацией составляющих его архетипов, знаков и символов – в зависимости от целей и задач создающего ту или иную карту. Следовательно,

ОГК само по себе есть самостоятельная, важная в содержательном плане часть моделирования ГО.

2.4.3. Картосемиотика географических образов

Необходимо констатировать здесь сильные отличия от традиционной семиотики географической карты, хотя при этом, картосемиотика географических образов, несомненно, опирается на нее. Проблема состоит в следующем: каковы расстояния (их символичность, знаковость) между образами в геосемиотическом пространстве³⁵⁷, как их трактовать и интерпретировать?

³⁵⁷ См., например: *Лютый А. А.* Язык карты: сущность, система, функции. М.: ИГ РАН, 2002; также: *Крутько В. Н.* Семантические модели и проблема представления географической информации // Вопросы географии. Сб. 127. М.: Мысль, 1986. С. 17–22 и др.

Политико-географические образные карты современного мира. Динамику ПГО современного мира можно отразить на специальных политико-географических образных картах (ПГО-карты). На ПГО-картах репрезентируется условное (анаморфированное) политико-географическое пространство, которое может быть частично геометризовано³⁵⁸. Аналогом ПГО-карт в современной теоретической географии являются уже рассматривавшиеся ранее картоиды³⁵⁹. ПГО-карта в общем виде должна быть «объемной»: определенные ПГО представляются как «голографические структуры». Необходимая «голографичность», объемность достигаются путем создания серии ПГО-карт, фиксирующих функциональный ПГО-рельеф современного мира в его динамике. На базе подобных карт возможно также построение ПГО-профилей, аналогичных классическим геоморфологическим профилям. Синтетический вариант – конструирование трехмерных ПГО-карт-моделей, соединяющих преимущества традиционных двумерных картографических изображений и объемных трехмерных

³⁵⁸ См., например, по аналогии: *Неклесса А. И.* Конец эпохи Большого Модерна. М.: Институт экономических стратегий, 1999. (Геоэкономический атлас мира).

³⁵⁹ См.: *Родоман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.

профилей (с максимальным использованием возможностей компьютерной графики)³⁶⁰.

Важнейший источник для разработки ПГО-карт – концепты и модели современной динамической геоморфологии³⁶¹. Трансформирование этих концептов и моделей в целях создания эффективных ПГО-карт современного мира позволит оконтурить, зафиксировать метапространство мировой политико-географической динамики. В подобном метапространстве взаимодействуют ПГО двух типов: *структурные*, означающие концептуальные политико-географические репрезентации (например, «ось истории» и «мировой хартленд» Х. Маккиндера, «конец истории» Ф. Фукуямы, «столкновение цивилизаций» С. Хантингтона, «cleavage» С. Роккана, «геополитическая платформа» М. В. Ильина³⁶² и т. д.), и *содержательные* (обычно страновые и/или региональные), означающие тра-

³⁶⁰ Берлянт А. М. Виртуальные геоизображения. М.: Научный мир, 2001

³⁶¹ См.: Морфология рельефа. М.: Научный мир, 2004; также: Пенк В. Морфологический анализ. М.: Географгиз, 1961; Дэвис В. М. Географический цикл // Географические очерки. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 7—25.

³⁶² Ильин М. В. Геохронополитические членения (cleavages) культурно-политического пространства Европы и Евразии: сходства и различия // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России (материалы семинара). М.: МОНФ, 1999. С. 46—79.

диционное, долговременное историко-культурное и политическое членение мира (например, концепты Ближнего Востока, или Центрально-Восточной Европы). ПГО-карта является полем взаимодействия и взаимопроникновения ПГО двух основных типов, показывая их взаимный концептуальный дрейф в политико-географическом метапространстве (см. рис. 21).

Рис. 21. Формирование политико-географического метапространства

Имперские картографические дискурсы. Принципиальная особенность картографического языка географических образов состоит в конструировании пластичных и динамичных анимационных поверхностей, предполагающих, как правило, несколько пространственных измерений. Например, исследования имперских картографических дискурсов, формировавшихся в период активных колониальных захватов, демонстрируют изменчивость и вариативность географических образов, продуцируемых метрополией³⁶³. Так, господствующие географические образы колоний Британской империи – таких, как Ирландия или Индия – создавались как некие содержательно «пустые места», «пустые пространства», культурно заполняемые метрополией, ее ведущими образами³⁶⁴.

³⁶³ *Постников А. В.* Русская Америка в географических описаниях и на картах. 1741–1867. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000; *Он же.* Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). М.: Памятники исторической мысли, 2001; *Said E. W.* Narrative, Geography and Interpretation // *New Left Review*. 180. March-April 1990. P. 81–97; *Turnbull D.* Cartography and Science in Early Modern Europe: Mapping the Construction of Knowledge Spaces // *Imago Mundi*. 1964. P. 5–24.

³⁶⁴ *Hammer M.* Putting Ireland on the Map // *Textual Practice*. 1989. 3. P. 184–201; *O Cadhla S.* Mapping a Discourse: Irish Gnosis and the Ordnance Survey 1824–1841 // *Culture, Space and Representation*. A special issue of the *Irish Journal of Anthropology*. 1999. Vol. 4. P. 84–110.

В подобном имперском картографическом дискурсе мир представлялся как абсолютный центр, периферия фактически исчезала. Однако сам центр становится в этом случае в пространственном отношении как бы приватизированным в рамках всеобщего имперского видения мира, имперской точки зрения.

Поскольку в определенную историческую эпоху существовало, как правило, несколько имперских дискурсов, то картографирование и исследование картосемиотики географических образов позволяют наглядно представить, реконструировать борьбу и взаимодействие этих дискурсов. На подобной образной географической карте отдельные страны и территории выступают как знаки, ярлыки или клейма определенной имперской экспансии, и в то же время они рассматриваются как воображаемые места самой метрополии (метрополий). Сами метрополии в данном случае становятся универсальными, семиотически безупречными географическими образами, фактически знаками, фиксирующими тотальные географии идеальных империй.

Выводы к главе 2

Моделирование ГО в культуре имеет четкие методологические основания. Эти методологические основания делятся на долговременные (постоянные) и кратковременные (ситуативные). Постоянные методологические основания более важны, так как являются онтологическими, характеризуют целостность и объективность моделей ГО, тогда как ситуативные – только свойства отдельных элементов ГО.

В методологическом плане формирование и развитие систем ГО определяется развитием культуры. По мере ее развития, в процессе человеческой деятельности географическое пространство все в большей степени осознается как система (системы) образов. Первоначально, как правило, формируются простые, примитивные ГО, «привязанные» к прикладным аспектам деятельности человека, к наиболее насущным потребностям общества. В дальнейшем, по мере возникновения и развития духовной культуры, искусства создаются и развиваются ГО, в значительной степени, дистанцированные по отношению к непосредственным, явно видимым нуждам общества. Наряду с этим, ранее возникшие виды и типы человеческой деятельности, усложняясь, способствуют зарождению и раз-

витию более сложных и более автономных ГО (например, образы стран и регионов в политической и экономической деятельности).

На хорошо освоенных в процессе человеческой деятельности территориях могут создаваться свои геокультуры, т. е. устойчивые системы географических образов, постоянно воспроизводящиеся, совершенствующиеся и транслируемые вовне. Развитие, взаимодействие и соперничество различных геокультур во многом определяет процессы развития и взаимодействия отдельных культур и цивилизаций. Межкультурная и межцивилизационная адаптация включает в себя создание гибридных, переходных ГО в зонах этнокультурных и цивилизационных контактов.

В моделировании ГО используются важные методологические понятия, такие, как образно-географическая деятельность, образно-географические репрезентация и образно-географическая интерпретация. С их помощью устанавливаются значимость, характер, происхождение, структура, способность к развитию или расширению наблюдаемого ГО. Кроме того, в ходе образно-географических интерпретаций выявляются возможности воздействия ГО на конкретные процессы человеческой деятельности.

Эффективное изучение ГО должно опираться на базовую модель идеального ГО. Эта модель, подоб-

но модели идеального газа в физике, или теории центральных мест в теоретической географии, показывает в обобщенном виде фундаментальные структуры функционирования ГО. Разработанная нами модель является открытой системой, поскольку сами ГО, несомненно, являются открытыми и динамичными системами. Адаптация базовой модели идеального ГО к параметрам внешней среды осуществляется в рамках блоков инноваций и синтеза.

Исследования динамики развития различных ГО проводятся с помощью принципиальной схемы формирования и развития ГО. В данной схеме предусматриваются: 1) процессы препарирования исходных образов и символов, характеризующих определенный географический объект; 2) процессы социокультурного соотнесения ГО к порождающему его объекту; 3) процессы морфологической трансформации ГО, которые рассматриваются в двух аспектах: а) морфологическая трансформация ГО по отношению к соответствующему ему географическому объекту, которую можно также назвать «искажением» или «искривлением» исходных свойств объекта; б) морфологическая трансформация ГО самого по себе; 4) процессы временного запаздывания в изменениях ГО по сравнению с соответствующим ему географическим объектом (временной лаг ГО, или образно-географиче-

ский лаг). Выявленные в принципиальной схеме процессы формирования и развития ГО могут сосуществовать во времени, или пересекаться во времени, порождая и стимулируя последовательное развитие друг друга.

Важной составляющей методологии моделирования ГО является образно-географическое картографирование (ОГК). Для изучения структур и систем ГО ОГК предполагает создание условных графических моделей, в которых частично сохраняется географическая ориентация традиционных карт и используются в качестве способов изображения и/или репрезентации способы изображения из математической (топологической) теории графов и т. н. диаграммы Венна (используемые, прежде всего, в логике). Образно-географическая карта есть графический инвариант обобщенной модели определенного ГО, при этом соответствующие этому ГО качества и параметры географического объекта с максимально возможной степенью плотности «свертываются» в конкретные элементы такой карты (графически изображенные соотношенные, связанные между собой архетипы, знаки и символы).

Первый вывод главы: *чем больше факторов влияет на формирование и развитие определенного ГО, тем сложнее его структура; чем меньше фак-*

торов, тем проще структура ГО. **Второй вывод:** чем проще система ГО, тем больше вероятность ее быстрого распада в результате внешних воздействий и внутреннего развития, что свидетельствует о не достаточно интенсивном освоении соответствующей территории (пространства). Количество и качество образно-географических репрезентаций и интерпретаций в простых системах ГО не обеспечивает устойчивого развития системы.

Метод образно-географического картографирования (ОГК) позволяет сравнивать уровень сложности структуры систем не только разных по своей специализации ГО (политико-географических, культурно-географических, экономико-географических и т. д.), но и не подлежавших ранее сравнению объектов – страны с городом, региона со страной, региона с городом. Этот метод можно использовать для анализа структур образно-географических систем всех территориальных уровней, территорий любых размеров, систем всех специализированных классов ГО.

Выявленные нами базовая модель идеального ГО и принципиальная схема формирования и развития ГО указывают на то, что для всех основных систем ГО (политико-географических, культурно-географических, экономико-географических) характерно *топоморфологическое сходство*. Обнаружено, что эти си-

системы имеют одни и те же структурные элементы (блоки, ядра, оболочки). Они различаются лишь количеством и размерами этих элементов. Различия между структурами ГО стран, регионов и городов незначительны. Понятно, что системы ГО внутристрановых регионов имеют более простые структуры, чем эти же системы на уровне страны, а системы ГО города проще систем ГО стран и регионов. Однако самые сложные системы ГО городов имеют полное топологическое сходство с системами ГО самых развитых стран и регионов. Итак, в методологическом плане всем системам ГО присущ *топологический изоморфизм*. Это – **третий главный вывод**.

Знание о топологической структуре образно-географических систем и закономерностях динамики формирования и развития ГО, полученное в главе 2, является основой для изучения основных классификаций ГО, а также основных стратегий разработки и создания специализированных ГО.

Глава 3

Основные классификации географических образов

Эта глава посвящена изучению важнейших особенностей и закономерностей моделирования ГО в культуре, выявляющихся в процессах их классифицирования. Поэтому сначала, как правило, рассматривается содержание конкретной классификации, а затем анализируются соответствующие этой классификации особенности, закономерности и механизмы моделирования ГО в различных социокультурных контекстах.

Методологическое обеспечение и развитие моделирования ГО в культуре предполагает построение классификаций, которые должны в основном охватывать возможное и необходимое разнообразие изучаемых ГО. Базовая модель идеального географического образа дает возможность выделить спектр перспективных для рассмотрения классификаций ГО.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.